

№ 4

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Лейла БЕГИМ. <i>Ход конём. Пьеса</i>	17
Юсиф Везир ЧЕМЕНЗЕМИНЛИ. <i>Студенты. Роман (Окончание.)</i>	45
Притчи от АЙДАН	120

ПОЭЗИЯ

Насими. <i>Стихи</i>	3
Елизавета КАСУМОВА. <i>Насими. Стихи</i>	15
Марат ШАФИЕВ. <i>Стихи</i>	34
Сиявуш МАМЕДЗАДЕ. <i>Стихи</i>	119
Сергей ШАУЛОВ. <i>Стихи</i>	126

ПУБЛИЦИСТИКА

Гусейн АДЫГЕЗАЛОВ. <i>Азербайджанский поэт-мыслитель мирового масштаба</i>	7
Чингиз ГУСЕЙНОВ. <i>Размышления в связи с собственным девяностолетием</i>	40
Сергей ШАУЛОВ. <i>Автобиография</i>	129
Ниджат МАМЕДОВ. <i>Субъективные заметки любителя horror</i>	130

2019

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ-СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамия ШАРИФОВА тел: (055) 846-98-49
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аскал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос-Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:

AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53

Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Тел: 493-86-04; 493-75-81

Сдано в печать 18.03.2019г.

Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16

Печать офсетная, 8.25 печ. л.

Тираж 400

Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС

Тел.: 497-36-23

Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

В 2019 году исполняется 650 лет со дня рождения великого азербайджанского поэта Имадеддина Насими. В этой связи нынешний год Распоряжением Президента Азербайджана Ильхама Алиева объявлен Годом Насими

ИМАДЕДДИН НАСИМИ

Рубаи

* * *

«Я – вечный свет, лишь с виду прах!» – сказал я.
«Суть всех вещей – в моих словах!» – сказал я.
Пусть не все поймут, пусть не все поверят:
«Аллах во мне, я сам – Аллах!» – сказал я.

* * *

Чтоб этот мир понять, им восхититься надо,
Чтоб свет любви познать, страдать в темнице надо,
И если ты султан, а хочешь видеть бога,
С престолом и венцом тебе проститься надо.

* * *

В чужой цветущий сад вошел я, дерзновенный,
И замер, восхищен красою сокровенной.
Склонилась лилия ко мне и прошептала:
«Ах, настоящий миг – лишь этот миг мгновенный!»

* * *

Я – вечность, ей нет и не будет конца,
Я – чудо творенья и сила творца,
Я – кравчий, наполнивший чашу познания,
Я – свет, что пронзит все людские сердца!

Перевод С. Северцева

Стихи – обращения

* * *

О краса моя, радость, надежда, опора, отрада,
Милый друг, моя нега, всем мукам и бедам улада,
О владычица сердца, желанная, жизнь моя, счастье,
Цель стремлений, мечта – все, что думаю и помыслам надо,
Луноликая пери, шалунья, восторг, озорница,
Мой жасмин, кипарис, моя роза, изящества чадо,
Совершенство, избранница, чудо любви, диво страсти,
Ты – кумир мой, Кааба, ты – гурия райского сада.
Ты – подмога душе, моя верность, страданье и мука,
Мой властитель, владыка, ты – кара моя и пощада,
Ты – рейхан благовонный, ты – амбра, душистая роза,
Ты – рубин мой и яхонт, ты – жемчуг и перл, светоч взгляда,
Ты – светило мое, мое солнце, звезда и сияние,
Эта песнь Насими – твоего, соловьиного лада!

Перевод С. Иванова

* * *

Из пустырей небытия был дух святой на свет явлен:
Неизреченное тая, в сиянье явных мет явлен!
Светило истины взошло в мельчайших блестях бытия,
И свет его осилил зло – был, солнцем обогрет, явлен.
Над вечностью подъявля стяг, «Я – истина!» – воззвал Мансур –
Земле и небу вечных благ нетленный был завет явлен.
Благого лика естество, ты – свиток истины самой:
Весь сущий мир из букв его – в покровы их одет – явлен.
О, воссиявшее во мгле зеркало светлого чела,
Где, на каком еще челе всей сущности отсвет явлен?
Свет, бывший тайным, не угас: любовью ангелов храним,
Он праведникам был не раз в награду за обет явлен.
О, чтущий идолов! Усвой величье господя, прозри:
Господней волей идол твой, как и любой предмет, явлен!
Отшельник, жаждущий постичь ниспосланного слова суть!
Внемли тебя зовущий клич: желанный миг бесед явлен.
О ты, кто ханжеству радел, – живущий ложью лицемер!
Каков итог свершенных дел, таков им и ответ явлен.
О шах, погрязший в злых делах на брэнном троне бытия!
Едва услышишь слово «шах» – глядишь, и «мат» вослед явлен!
Хвала творцу! Он не суров к мужам обета и любви:
Им без зарокв и постов Всевышнего совет явлен.
Дар истины из двух миров просил смиренно Насими –
И был услышан страстный зов: тот дар, что им воспет, явлен!

* * *

Светилом счастья озарен над нами небосвод,
Венера благостных времен сияет нам с высот.
Зеркалом быть нам нарекла и отразилась в нас
Та суть, что, сущностью светла, всей яви смысл дает.
Великих празднеств близок миг – ступай в чертог святынь,
«Велик Аллах, Аллах велик!» – зывает горний свод.
Что смолк, божественный певец? Раздайся рокот струн!
Здесь кипарис, краса сердец, на благо нам цветет.
О, пленники любовных мук, отверзся скрытый клад –
Внемлите, страждущие, звук потока райских вод.
Навек от сердца отрешь все блага двух миров:
Нам повелитель стран души сокровища несет.
Ты птицу сердца не лови в тенета плотских пут,
Нам птица счастья и любви – дар благостных щедрот!
Разящи звуки моих слов, как острый меч Али,
Который головы врагов безжалостно сечет.
Едва лишь мускус черных кос обвеял Хорасан,
Благоухание принес сменивший ночь восток!
Покинь пустыню горемык, вернись в чертог души –
Твоей любимой лунный лик на мир сиянье льет.
Когда же ты с чела сорвешь смутительный покров? –
Ведь ты повергла сонм святош в смятенье и разброд!
Грудь Насими испещрена чертами тайных букв –
Господней воли письменна он на бумаге вьет!

* * *

«Я – бог!» – как Мансур, эту истину я возгласил,
Одних озарил, а других возмутил и взбесил.
Я – кыбла для праведных, любящий друг – для влюбленных,
Ваш сад я, ваш дом, что для каждого двери открыл.
Я – зоркий Муса, что с вершины беседует с богом,
Я – светлый Синай, что пророку пути озарил.
Красу твоих грозных бровей созерцать я достоин,
В огонь твой вступаю и сам становлюсь огнекрыл.
Слиянье с творцом – вот святое вино моей веры,
И я на пиру эту чашу до дна осушил.
О ты, чьи уста – словно полдень, а волосы – полночь,
Вином стань моим, стань целебным источником сил.
Во мне и вовне – ты повсюду, куда я ни гляну,
Отныне я в счастье страданья свои превратил.
Я всех восемнадцати тысяч миров повелитель,
Аллаха, сокрытого всюду, в себе я сокрыл.
Я – тайна, живущая в каждом непознанном чуде,
Я – солнце, горящее ярче небесных светил.
Пред вами отверз Насими сокровенную правду:
Я счастлив, я знаю, что бога в себе воплотил!

* * *

Наступила весна, и с лица Гюлизар приподнялась завеса теней,
Время терний минуло, в бутонах кусты, и сады с каждым днём зеленей.
И, весенним огнём озарён, Гулистан, как священный Синай, запылал.
Приходи, Моисей, приходи и взгляни на огонь и сиянье ветвей.
Как уста, улыбнулись бутоны вокруг, и неслышно раскрылись цветы.
И в прекрасную розу с приходом весны снова бедный влюблён соловей.
Сколько разных цветов, сколько ярких цветов, но под утренним солнцем они,
Потеряв пестроту, все горят золотым отраженьем небесных лучей.
Напои меня, кравчий, весенним вином, я сребристую деву ищу,
Торжествует цветенье, но нет ещё роз на ланитах любимой моей.
Ты послушай: в саду гиацинт и нарцисс шепчут нежно друг другу слова,
Гиацинт и нарцисс знают тайну одну, никому не расскажут о ней.
Если хочешь ты скрытые тайны узнать, если хочешь проникнуть в ничто,
Ароматы цветов пусть расскажут тебе о начале миров и вещей.
Если хочешь, о внемяющий, чтобы сейчас всё на свете открылось тебе,
Ты, мелодию взяв, отыщи в глубине все законы движения в ней.
Если ты не немой, гиацинт, приходи, будем рады послушать тебя,
Ты откуда, великое слово, взялось, Расскажи, Расскажи нам скорей.
Обратился наш мир в расцветающий рай, ходят райские гурии в нём,
Приделались сады, и раскрылись вчера на деревьях десятки очей.
Ты доволен, что розы покрыли цветник, что жасмины вокруг разрослись?
Оцени этот миг, ибо всё пропадёт через пять торопящихся дней.
Пусть подобны дыханью Иисуса слова, что изрёк пред тобой Насими.
Всё равно для тебя безразличны они – нету силы у веры твоей.

* * *

Мир не стоит, так пусть твои пройдут в движеньи дни.
Мир блеском, мишурой покрыт – обманчивы они.
Не станет время ждать тебя, оно уйдет вперед.
О прозорливый, в этот мир поглубже загляни.
Богатство всей земли – тщета, пойми, о господин!
Все блага мира от себя с презреньем отними!
Но если любишь – за нее, избранницу души,
Хоть палачу отдай себя, хоть сам себя казни!
О сердце, заблудилось ты во тьме ее волос.
Любовь, подумай обо мне, на утро ночь смени!
И если завершился мир твоею красотой,
Как Магомет, опять к луне свой палец протяни.
И если ты, как Моисей, встречаешься с огнем,
То светом чуда озарись и тайну объясни.
Ты в мире только на пять дней, но раз мужчина ты –
Ты корень мира, вырвав прочь, по-своему согни.
Да, Насими узнал теперь, что смерть к тебе пришла.
Скажи, Ширин, что мертв Фархад, потухли глаз огни.

* * *

В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь:
Я суть, я не имею места – и в бытие я не вмещусь.
Все то, что было, есть и будет, – все воплощается во мне,
Не спрашивай! Иди за мною. Я в объясненья не вмещусь.
Вселенная – мой предвозвестник, мое начало – жизнь твоя.
Узнай меня по этим знакам, но я и в знаки не вмещусь.
Предположеньем и сомненьем до истин не дошел никто:
Кто истину узнал, тот знает – в предположенья не вмещусь.
Поглубже загляни в мой образ и постарайся смысл понять –
Являясь телом и душою, я в душу с телом не вмещусь.
Я жемчуг, в раковину скрытый. Я мост, ведущий в ад и в рай.
Так знайте, что с таким богатством я в лавки мира не вмещусь.
Я самый тайный клад всех кладов, я очевидность всех миров,
Я драгоценностей источник, – в моря и недра не вмещусь.
Хоть я велик и необъятен, но я Адам, я человек,
Я сотворение вселенной, – но в сотворенье не вмещусь.
Все времена и все века – я. Душа и мир – все это я!
Но разве никому не странно, что в них я тоже не вмещусь?
Я небосклон, я все планеты, и Ангел Откровенья я.
Держи язык свой за зубами, – и в твой язык я не вмещусь,
Я атом всех вещей, я солнце, я шесть сторон твоей земли.
Скорей смотри на ясный лик мой: я в эту ясность не вмещусь.
Я сразу сущность и характер, я сахар с розой пополам,
Я сам решенье с оправданьем, – в молчащий рот я не вмещусь.
Я дерево в огне, я камень, взобравшийся на небеса.
Ты пламенем моим любуйся, – я в это пламя не вмещусь.
Я сладкий сон, луна и солнце. Дыханье, душу я даю.
Но даже в душу и дыханье весь целиком я не вмещусь.
Старик – я в то же время молод, я лук с тугою тетивой.
Я власть, я вечное богатство, – но сам в века я не вмещусь.
Хотя сегодня Насими я, и хашимит и корейшит,
Я – меньше, чем моя же слава, – но я и в славу не вмещусь.

ГУСЕЙН АДЫГЕЗАЛОВ

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ПОЭТ-МЫСЛИТЕЛЬ МИРОВОГО МАСШТАБА

К 650-летию юбилею Насими

Азербайджанский народ миру подарил немало выдающихся мастеров искусства. Одним из них является гений восточной классической поэзии Сеид Имадеддин Насими (1369–1417), чьи произведения занесены в золотой фонд мировой литературы. Насими родился в городе Шамахи, был блестяще образованным человеком, в совершенстве владел всеми тонкостями арабского, персидского и тюркского языков. Как основоположник традиции письменной поэзии на азербайджанском языке, поэт оставил богатейшее поэтическое наследие на трех языках, дошедшее до нас без потерь, переведенное и изданное на многих языках мира, в том числе и на русском языке.

Первое личное знакомство автора этих строк со стихами Насими, как и у многих других, состоялось в школе, когда по диктату господствующей идеологии учебники распространяли идею о том, что поэт якобы выступал против Аллаха и религии, за что и был мучительно казнен. В пример приводили его известные строки «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь». В школьные годы почти все мы наизусть учили эту и другие газели поэта, а истинный смысл их, заключающийся в том, что человек в представлении поэта всеобъемлюще велик, в нем – вся Вселенная, вся премудрость мира – раскрылся нам значительно позже.

В период учебы в вузе и своей последующей деятельности при чтении стихов Насими я всё больше убеждался в том, что Насими обладал драгоценным поэтическим свойством заражать читателя своими идеями, был свободным и вольным человеком, не позволившим себя сломать, что основной мыслью в поэзии Насими является отождествление человека и Аллаха, иными словами, обожествление человека. За свободолюбивые, гуманистические произведения поэт велением зловещего духовенства был подвергнут чудовищному наказанию: с него заживо содрали кожу. Так завершил свою жизнь великий поэт и мыслитель, имя которого вошло в историю мировой культуры как имя борца за раскрепощение человечества.

Надо сказать, что впечатление от героического поведения Насими и в жизни, и при казни еще более усилилось при просмотре фильма «Насими»: сколько же энергии, огня, жизни было в этом человеке – в его движениях, стихах, взглядах. Своими разножанровыми творениями, своими пламенными стихами он утверждал мир реальный, земной, с его горечью и невзгодами, но и с его высокими нравственно-духовными свершениями, красотой и благородными страстями человека.

В нынешнем году в соответствии с распоряжением президента Азербайджана Ильхама Алиева вся культурная общественность нашей страны отмечает 650-летний юбилей со дня рождения великого поэта-гуманиста Насими, вся поэтическая мощь которого нацелена на морально-нравственное и духовное совершенствование человека и его внутренне очищение. В данном документе высоко оценивается мировое значение творчества азербайджанского классика: «Имадеддин Насими является одним из могучих мастеров слова, подаренных азербайджанским народом общечеловеческой культуре. Он возвысился на основе богатого культурно-духовного достояния Востока и создал ценнейшие жемчужины искусства художественного слова».

В своих произведениях, заслуженно занимающих достойное место среди самых совершенных образцов мировой поэзии, Насими воспевал величие человека, человеческую любовь и свободу личности.

Именно поэтому в президентском распоряжении перед научной и культурной общественностью страны ставится масштабная цель широко отметить на государственном уровне славный юбилей великого поэта и мыслителя, ставится задача заново и глубже рассмотреть проблемные аспекты творчества Насими, с новых позиций осветить и оценить отдельные аспекты такой сложной, многоплановой и актуальной в наши дни проблемы переложения богатого творческого наследия Насими на русский язык, проанализировать состояние качества перевода насиминских шедевров на языки народов мира в общей системе азербайджанско-иностранных литературных связей.

Настоящая статья призвана по-новому взглянуть на поэтический мир Насими, оценить его с позиции суверенитета и независимости нашего народа и идеи азербайджанства, поделиться размышлениями о мировоззрении поэта, рассказать об интересных фактах из истории переводов его творений на русский язык.

Творчество Насими посвящено доказательству истинности суфийского учения – религии любви к Истине, служению Аллаху, стремлению к духовному слиянию с Ним, и таким образом обеспечению человеку вечного счастья после его физической смерти. Насими убеждал, что путь к Истине лежит только через любовь к Творцу, в мире существует лишь одно Бытие – Аллах, все остальное есть творение временное и преходящее, вмещающееся в пространство и время, только Аллах находится вне пространства и времени, Он не может вместиться в них, ибо Он сам – их Создатель, понятно, что Творец не может находиться в сотворенной им самим Вселенной. Поэтому все, что существует, есть проявление Аллаха, внешнее свидетельство Его Бытия. Об этом читаем в одном из стихотворений Насими:

*Со всех шести сторон взгляни на мир,
Лишь слово – мира нашего основа.
Меж речью и произносящим речь
По сути нет различья никого.*

Как и его предшественники-суфии, Насими полностью разделяет идею «вахдат аль-вуджуд» (единство бытия), в продолжении данного стиха поэт утверждает: мир один, потому что Аллах один:

*Мой друг, сей мир един, и потому живи,
Но так, чтобы твоя душа не раздвоилась.*

В философской лирике поэта мы находим ответ на вопрос, кому дано познание Истины? Только тому, говорит Насими, кто еще при жизни отказался от своего «я», от материального мира, полностью освободился от земных страстей и увлечений, духовно соединился с Творцом и поэтому сам превратился в Истину. Другими словами, его уже нет, он во власти Всевышнего:

*Моя душа – во власти света, мне внятна истина «Я – Бог» –
Чье сердце пламенем согрето, знать истину тому дано.*

Творческий путь Насими начинал как приверженец суфийских идей, позднее, с принятием хуруфизма, это учение нашло у него проявление в синтезе с суфизмом.

Мистическая символика букв служит Насими средством для художественного раскрытия философской проблемы совершенного человека; пользуясь этой символикой, поэт выдвигает суждения о пределах и уровнях интеллектуальных возможностей человека, о роли разума и познания божественного света, явленного в самом человеке, познания Вселенной и Аллаха. Познание и самопознание – непреходящие мотивы поэзии Насими. Разум – величайшее благо, дарованное человеку Аллахом. Этот дар ставит человека выше всех созданий. Человек – венец творения, достойный поклонения. Он – великая сила. Все блага природы, красоты мира – для человека. Памятник искусства, переживший века, – творение человеческих рук.

Для познания Истины человеку необходимо отречься от всех земных благ, так как материальный мир заманчив, обманчив и уводит его от истинного пути:

*Чтоб мир познать, взгляни вокруг и ввысь,
Ты трезв – испей вина любви, влюбись.
И если ты увидеть хочешь Бога,
То, царь земной, от трона отрекись!*

По мнению Насими, мудрость достигается только познанием Истины. Мудрец понимает, что смысл жизни человека заключается в понимании своего предназначения. Задача эта решается чрезвычайно трудно, к этому нужно готовиться долго и терпеливо:

*Хотите мудрецами быть, спешите, чтоб скорее
Познать двери отворить, что за семью замками.*

Насими утверждал, что мудрого человека, как бы тяжело ему ни было в этом мире, ждет вечное блаженство на том свете, что это вознаграждение от Аллаха. Кроме того, необходимо найти подходящий ключ к каждой двери, и если этот ключ случайно попадет в руки невежды, то он все равно не сможет пользоваться им. Умение, мастерство достигаются длительным и упорным учением, трудом, потому что непосвященный человек никогда не сможет понять настоящего смысла своего существования. По мнению Насими, источником всех человеческих бед и зол в мире является алчность людей, страсть к обогащению любыми средствами, в результате которых человек становится рабом своих страстей:

*Богатство мира – зло, на свете зло творят
Богатство и нужда – скорей бы все сгорело.*

Насими до конца не отступает от избранного пути, верит в правильность своего выбора и в достижение цели, других призывает присоединиться к нему. Поэт всю свою жизнь мечтал быть плененным только возлюбленной, а он всей душой влюбился в Аллаха, больше никто, ничто его не интересует. Он презирает бренный мир, считает его ничтожным, не ожидает от него ничего хорошего:

*Мир – падаль, пусть его собаки ценят.
Благоуханья от него, гнилого, не ожидай.
В шербете мира – яд, наш мир – отравы.
Ты исцеленья от него, больного, не ожидай.*

*Стремление к жизни – это наше время,
И счастья ты от бремени такого не ожидай.
О, Насими, нет верности на свете.
Того, что жизнь начать ты сможешь снова, не ожидай.*

И в конце своего жизненного и творческого пути Насими достиг желаемого – слияния с Аллахом, поэтому поэт никого и ничего не боялся, ведь он сам уже – Истина, и был готов отчитаться перед Аллахом на Страшном суде. Он знал, предвидел свою участь, но уверенно шел по избранному пути, ведущему к Истине, его убеждение заключалось именно в этом.

Имадеддин Насими считается отцом азербайджанского дивана (около 15 тысяч строк), кроме того, он создал диван на персидском языке (около 5000 строк); ряд стихов поэт написал на арабском языке, создал первые шедевры азербайджанской поэзии, заложив основы азербайджанского литературного языка.

Насими вырос среди ремесленников, изучал математику, астрономию, логику и теологию. Поэт был знаком с художественными произведениями известных ученых-сектантов Востока, знал как азербайджанскую, так и арабскую и персидскую поэзию и философию. В начале своего творческого пути Насими, подобно его учителю Наими, стоял на позициях суфизма и был последователем знаменитого суфийского шейха Шибли. Кроме того, он был поклонником иранского суфия и поэта X века Гусейна Халладжа Мансура. По Насими, совершенный человек всемогущ, в нем является всемогущество Творца на земле. Именно в этом нужно искать суть философии Насими: «Ан аль-хагг!» – «Аллах – это я!», «Аллах – во мне!». Именно за эту божественную идею он был схвачен в Сирии в городе Халебе (Алеппо) и по донесению фанатичных служителей культа был обвинен и казнен каирским султаном с невиданным по жестокости приговором: «Обезглавить, отрубить конечности, содрать кожу и семь дней держать тело на площади напоказ!»

Используя достижения арабской и персидской поэзии, ее жанры и формы, поэт в то же время обогащал язык образами и красками, почерпнутыми из устного творчества своего народа. Газели Насими отличаются четкостью, энергичностью звучания, лаконичностью языка, богатством поэтических тропов, их ритмика близка ритмике народной поэзии. Поэт создал прекрасные образцы *туюгов* (рубай) – особых четверостиший. Не случайно произведениям Насими суждено было распространяться и при жизни поэта, и особенно после его смерти. На Востоке его имя жило в соседстве с именами великих классиков, его стихи изучались учеными-исследователями. Но и на Западе, в главных городах Европы, его рукописи хранятся в национальных библиотеках. О жизни поэта и его произведениях писали и пишут выдающиеся ученые-литературоведы.

Творчество Насими по достоинству высоко оценено азербайджанскими, русскими и мировыми учеными-литературоведами, о его произведениях высоко отзывались такие выдающиеся ученые-востоковеды, как Хаммер, Браун, В.Смирнов, А.Крымский и др.

Произведения Насими начали регулярно издаваться с XIX века, а всестороннее исследование его творчества, переводы насиминских шедевров на русский язык даются XX столетием.

При ознакомлении с критической литературой о творчестве Насими внимание привлекают труды таких признанных мастеров художественного слова, как Н.Тихонов («Великий поэт-гуманист»), М.Ибрагимов («Насими и его время»), Н.Грибачев

(«Наш современник»), С.Васильев («Величаяя вершина»), Л.Озеров («Солнце во вселенной»), А.Поперечный («Пафос жизнеутверждения») и др., приуроченные к 600-летию Насими.

Не станем оценивать каждую из названных работ, лишь приведем два отрывка из статей, вошедших в книгу «Насими» (Сборник статей, Баку, издательство «Элм», 1973). Так, известный русский поэт и переводчик Н.Тихонов рассматривает феномен творчества Насими в более широком масштабе, мировом плане: «Творчество Имадеддина Насими – большое событие в культурной жизни народов Востока и Запада. Сегодня, как никогда, благодарная память потомков возвращается к именам своих великих мастеров, составляющих гордость родной поэзии, чье благотворное влияние вышло за пределы родины, а имя вошло в пантеон бессмертных имен, став предметом изучения и почитания многих народов». А классик азербайджанской литературы М.Ибрагимов величие и гуманизм Насими находит в том, что «...в оценке человеческих достоинств он не исходил из расовых, национальных или религиозных различий, особенно раздувавшимися господствующими классами в эпоху кровавых нашествий и крестовых походов. Они, эти различия, в поэзии Насими теряют свое значение, свою разрушающую силу – перед человечностью, перед теми духовными ценностями, без которых человеческая личность деградирует и разрушается».

Это очень важно и в наши дни, когда религиозные фанатики в различных странах попытаются противопоставлять разные религии для разобщения народов.

Азербайджанские поэты и писатели, обращаясь к культурно-нравственным ценностям нашего народа, исторической тематике, не раз переосмысливали события далекого и недалекого прошлого нашей независимой страны, создавали художественные портреты литературных классиков, в том числе и светлый образ Насими.

В этом ряду достойны внимания роман И.Гусейнова «Судный день», исторические поэмы Р.Рзы «Последняя ночь», Н.Хазри «Встреча в Халебе», Габиля «Насими», А.Салахзаде «Памятник огню», С.Тахира «Караван идет», М.Ягуба «Ширванский торговец и Насими» и др., в которых авторы на примере творчества Насими старались на историческом материале находить ответы на многие вечные вопросы бытия. Ведь борьба человеческих страстей – извечная борьба добра и зла, видоизменяясь, проходит сквозь века, и постижение смысла этой борьбы – не только привилегия настоящего, но и завет будущему поколению.

С этой точки зрения определенный интерес вызывает роман «Судный день». В центре произведения образы великого поэта и философа, стойкого в своих убеждениях гуманиста средних веков Насими и духовного отца Фазлуллаха Наими. Отметим, что эти образы даны на фоне широких социально-политических катаклизмов, происходящих не только в Азербайджане, но и в сопредельных странах. Среди персонажей романа известные исторические деятели – Тимур-завоеватель, Мираншах, ширваншах Ибрагим и другие. Жажда власти и могущества в романе сталкивается с обыкновенными человеческими судьбами, и рушатся надежды, и рушатся мечты. Роман И.Гусейнова «Судный день», в котором воскрешаются события более чем шестисотлетней давности, целая эпоха с ее обнаженными страстями, порой необузданной дикостью, борьбой мертвящего фанатизма с человеколюбием, не прост для восприятия, и не каждый читатель сразу сумеет дойти до сути всех религиозно-философских концепций и политических хитросплетений, с которыми встретится на его страницах.

Но ведь любое произведение на историческом материале требует от читателя определенного уровня знаний и напряжения ума.

Вышеназванные поэмы азербайджанских поэтов XX века также посвящены жестоким временам средневековья – эпохе хуруфитского движения в Азербайджане (1386-1394 гг.), когда господствовал кровавый Тимур. В центре их повествования – судьба выдающегося поэта Насими, проповедующего вместе со своим учителем Наими свободу личности, противопоставляющего мечу – знания, злу – добро. Учение Насими и устремления его сподвижников-хуруфитов изначально были обречены на гибель. Однако, несмотря на трагический конец хуруфитского движения и гибель его руководителей, перед читателем встает яркий образ великого гражданина своей эпохи, мыслителя, человеколюбца, благородного страдальца, мученика – Насими.

Учитывая, что названные литературные посвящения Насими широко известны нашим читателям, мы решили довольствоваться только их краткой аннотацией, в общем порядке характеризующей эти произведения.

А вот об истории создания, публикации, идейном содержании и особенностях поэмы «Имадеддин Насими» русского поэта и переводчика Сергея Иванова, своеобразно, ярко и красочно воссоздавшего образ азербайджанского классика, следует сказать более обстоятельно. Эта поэма С.Иванова впервые была опубликована в журнале «Литературный Азербайджан» (1940, №№ 6,7), а затем вышла отдельной книгой в Москве в связи с 600-летним юбилеем поэта.

Своими впечатлениями о поэме С.Иванова спустя многие годы поделился с читателями поэт Иосиф Оратовский, отметивший, что в мае 1941 года, когда в Москве проводились специальные курсы-конференции русских литераторов из союзных и автономных республик, один из дней конференции был посвящен творчеству бакинского поэта С.Иванова. Перед участниками, среди которых были такие признанные к тому времени поэты, как И.Сельвинский, Я.Смеляков, С.Щипачев, С.Липкин, С.Шервинский, В.Луговской, М.Тарловский и др, С.Иванов читал свою поэму, посвященную трагической судьбе Насими.

Как утверждает свидетель этого литературного события И.Оратовский, слышавший поэму в исполнении самого С.Иванова, все слушали ее с вниманием и с большим напряжением, перед их взорами возникал поэт и мятежник, восставший против канонов мусульманской религии, ходивший по Востоку из города в город, с одного пестрого базара на другой, из одной дымной харчевни в другую, проповедуя новую, «еретическую» религию: «нет Аллаха на небе, Аллах на земле, он в человеке; Аллах – это я, и так вправе сказать каждый». Так проповедовал Насими, гонимый и преследуемый, вынужденный оставить свою родину и казненный в городе Халебе.

Поэма С.Иванова о Насими действительно была открытием для аудитории: и необычный сюжет, и удивительная судьба героя, и многокрасочность стиха – то нежного и тихого, то раздумчивого и наивного, то непрерывного и страстного – все это впечатляюще действовало на слушателей. Отличную оценку ивановской поэме о Насими, особенно отдельным ее главам дали С.Щипачев, М.Тарковский и Я.Смеляков. Заключая обсуждение, В.Луговской так подытожил значение и мастерство поэмы: «...Достоинством этой поэмы я считаю хороший замысел, мужественную работу, чувство Востока и чувство большой философской темы, мягкость пейзажа, хорошие краски и темперамент в изображении человеческих страстей: горя, любви, радости, ужаса и т.д.» (Оратовский И. Прошло двадцать лет... «ЛА», 1963).

Литературовед С.Турабов, много лет исследовавший тему «Азербайджан в творчестве русских литераторов», писал об интересном случае, произошедшем в связи с поэмой С.Иванова о Насими (С.Турабов. Переводчик должен творить. «ЛА», 1984, №1). В 1944 году в Москве вышел сборник стихов великих поэтов под названием «О

родине», где составители перепутали строки С.Иванова о Насими со стихами самого Насими:

*На сердце гордость родной земли,
Тоска и ненависть к тиранам,
Возьмите песню, журавли,
Несите песню до Ширвана.*

Это тот случай, когда переводчик «перевоплощается» в переводимого любимого поэта, максимально глубоко постигая самое существо поэтической души своего литературного героя.

Творчество Насими носило бунтарский характер, оно призывало к борьбе с социальной несправедливостью, насилием над личностью, тиранией и жестокостью правителей. Его стихи воспевали красоту и разум человека, служили освобождению личности от всякого рода условностей, отказу от аскетизма, фанатизма и религиозных догм.

Насими не раз вдохновлял и азербайджанских кинематографистов, художников, скульпторов. Незабываемый образ поэта создан в фильме Гасана Сеидбеги «Насими» народным артистом Расимом Балаевым. В центре Баку возведен величественный памятник поэту. Имя Насими носит Институт языкознания Национальной Академии Наук Азербайджана.

Проследим процесс издания насиминских творений на русском языке.

Почти все произведения Насими, начиная с тридцатых годов XX столетия, переводились на русский язык лучшими поэтами и переводчиками России и становились достоянием русскоязычного читателя. Следует учитывать, что перевод выдающихся художественных произведений одновременно становится событием и в национальной, и в инонациональной литературе. Причем в истории литературных взаимоотношений понятие художественный перевод воспринимается не только как художественный эквивалент того или иного произведения, а как новое воссоздание художественного явления, благодаря чему оно становится достоянием иной национальной культуры, что применительно и в отношении наследия Насими.

Известно, что в первом издании «Антологии азербайджанской поэзии» 1939 год, редакция В.Луговского и С.Вургуна) поэтика Насими представлена 9 произведениями: «Бахария» и газелями – «В меня вместится оба мира...», «Шербет разлуки...», «Что за прекрасный образ...», «Взглянули розы...», «Все ярким солнцем...», «Мир не стоит...», «Свечою лика твоего...», «Где ты...». Все эти произведения повторно вошли во второе издание «Антологии азербайджанской поэзии». Позже в своих воспоминаниях об этом народный поэт Азербайджана Р.Рза писал: «Вл.Луговской неустанно занимался переводами произведений поэтов-классиков, а также современных поэтов. Он был прекрасным редактором. Любил вслух читать казавшиеся ему наиболее удачными свои переводы, а также переводы своих друзей. Особенно привлек его в те годы один из переводов К.Симонова. Это было знаменитое стихотворение великого Насими, начинавшееся со строк: «В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь». Когда работа над антологией завершилась, радости Луговского не было предела» (R.Rza Yaddaşımın səhifələrindən – Ədəbiyyat və incəsənət, 1975, 1 oktyabr).

Газели Насими в переводе русских переводчиков в различные годы также вошли в разные поэтические сборники, изданные в Москве и Ленинграде.

Основными переводчиками поэзии Насими на русский язык явились русские поэты-переводчики С.Иванов, Н.Гребнев, К.Симонов, Т.Стрешнева, А.Старостин, О.Ивинская, А.Плавник, Л.Озеров, И.Савельев, В.Федоров, Н.Глазков, Я.Часовая, В.Давиденкова, Д.Виноградов, благодаря благотворным усилиям которых русские и русскоязычные читатели получили возможность ознакомиться с поэзией великого азербайджанского поэта по изданным в Москве и Баку стихотворным сборникам.

В первом поэтическом сборнике, изданном 25-тысячным тиражом в Москве к 600-летию юбилею поэта, лирика Насими с азербайджанского и фарси представлена в переводах Н.Гребнева и К.Симонова с предисловием Мирзы Ибрагимова.

В 1973 году азербайджанское государственное издательство отдельной книжкой 20-тысячным тиражом выпустило 176 четверостиший (рубаи) в переводе Н.Гребнева.

В том же юбилейном году государственное издательство «Азернешр» представило читателям I том избранной лирики Насими 10-тысячным тиражом в переводах многих вышеназванных русских переводчиков с предисловием народного писателя Мирзы Ибрагимова.

II том сборника, составителем, редактором и автором примечаний которого был профессор Рустам Алиев, вышел в 1976 году, также 10-тысячным тиражом.

В двухтомнике русскоязычным читателям также были представлены месневи (в переводе А.Плавника, И.Савельева и В.Федорова); тержибенды (в переводе С.Иванова); четверостишия (в переводе Н.Гребнева) и касыды Насими (в переводе А.Старостина).

В 1981 году в азербайджанском государственном издательстве «Язычы» на основе прежних изданий вышли в свет избранные произведения Насими.

Очередной сборник стихов Насими в переводах Н.Гребнева, К.Симонова, С.Иванова был издан в 2001 году в Москве, в издательстве «Диля Пабблишинг» 5-тысячным тиражом. В аннотации к книге составители отметили, что творчество Насими – азербайджанского поэта и философа – одна из особых страниц в поэзии и истории народов Востока.

Жизнелюбивое содержание, воплощенное в совершенную художественную форму, обеспечило поэзии Насими поистине вечную жизнь. Отметим, что сборник произведений поэта из серии «Литературное наследие Востока» способствовал более широкому ознакомлению русскоязычных читателей не только с лирическими произведениями Насими, но и основными этапами его жизненного пути, а также позволил прикоснуться к творческому процессу великого азербайджанского поэта, постигнуть суть его философского мировоззрения.

В вышеуказанные издания вошли переводы на русский язык всех газелей и произведений, написанных Насими в других стихотворных жанрах, поэтому целесообразно отметить и их авторов, т.е. показать в количественном отношении работы каждого переводчика, а качественное состояние переложения творений Насими на русский язык станет предметом нашего отдельного исследования, так как деятельность многих русских поэтов-переводчиков наследия поэта по сей день продолжает оставаться неисследованной.

Так, по нашему расчету, кроме отмеченных переводов К.Симонова, А.Старостину принадлежит перевод 119, С.Иванову – 87, Т.Стрешневой – 69, Н.Гребневу – 120, О.Ивинской – 32, Н.Глазковой – 21, А.Плавнику – 24, Л.Озерову – 4, Д.Виноградовой – 16 газелей азербайджанского поэта-мыслителя на русский язык.

По сути, вся философская поэзия Насими нашла свое адекватное выражение в поэтических сборниках, изданных на русском языке.

Таким образом, уstad Насими сыграл значительную роль в художественном обогащении азербайджанской поэзии, его творчество оказало огромное благотворное воздействие на развитие поэзии Востока в силу гуманистических традиций, созвучных прогрессивным идеям и мировоззрениям, выраженным лучшими представителями мировой культуры. Именно поэтому идеи и поэзия Насими получили достойное признание: в 1973 году 600-летний юбилей поэта широко отмечался по решению ЮНЕСКО во всем мире, а проведение в мае 2017 года в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже 600-летия со дня смерти Насими и торжественное проведение в сентябре 2018 года в нашей стране фестиваля поэзии, искусства и духовности Насими могут считаться выражением глубокого почтения к памяти незабвенного поэта мирового масштаба.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

НАСИМИ

*В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь.
Все то, что было, есть и будет – все воплощается во мне.*

Имадэддин Насими

**Он жил в четырнадцатом веке.
Он был поэт. Верней, Поэт.
Он видел в каждом человеке
Сосуд, в котором – Божий свет.**

**Пел – Богу человек подобен,
И если Богу он подстать,
То он единственный способен
Вершить, творить и создавать.**

**Неважно – из низов, из знати, –
Достоин каждый из людей
Быть равным всем, всегда, и значит
Счастливым быть – всегда, везде.**

**«Да, я – есть Бог! И Бог – есть каждый! –
Твердил, канонам вопреки. –
Простолюдин иль хан – неважно»,
И сочинял про то стихи.**

**Его божественная лира
Пленяла Запад и Восток,
Он для народа был кумиром,
Создателем волшебных строк.**

Для знати ж и для духовенства
Он был опаснейшим врагом,
Они давно искали средство
Себя избавить от него.

Он шел судьбе навстречу слепо,
Святою верой осенен,
Судьба ждала его в Алеппо,
Где он был схвачен и казнен.

Предвидя гибели пучину,
Он, не ропща и не скорбя,
Смерть принял стойко, как мужчина,
И не отрекся от себя –

От своих мыслей, убеждений,
От каждой строчки, что сложил.
Он был Поэт. И он был – гений,
И умер Богом, как и жил.

Представить не могу без дрожи
Его мучительную смерть –
С него живьем содрали кожу,
Чтоб в ненависти преуспеть.

Но в мир пришел он не напрасно –
Талант и мудрость в нем сошлись.
Да, смерть его была ужасна.
Но как была прекрасна жизнь!

И через столько поколений
Издадека, издадека
Звучат его стихотворенья
Через года, через века.

ЛЕЙЛА БЕГИМ

ХОД КОНЁМ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Хуршидбану – Хуршидбану Натаван, азербайджанская поэтесса, дочь последнего гарабагского хана

Хасай-хан – князь, Хасай-хан Уцмиев, муж Хуршидбану

Александр Дюма – Дюма-отец

Муане – Жан-Пьер Муане, художник, друг Дюма

Хагверди – друг Хасай-хана

Гюльнар – горничная

ОН – ГОЛОС.

ОНА.

Пролог

Темная комната. Стол. На столе исписанные листы бумаги, ручка, зажигалка, сигареты, пепельница с окурками, раскрытый лаптоп и шахматы.

ОНА сидит, склонив голову над шахматами. На шахматной доске 4 фигуры.

Фигуры сами передвигаются.

ГОЛОС:

Следы раскалённого лета –
Ожоги, ожоги, ожоги.
Чернеют ночные чертоги,
Сжирая кровавые клетки.
Ни звёзд, ни луны, ни рассвета –
Обуглено солнце навеки
В изрыгнутом демоном пекле,
В раю опустевшего лета.

Передвигается следующая фигура.

ГОЛОС:

И вот уже в руинах целый мир,
Объятый одиночеством нетленным.

Передвигается следующая фигура.

ГОЛОС:

Вся пустота — в бездонности Вселенной,
В которой истина — истёртая до дыр...

Темный король занимает выигрышную, матовую позицию.

ОНА наводит мышку компьютера на новостной сайт. Идет прямой эфир:

Тела погибших в Центрально-Африканской Республике журналиста Орхана Джемалея, режиссёра Александра Расторгуева и оператора Кирилла Радченко доставили на самолёте в Париж.

Об этом сообщает телеканал «Россия-24» со ссылкой на данные портала аэропорта Шарль де Голль.

Оттуда другим самолётом тела доставят в Москву.

Прибытие лайнера в столицу России ожидается в ночь на 5 августа.

Ранее официальный представитель МИД России Мария Захарова в ходе брифинга рассказала о расследовании дела об убийстве российских журналистов в ЦАР.

31 июля стало известно, что в ЦАР погиб журналист Орхан Джемаль...

Она захлопывает крышку ноутбука.

Свет гаснет.

Первая сцена

Тифлис. Кабинет с окном во двор. Из окна доносится голос женщины, поющей грузинскую народную песню.

Письменный стол. Хасай-хан сидит за столом, работает.

Входит горничная Гюльнар.

ГЮЛЬНАР. Хасай-хан, к вам посыльный.

ХАСАЙ-ХАН. Пусть войдет.

Входит посыльный.

ПОСЫЛЬНЫЙ (*протягивая письмо*). Вам письмо. Меня попросили подождать, пока вы прочтете.

ХАСАЙ-ХАН. Проходите, садитесь (*Указывает на софу. Хасай-хан отходит к письменному столу, вскрывает ножичком конверт и начинает читать письмо. Прочитав, он кладет письмо лицом вниз, на мгновение задумывается. Зовёт*). Гюльнар!

Гюльнар входит в комнату.

ХАСАЙ-ХАН. Принесите молодому человеку чай.

Гюльнар, слегка поклонившись, выходит из комнаты. Через пару минут она возвращается с подносом с чайными принадлежностями.

ХАСАЙ-ХАН (*смотря в окно, за которым в саду гуляют жена и дети*). Я подготовлю ответ прямо сейчас. (*Положив письмо в конверт, он вручает его посыльному*.) Пожалуйста. Только из рук в руки.

ПОСЫЛЬНЫЙ. Конечно. Спасибо. Могу идти?

ХАСАЙ-ХАН. Да.

Посыльный, поклонившись, собирается уйти.

ХАСАЙ-ХАН. Пойдите. Сколько дней вам понадобится, чтоб доставить это письмо?

ПОСЫЛЬНЫЙ. Неделя.

ХАСАЙ-ХАН. Отлично. Благодарю. (*Зовёт.*) Гюльнар!

Гюльнар, стоявшая за дверью, сразу входит в комнату.

ХАСАЙ-ХАН. Проводите посыльного, пожалуйста.

*Посыльный выходит следом за Гюльнар.
Явно чем-то озадаченный, князь ходит по комнате.
Входит Хуршидбану.*

ХУРШИДБАЛУ. Хасай-хан!

ХАСАЙ-ХАН (*слегка вздрогнув от неожиданности*). Да, милая?

ХУРШИДБАЛУ. Кто приходил к нам?

ХАСАЙ-ХАН. Посыльный.

ХУРШИДБАЛУ. Добрые вести?

ХАСАЙ-ХАН (*на пару секунд замешкавшись с ответом*). Да-да, конечно, добрые!

Мы едем завтра в Баку!

ХУРШИДБАЛУ. В Баку?

ХАСАЙ-ХАН. Да! Ты же давно хотела. Скучала...

ХУРШИДБАЛУ. Я скучаю по Шуше...

ХАСАЙ-ХАН. И в Шушу поедем, раз скучаешь... А пока в Баку тебя ждет сюрприз!

ХУРШИДБАЛУ. Сюрприз? Как же я люблю сюрпризы!!! Спасибо, дорогой! (*С этими словами Натаван обнимает мужа.*) Послушайте, какие стихи только что сочинил наш мальчик!

*Люблю Тифлис я осенью и летом,
Люблю его зимой под снежным пледом,
Весной в его объятиях дышу!
Но вспоминаю с мамой про Шушу...*

ХАСАЙ-ХАН. Джан, сынок! Наш преданный мальчик. Настоящий джигит растёт.

ХУРШИДБАЛУ. Через месяц ему уже шесть исполнится... Он очень чуткий. Тяжело ему придется в жизни.

ХАСАЙ-ХАН. Твердая воля и здравый разум справятся со всеми тягостями. У него в жилах течет кровь мужественных горцев, благородная кровь кумыкских и габрахских ханов. Не переживай за него.

ХУРШИДБАЛУ. Сердце матери всегда беспокойно, Хасай-хан. Как и сердце любящей женщины...

ХАСАЙ-ХАН. Не волнуйся, милая. Все будет хорошо.

ГЮЛЬНАР. К вам Хагверди-ага пожаловал.

ХАСАЙ-ХАН. Пусть войдёт. (*Обращаясь к жене.*) Иди к детям, душа моя.

ХУРШИДБАЛУ. Да, конечно. (*Выходит.*)

ХАГВЕРДИ. Салам, Хаджи Хасай. Мальчуган твой как вырос! (*Смеется*). Увидев меня, выпалил свои новые стихи! Настоящий гарабахский джигит растет!

ХАСАЙ-ХАН. Салам, Хагверди. (*С гордостью*.) Да, мужчина растет.

ХАГВЕРДИ. Слушай, я во дворе столкнулся с посыльным. Все хорошо?

ХАСАЙ-ХАН. (*Пауза*.) Отзывают.

ХАГВЕРДИ. Что-то случилось?

ХАСАЙ-ХАН. Ты же знаешь, там продолжают сжимать кольцо блокады против имамата. Шамиль совсем ослаб, но не сдается. Вот в связи с этим меня и зовут туда. Нужен свой в борьбе со своими...

ХАГВЕРДИ. Правильно, Хаджи. И с другом, и с врагом надо говорить на родном языке.

ХАСАЙ-ХАН. Главное, не прикусить язык при этом.

ХАГВЕРДИ (*усмехаясь*). Ну так ты смотри, не прикуси. Будь осторожен. Свои тебе этого не простят. И казнить же могут.

ХАСАЙ-ХАН (*почернев на мгновение*). Главное, самого себя не казнить. Я военный, давал клятву, и мой долг – служить верно, беспрекословно выполняя приказы. Послушай. Мне нужна твоя помощь. Ты готов сегодня выехать в Баку?

ХАГВЕРДИ. Ради друга я готов на все.

ХАСАЙ-ХАН. Тогда собирайся, а я пока напишу письмо. Завтра и мы с семьей выезжаем в Баку. Там встретимся.

ХАГВЕРДИ. Хорошо. Я только до вечера кое-какие дела решу и сразу в путь.

ХАСАЙ-ХАН. Подожди. (*Подходит к столу, открывает ящик, берет деньги*.) Вот, возьми. Перепоручи все дела и в течение часа выезжай. По дороге зайдешь, заберишь письмо. Иди, собирайся.

ХАГВЕРДИ (*взяв деньги*). Договорились. Через час я здесь. Отсюда и отправлюсь.

Хагверди уходит. Хасай-хан садится за стол и начинает писать письмо. Часы пробивают час дня.

Вторая сцена

Баку. Гостиная комната. Из окна доносятся звуки азана. В комнате в кресле за вышиванием сидит Хуршидбану. Входит Хасай-хан.

ХАСАЙ-ХАН. Дорогая, к нам едет Александр Дюма!

ХУРШИДБАЛУ. Дюма в Баку?! Этого не может быть! Так вот что было в письме!

ХАСАЙ-ХАН. Об этом сюрпризе я тебе и говорил! Я мечтал познакомиться с Александром Дюма, а главное, мне не терпится ему представить мою ханшу – цветок азербайджанской поэзии. Мой редкий цветок!

ХУРШИДБАЛУ. Ну, будет тебе. Не смущай. Во сколько он подъедет?

ХАСАЙ-ХАН. После обеда. Они обедают у Пигулевских. К нам приедут на чай. Потом мы поедем смотреть огни Баку. Там же поужинаем. Я уже все организовал.

ХУРШИДБАЛУ. Мне нужно надеть национальное платье. Я мигом!

С этими словами ханша выходит из комнаты.

Хасай хан подходит к столу, где лежит исписанный лист бумаги и читает одно из стихотворений Хуршидбану Натаван.

В комнату входит Хуршидбану в красивом национальном платье.

ХАСАЙ-ХАН (с листом бумаги в руках, с восхищением смотря на жену). Моя роскошная ханым!.. Ты считаешь за чаем свои стихи?

ХУРШИДБАЛУ. Но у меня нет переводов...

ХАСАЙ-ХАН. Дорогая, у поэзии один язык.

ХУРШИДБАЛУ. Язык искусства. Ты прав. Я же люблю французскую поэзию, особенно в твоём прочтении, несмотря на своё поверхностное знание французского. Ах! Как же я буду общаться с писателем?

ХАСАЙ-ХАН (смеясь). Стихами!

ХУРШИДБАЛУ. Ох, Хасай-хан! Я сейчас поняла, почему ты всю дорогу говорил со мной по-французски! Хитрец, однако.

ХАСАЙ-ХАН (смеясь). Не будь я таким, ты бы отвергла меня, как отвергала всех простодушных, бесхитростных женихов.

ХУРШИДБАЛУ. Да полно тебе! Меня покорила вовсе не хитрость.

ХАСАЙ-ХАН (серьёзно). А что?

ХУРШИДБАЛУ. Огонь, полыхавший в твоём сердце и отражавшийся в глазах.

ХАСАЙ-ХАН. Милая моя!..

В этот момент входит Гюльнар и объявляет о приезде гостей – Александра Дюма и художника Муане. Хасай-хан с поспешностью выходит навстречу гостям.

Они обмениваются приветствиями.

ХАСАЙ-ХАН. Позвольте представить вам мою супругу, гарабахскую ханшу Хуршидбану.

Дюма и Муане кланяются.

ХУРШИДБАЛУ (в легком реверансе). Очень рады вам, мсье Дюма и мсье Муане. Добро пожаловать в Баку!

МУАНЕ. Мерси, мадам.

ДЮМА. Мерси, Хуршудбану ханым.

ХАСАЙ-ХАН (обращаясь к гостям). Как вы доехали?

ДЮМА. Пришлось выпрягать лошадей и пускать их гуськом по этим узким улицам. Как раз нужно было растряситься после сытного и вкусного обеда, которым нас угостило чудное семейство Пигулевских.

ХАСАЙ-ХАН. О, да! Пигулевские милые, замечательные люди. А в узких улочках Ичеришехер все очарование нашего города.

ДЮМА. Очарование вашего города – Каспийское море с жемчужиной у его берегов – Девичьей башней. Этакий символ девичьей невинности.

ХУРШИДБАЛУ (залившись краской). У меня эта башня всегда вызывала чувство грусти.

В комнату входит Гюльнар с подносом с чайными принадлежностями.

За ней входит Хагверди.

ХАСАЙ-ХАН. А вот и наш друг – так вовремя. Познакомьтесь: это наш шушинский друг Хагверди-ага. (*Обращаясь к Хагверди.*) Познакомься, это наши дорогие и славные гости из Франции – Александр Дюма и Жан-Пьер Муане.

ХАГВЕРДИ (*на азербайджанском*). О, сам Александр Дюма здесь! Очень рад знакомству! И с вами, мсье (*обращаясь к Муане*).

Обмениваются приветствиями.

ХАСАЙ-ХАН. Хагверди не знает французского, но знает язык гарабахских словьев! Ты же нам споешь, Хагверди-ага?

ХАГВЕРДИ. Обязательно спою.

ХАСАЙ-ХАН. Ну, а пока давайте пройдем к столу.

ДЮМА. У вас отменный французский, Хасай-хан! (*Смеется, добавляет.*) Хотя, ни слова не говоря по-французски, г-н Пигулевский произносил каждое русское слово так выразительно, что мы понимали все, что он хочет сказать.

ХАСАЙ-ХАН. Г-ну Пигулевскому не посчастливилось учиться в Париже.

ДЮМА. А я сразу понял, что вы учились в Париже! Где именно?

ХАСАЙ-ХАН. В Сен-Сирском военном колледже.

ДЮМА. Там учился генерал Бонапарт!

ХАСАЙ-ХАН (*смеясь*). И полковник Уцмиев!

Все смеются и рассаживаются за столом.

ХАСАЙ-ХАН. Что вы успели увидеть в Баку?

МУАНЕ. У меня создалось впечатление, что здесь два города. Белый Баку и Черный Баку. Я уже вижу, как я это отображу на холсте...

ДЮМА. Абсолютно точно! На первый взгляд — это два города. Новый – застроенный, обрусевший, и старый – древний, персидский, с минаретами и мечетями. Но на въезде через северные ворота христианская церковь европейской архитектуры тотчас же выдает и присутствие европейцев.

ХАСАЙ-ХАН. Я думаю, что после вашего путешествия сюда устремятся европейцы, и еще сколько будет построено!

ХУРШИДБАНУ. Главное, чтобы дух старого города был сохранен! Вы видели новый сад, который разбили у въезда в город?

ДЮМА. О, да! Красота! В европейском стиле.

ХАСАЙ-ХАН. Расскажите, а как вас встретили на моей родине? Вы ведь побывали на наших древних кумыкских землях?

ДЮМА. Конечно! Знаете, что самое потрясающее? Я находился там, где столько раз мысленно путешествовал по карте! Я проехал по калмыцким и татарским степям. Мы остановились на берегу той самой реки, которая берет начало у подножия скалы Прометея и несется по земле, где властвовал сам царь Дарий!

ХУРШИДБАНУ. Терек!

*Терек воеет, дик и злобен,
Меж утесистых громад,
Буре плач его подобен,
Слезы брызгами летят.*

*Но, по степи разбегаясь,
Он лукавый принял вид
И, приветливо ласкаясь,
Морю Каспию журчит:*

*«Расступись, о старец-море,
Дай приют моей волне!
Погуляя я на просторе,
Отдохнуть пора бы мне.*

*Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.*

*Я сынам твоим в забаву
Разорил родной Дарьял
И валунов им, на славу
Стадо целое пригнал.*

ХАСАЙ-ХАН (с восхищением смотря на жену, встретив ее благодарный взгляд, с нежностью в голосе подхватывает).

*Но, склонясь на мягкий берег,
Каспий стихнул, будто спит,
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит...*

ДЮМА (с нескрываемым восторгом, любуясь дуэтом супружеской пары). Браво! Лермонтов?!

ХАСАЙ-ХАН. Да... Мы дружили.

ДЮМА. Тогда вы знакомы и с Бестужевым-Марлинским?

ХАСАЙ-ХАН. Конечно, мы были большими друзьями.

ДЮМА. Меня потрясла его история любви, которую нам поведали в Дербенте.

ХАСАЙ-ХАН. С Ольгой Нестерцовой?

ДЮМА. Да! Трагичная история!

ХУРШИДБАНУ. Какие только ошибки мы не совершаем из ревности!

ХАСАЙ-ХАН. И к каким только историческим исходам она не приводит! Марлинский после того рокового выстрела очень изменился. Он стал искать смерти, надеясь, видимо, что она соединит его с любимой. Он участвовал во всех военных походах и, будучи всегда первым и последним в бою, возвращался невредимым. Только в 41 году он нагнал свою смерть... Сразила ли она его? Тело его так и не нашли...

ДЮМА. Да, мне рассказали об этом... Тело не было найдено, несмотря на тщательные поиски...

ХАСАЙ-ХАН. Все, что было найдено – предмет, отмеривший тот роковой час.

ДЮМА (задумчиво). Часы... Символично... (Пауза.) Но давайте не будем о печальном! Я лучше расскажу вам о почестях, с которыми нас встречали на вашей земле! Выехав из Хасав-юрта, мы вступили на величественную кумыкскую равнину!

Наши лошади по грудь утопали в траве! Там царствовал суровый ветер, но и гостей принимали по-царски!

ХАСАЙ-ХАН (*с гордостью*). У нас это умеют!

ДЮМА. Вначале нас встретили грациозно бегущие серны и степенно ступающие олени. А из-под копыт наших лошадей стаями вспархивали куропатки! Но то, что нас ждало впереди, поистине наполнило мое сердце гордостью! В двух милях от Хасав-юрта гарцевали выехавшие нам навстречу всадники. Клянусь вам, я не видел ничего живописнее этой вооруженной толпы! Впереди скакал князь со своим сыном лет двенадцати. Оба были в богатых воинских костюмах, сверкающих на солнце. Немного позади ехал татарин дворянского происхождения, далее четыре всадника с соколами и шесть пажей, за которыми гарцевало около шестидесяти татарских всадников в роскошных воинских одеждах. С криками «Ура!», размахивая ружьями, они приветствовали нас!

ХАСАЙ-ХАН. Тридцать лет служения искусству достойно царского приема!

ДЮМА. Это правда! Я очень много страдал в жизни. Но великий и милосердный Бог в одно мгновение доставил мне больше радости, чем все враги и друзья вместе взятые причинили мне боли!

Хагверди вопросительно смотрит на Хасай-хана. Хасай-хан еле заметно кивает головой, и Хагверди начинает тянуть мугам.

ДЮМА. Bravo!.. Поистине – песня соловья!

ХУРШИДБАНУ. Голоса гарабахских певцов неподражаемы! Спасибо, Хагверди!

МУАНЕ. Действительно, неподражаемо!

ХАГВЕРДИ (*густо покраснев*). Благодарю вас...

В это время Хуршидбану незаметно жестом подзывает Гюльнар и что-то шепчет ей на ухо. Гюльнар выходит и через минуту возвращается с ярко расшитым кисетом.

ХУРШИДБАНУ. Это вам, мсье Дюма. Вы, наверное, слышали, что пару лет назад в Гарабах приезжал французский ботаник мсье Жордан, собравший уникальные гарабахские цветы. Это вдохновило нашего драматурга Мирзу Фатали Ахундова написать пьесу, которую уже поставили в Петербурге. А меня – расшить этот кисет, на котором я вышила эти цветы. В середине – уникальнейшая лилия, Хары-бюльбюль.

ДЮМА. О, дорогая! Такой ценный подарок! Благодарю! Я весьма польщен! (*Рассматривая узоры.*) Какая красота! О мсье Жордане я слышал, а вот про пьесу не слышал.

ХАСАЙ-ХАН. Мирза Фатали большой друг нашей семьи. Он пишет стихи под псевдонимом Сабухи, что означает «рассвет». Кстати, Лермонтов брал уроки азербайджанского у Мирзы Фатали. Если заедете в Тифлис, обязательно встретитесь с ним!

ДЮМА. Вы меня заинтриговали. (*С трудом выговаривая.*) Саг олун! Обязательно встречусь. Но до поездки в Тифлис меня ждут Шемаха и Нуха.

ХУРШИДБАНУ. В Шемахе обязательно зайдите в древнейшую на Кавказе мечеть VIII века. А красавица Нуха, уверена, очарует вас великолепием дворца шекинских ханов, построенным более 300 лет назад! Мне очень жаль, что вы не сможете заехать к нам в Гарабах, в Шушу. Наша шушинская крепость великолепна! Она была заложена первым ханом Гарабахского ханства Али Ханом Джаванширом. Шушинская мечеть, албанские храмы – все это вам будет интересно!

ХАСАЙ-ХАН (*с любовью смотря на раскрасневшуюся Хуршидбану, улыбаясь, говорит Хагверди*). Посмотри, как она пылко, с любовью рассказывает о вашей Шуше. (*Тихо добавляет.*) Ты успел передать?

ХАГВЕРДИ (*тихо*). Да, все в порядке. (*Громко.*) О, да, Я, не зная языка, сразу понял, о чем говорит ханым.

ДЮМА. Как жаль, что нам не по пути. Мне так хотелось бы увидеть гарабахских золотых лошадок!

МУАНЕ. Я бы их нарисовал...

ДЮМА (*Муане*). Увы, Жан-Пьер... (*Бросив взгляд в противоположную сторону комнаты.*) А кто у вас играет в нарды?

ХАСАЙ-ХАН. И я, и моя ханым.

ДЮМА. А я пока не одолел эту науку. Хотя у Пигулевских его очаровательнейшая дочь объяснила мне суть игры. Я предпочитаю играть в шахматы!

ХАСАЙ-ХАН. Мы тоже любим играть в шахматы, особенно моя ханым.

ХУРШИДБАНУ. Да! Я очень люблю эту древнюю восточную игру!

ДЮМА. Родина этой древневосточной игры – родина героя моего романа «Граф Монте Кристо». Аббат Фариа родом из Индии.

ХУРШИДБАНУ (*лукаво улыбаясь*). Тем не менее, индийская игра имеет персидское название. «Шах» и «мат» – с персидского означает «властитель умер».

ДЮМА. Вот об этом мы с вами должны обстоятельней поговорить! Приглашаю вас сыграть партию!

ХУРШИДБАНУ. К сожалению, мы находимся не дома. Здесь у нас нет шахмат.

ДЮМА. У меня есть! Но не с собой. Завтра до выезда в Шемаху я найду к вам на партию. Не возражаете, Хасай-хан?

ХАСАЙ-ХАН. Конечно, мсье Дюма! Милости просим!

ДЮМА. Спасибо! А сейчас продолжим путешествие по ночному Баку?

ХАСАЙ-ХАН. С удовольствием! Я вам покажу огни нашего города! Прошу, господа, коней уже запрягли. Увидите, как мчат гарабахские кони по узким улицам Ичеришехер!

С этими словами все встают из-за стола.

ДЮМА (*обращаясь одновременно к Хасай-хану и Хуршидбану*). Надеюсь, мы поедем все вместе?

Хуршидбану едва заметно бросает вопросительный взгляд на мужа.

ХАСАЙ-ХАН. Несомненно, вместе.

ДЮМА (*обращаясь к Гюльнар*). До завтра, мадам.

МУАНЕ. Прощайте, мадам. Спасибо за вкусный чай.

Гюльнар, опустив глаза, тихо благодарит гостей.

Все покидают гостиную.

Гюльнар, смотря вслед ушедшим, смахивает слезу...

Третья сцена

Эта же гостиная комната. Ночь. Хуршидбану что-то пишет при свете свечи. Входит Хасай-хан. Хуршид-бану, не замечая мужа, увлеченно продолжает писать.

ХАСАЙ-ХАН. Душа моя...

ХУРШИДБАЛУ. Да, родной?

ХАСАЙ-ХАН. Извини, не хочу отвлекать... Пиши...

ХУРШИДБАЛУ. Я уже закончила... Но это набросок. Послушаешь?

ХАСАЙ-ХАН. Конечно, любимая. Я готов слушать тебя ночами напролет... (*Она читает стихи «О разлуке»*)

ХАСАЙ-ХАН. Хуршидбану!..

ХУРШИДБАЛУ. Да, душа моя.

ХАСАЙ-ХАН. Нам надо поговорить.

ХУРШИДБАЛУ (*улыбаясь*). А мы разве молчим?

ХАСАЙ-ХАН. Я бы предпочел молчание. Но мне надо сказать. Я уезжаю.

ХУРШИДБАЛУ (*расстроено*). Опять?!

ХАСАЙ-ХАН. Опять. Но на этот раз похоже, что надолго.

ХУРШИДБАЛУ. А мы?

ХАСАЙ-ХАН. Я еду домой, но меня отзывают по долгу службы. Вам ехать со мной небезопасно. Там очень беспокойно... Более того, нам нужно пустить слух, что мы разводимся.

ХУРШИДБАЛУ. Это ещё зачем?!

ХАСАЙ-ХАН. Так надо.

ХУРШИДБАЛУ (*ревниво*). Решил слыть холостым?

ХАСАЙ-ХАН. Ну что ты, милая... Не спрашивай меня о причине.

ХУРШИДБАЛУ. Хасай! Что стряслось? Я должна знать!

ХАСАЙ-ХАН. Милая, я военный. Там сейчас беспокойно, и я должен находиться там.

ХУРШИДБАЛУ. Но там давно беспокойно!

ХАСАЙ-ХАН. Значит, пока обходились без меня.

ХУРШИДБАЛУ. Как долго ты там будешь?

ХАСАЙ-ХАН. Не знаю, родная...

ХУРШИДБАЛУ. Почему мы должны говорить, что мы разводимся?

ХАСАЙ-ХАН. Для вашей безопасности. Думай о детях, душа моя... Скажи, ты мне веришь?

ХУРШИДБАЛУ. Да.

ХАСАЙ-ХАН. Тогда доверься мне. Так надо: мы всем говорим о том, что мы решили развестись. И я уезжаю к себе домой, в Дагестан.

ХУРШИДБАЛУ. А я уезжаю к себе домой в Гарабах?!

ХАСАЙ-ХАН (*обнимает жену*). Тише-тише... Любимая... Я вспомнил рубаи Мехсети Гянджеви, которые ты мне прочла в ту ночь... Помнишь?

ХУРШИДБАЛУ (*тихо читает*):

*Эта ночь нам дана для любви, не усни!
Пусть желанье бунтует в крови, не усни!
Томных глаз не смыкай, о, возлюбленный мой,
Прилетевшее счастье лови, не усни!*

Свет гаснет.

Четвёртая сцена

На сцене журнальный столик и два кресла. В одном из них, склонившись над книгой, сидит Хуршидбану в лиловом платке, бирюзовом длинном приталенном платье, затянутом лиловым кушаком. Подходит Гюльнар.

ГЮЛЬНАР. Хуршидбану ханым, мсье Дюма пришел.
ХУРШИДБАЛУ. Проводи его в комнату.

Встает, идет навстречу Дюма.

ДЮМА. Бонжур, мадам.

ХУРШИДБАЛУ. Бонжур, мсье Дюма.

ДЮМА. Вы очаровательно выглядите! Вам очень идут эти яркие тона.

ХУРШИДБАЛУ. Благодарю, мсье. Чай или кофе?

ДЮМА. Здесь я пью исключительно чай! Он у вас изумительно вкусный!

ХУРШИДБАЛУ. Гюльнар, принеси, пожалуйста, нам чай. *(Обращаясь к Дюма.)*

Хасай-хан просил извиниться. Он будет чуть позже.

ДЮМА. Тем меньше шансов у него болеть за свою ханым!

ХУРШИДБАЛУ *(слегка смущенно)*. Пройдемте?

Хуршидбану жестом приглашает Дюма сесть.

Дюма достаёт из дорожной сумки небольшой футляр, в котором находятся небольшие фигурки цвета слоновой кости и серо-голубого.

ХУРШИДБАЛУ. Какие чудные фигурки!

ДЮМА *(стихами, чуть пафосно)*. Их вырезали эти руки *(Раскрывая свои большие ладони.)*

ХУРШИДБАЛУ *(подхватывая ритм)*. Ах, сколько в вас талантов! Bravo!

ДЮМА *(чуть поклонившись)*. Таланту вашему нет равных.

ХУРШИДБАЛУ. Мерси, мсье. Начнем?

ДЮМА. Начнем.

ХУРШИДБАЛУ *(взяв в руки одну из фигурок серо-голубого цвета)*.

Я выбираю голубые! Цвет неба...

ДЮМА. Пасмурного?

ХУРШИДБАЛУ. Нет... Рассветного, но при луне...

ДЮМА. Прекрасен выбор, дорогая!

Играют.

ДЮМА. Вы мне прочитаете одно из своих любимых стихотворений?

ХУРШИДБАЛУ *(читает стихи на азербайджанском)*.

ДЮМА. Какая прекрасная музыка! Мне кажется, я услышал стон ветра, рокот каспийских волн...

ХУРШИДБАЛУ *(смеясь)*. И надвигающийся «шах»!

ДЮМА *(положив руку на руку Хуршидбану, держащую фигурку короля)*. Немилосердная шахиня!

ХУРШИДБАЛУ *(смотря смело в глаза)*. И гнев ее – одна стихия!..

ДЮМА. А в наказании – есть страсть?

ХУРШИДБАЛУ. В той страсти – избранным сгорать...

ДЮМА. Хуршидбану!

ХУРШИДБАЛУ. Уи, Александр! *(Смотря в глаза.)* Продолжим?

ДЮМА. Да, конечно. *(Передвигает фигуру.)*

ХУРШИДБАЛУ. Какая быстрая ладья! *(Смеется.)* Не в ней ли капитан – Дюма?

ДЮМА. Он у штурвала! *(Смеется.)* Он!

ХУРШИДБАЛУ. Что ж... *(Передвигает фигурку.)* Мат!

ДЮМА *(хватается за голову)*. Сойду сегодня я с ума!!!

ХУРШИДБАЛУ. Теперь вы верите, что эта игра – персидского происхождения?

ДЮМА *(смеясь)*. Теперь я уже сомневаюсь и в своем происхождении! *(Пауза.*

Посмотрев на часы.) Сейчас Муане подъедет.

ХУРШИДБАЛУ. Да, и меня ждут дети. И князь вот-вот подойдет.

ДЮМА *(протягивая шахматы)*. Примите этот скромный дар...

ХУРШИДБАЛУ. Ну что вы! Благодарю...

ДЮМА. Не стоит! Вы заслужили их! Хуршидбану!

ХУРШИДБАЛУ: Да, Александр?

ДЮМА *(пауза)*. Вы счастливы?

ХУРШИДБАЛУ *(смутившись)*. У нас об этом ходят толки. Перевирают мои стихи.

Почему вы интересуетесь?

ДЮМА. Простите...

ХУРШИДБАЛУ. Из любопытства?

ДЮМА. Не помышляя вас обидеть. Вы сегодня другая. Мне показалось, что вы протестуете...

ХУРШИДБАЛУ. Протестую?

ДЮМА. Да. В любом протесте есть корень недовольства, несчастья...

ХУРШИДБАЛУ. Вы хорошо разбираетесь в психологии...

ДЮМА. В этом часть моей профессии драматурга.

ХУРШИДБАЛУ. Вы большой драматург. Мы решили расстаться с Хасай-ханом.

ДЮМА. Расстаться? Но вы такая прекрасная пара! Я любовался вами вчера...

ХУРШИДБАЛУ. Да, наверное... Мы любим друг друга.

ДЮМА. Тогда в чем дело?

ХУРШИДБАЛУ. Хасай-хан уезжает в Дагестан. Отзывают по роду службы. Я с детьми не поеду.

ДЮМА. Простите, что вмешиваюсь. Но почему?

ХУРШИДБАЛУ: Прежде всего потому, что я не смогу надолго оставить ханство.

ДЮМА. Не смею советовать. Но у нас, французов, есть такая пословица – *Chacun est l'artisan de son bonheur*.

ХУРШИДБАЛУ. Да. Каждый кузнец своего счастья... А у нас говорят: когда судьба против тебя ополчилась, собственная собака укусит.

Входит Хасай-хан.

ХАСАЙ-ХАН. Кого это собака собралась кусать?

ДЮМА *(улыбаясь)*. Да вот, ханым меня учит азербайджанским пословицам. Ваша жена обыграла меня в шахматы!

ХУРШИДБАЛУ *(улыбаясь)*. И вот что получила в награду! *(Показывая на шахматы)*.

ХАСАЙ-ХАН. Какая красота! Спасибо, мсье Дюма!

ДЮМА. Ну что вы! Позвольте мне и вам вручить мой скромный дар, Хасай-хан. Это револьвер фабрики парижского оружейного мастера.

ХАСАЙ-ХАН. О! Мне, право, неловко, но приятно – я коллекционирую оружие.

ДЮМА. Я это уже успел заметить. Такого револьвера у вас не было!

ХАСАЙ-ХАН. Не было. Спасибо, мсье Дюма. Весьма польщен. С сегодняшнего дня он будет всегда со мной.

ДЮМА. Да хранит вас милосердный Бог! Ну что ж, мне пора, друзья! Надеюсь, что мы с вами еще увидимся! Берегите себя!

ХАСАЙ-ХАН. Я провожу вас!

Прощаются. Свет гаснет.

Пятая сцена

Баку. Комната. Убранство восточное. Хуршидбану сидит за столом и пишет.

Читает чуть слышно стихи. Заходит Хасай-хан.

ХАСАЙ-ХАН. Моя умница! Расскажи, как ты его обыграла в шахматы?

ХУРШИДБАЛУ (*отрываясь от письма, улыбаясь*). Ну, как? Не знаю... Взгляни на фигурки! Разве не произведение искусства? А главное – эти фигурки вырезал он сам!

ХАСАЙ-ХАН (*немного с ревностью; подойдя к столу, взяв в руки фигурку короля*). Хмм... Да, изысканно!.. Талант! (*Украдкой взглянув на лист бумаги.*) А ты что-то новое написала?

ХУРШИДБАЛУ. Да, хочешь послушать?

ХАСАЙ-ХАН. Конечно, дорогая!

Хуршидбану читает вслух газель «Гвоздика».

ХАСАЙ-ХАН. Прекрасно! Я бы рискнул перевести...

ХУРШИДБАЛУ. О, неужели я тебя вдохновила?

ХАСАЙ-ХАН. Всего лишь гвоздика!

ХУРШИДБАЛУ. Ах вот ты как!

ХАСАЙ-ХАН. Дорогая! Ты меня вдохновляешь второй десяток лет (*Обнимает.*)

Хуршидбану ускользает из объятий.

ХУРШИДБАЛУ. Хасай-бей!

ХАСАЙ-ХАН. Да, милая?

ХУРШИДБАЛУ. Нам надо поговорить ...

ХАСАЙ-ХАН (*улыбаясь*). А мы разве не этим заняты?

ХУРШИДБАЛУ. Александр интересовался нашими взаимоотношениями.

ХАСАЙ-ХАН. Дюма? С чего бы это? И что ты ему ответила?

ХУРШИДБАЛУ (*иронично*). Все по инструкции! Сказала, что мы решили расстаться. Он поинтересовался причиной. Я ему ответила, что тебя отзывают на родину, что там беспокойно, а я с детьми должна вернуться к себе на родину.

Хасай-хан подходит вплотную к жене.

ХАСАЙ-ХАН. Странно, что он этим интересовался...

ХУРШИДБАЛУ. Странно все то, что происходит с нами...

ХАСАЙ-ХАН. Хуршидбану! Я не могу не ехать...

ХУРШИДБАЛУ: Понимаю... Я привыкла к твоим отъездам. И как долго я буду всем говорить о нашем решении расстаться?

ХАСАЙ-ХАН. Мы... Мы должны официально развестись.

ХУРШИДБАЛУ. Что?!

ХАСАЙ-ХАН *(с нежностью прикрыв ей рот)*. Не спрашивай о причине. Так нужно.

ХУРШИДБАЛУ. Что? Но это невозможно! Это шутка?

ХАСАЙ-ХАН. Если бы...

ХУРШИДБАЛУ. Нет!.. Сколько радости мы доставим нашим злопыхателям!

ХАСАЙ-ХАН. Меня это меньше всего заботит!

ХУРШИДБАЛУ. А что тебя заботит?!

ХАСАЙ-ХАН. Не спрашивай. Но мне нужно срочно ехать. Похоже, что очень долго... Мы должны развестись, и все должны узнать о нашем разводе.

ХУРШИДБАЛУ. Я ничего не понимаю.

ХАСАЙ-ХАН. Когда-нибудь ты все поймёшь... Я очень горжусь тобой! Ты заслуживаешь... *(Пытается обнять. Она ускользает из объятий.)*

ХУРШИДБАЛУ. Мне нужно собираться. Срочно!

ХАСАЙ-ХАН. Хуршидбану! Я люблю тебя так, как никого никогда не любил!

ХУРШИДБАЛУ. Хасай! *(Бросается в его объятия и плачет.)*

Бьют часы. Час дня.

Шестая сцена

Май, 1867 год. Шуша. Гостиная. В кресле за журнальным столиком сидит Натаван. Перед ней шахматы. Играет сама с собой.

ХУРШИДБАЛУ. О! Сегодня армия белых сильнее. *(С этими словами она передвигает белую фигурку.)* Мат! *(За окном гремит гром.)* Гюльнар! *(Входит Гюльнар.)* Гюльнар, закрой, пожалуйста, ставни.

ГЮЛЬНАР *(подходя к окну)*. Кто это к нам в такую непогоду пожаловал? *(Закрывает быстро ставни.)* Пойду вниз, посмотрю. *(Уходит.)*

Хуршидбану встает, подходит к окну, открывает ставни и смотрит в окно.

ГЮЛЬНАР. Хуршидбану ханым, Хагверди приехал.

ХУРШИДБАЛУ. Хагверди? Давно он к нам не приезжал... Пусть войдёт.

Входит Хагверди.

ХУРШИДБАЛУ. Добро пожаловать, давно вас не было видно. Забыли нас?

ХАГВЕРДИ. Ну что вы, Хуршидбану ханым. Просто давно не приезжал в Шушу. Сколько лет непрерывной службы с переводами из одного места в другое... Но я в курсе всех перемен в Шуше. И хочу поздравить вас с победой нашего золотогнедого гарабахского красавца «Хана»! Надо же, на парижской конной выставке победил! Народ благословляет вас, Хуршидбану ханым!

ХУРШИДБАЛУ. Спасибо, Хагверди. Наш жеребец и правда молодец — не подвел нас! А я выполняю свой долг дочери. Благословлять надо нашу землю. А как там мой любимый город?

ХАГВЕРДИ. Из Тифлиса меня перевели в Баку три года назад, а сейчас в Гянджу переводят. Я тоже скучаю по Тифлису. По тем счастливым дням!

ХУРШИДБАНУ: Да... Дни пролетели... А как Мирза Фатали поживает, не знаешь?

ХАГВЕРДИ. Последний раз я его видел несколько месяцев назад, когда он собирался в Константинополь. Он сейчас занят преобразованием нашего алфавита. К Европе тянемся.

ХУРШИДБАНУ (*задумчиво*). К Европе? Интересно... Мирза Фатали всегда имел очень прогрессивные взгляды. Они с Хасаем часами беседовали... Сколько Мирзу Фатали не видела... Больше семи лет... Последний раз мы виделись в Тифлисе. (*Пауза.*) Он все препятствовал нашему разводу. Говорил: «Доченька, он – тебе опора, ты – ему... Подумайте о детях – вы их так долго ждали»... (*Хагверди пристально смотрит в глаза Хуршидбану. Она отводит взгляд. Зовёт Гюльнар.*) Гюльнар, принеси нам чай, пожалуйста.

ХАГВЕРДИ. К чему столько хлопот? Спасибо...

ХУРШИДБАНУ. Кстати, вы слышали что-нибудь о покушении на царя?

ХАГВЕРДИ. Да. Два года подряд пытаются убить. Второй год – весной! Удивительно...

ХУРШИДБАНУ. Как у Платона? Не удивляйся происходящему, ибо ничто не происходит случайно...

ХАГВЕРДИ. Все идет так, как должно идти.

ХУРШИДБАНУ. Да... (*Пауза.*) Каракозов мусульманин был, не знаете?

ХАГВЕРДИ. Не уверен. Имя Дмитрий. Хотя фамилия означает «черноглазый».

ХУРШИДБАНУ. Ну так тюркские слова всегда заимствовали соседи...

ХАГВЕРДИ. Это правда. Его сразу казнили, а вот Березовского, совершившего второе покушение на царя пару дней назад в Париже, будут судить. Его оправдание – месть за подавление Россией польского восстания. Мстил за свой народ... Думаю, что в Париже его не приговорят к казни, как это сделали в России с Каракозовым.

ХУРШИДБАНУ: В Париже... Мы с Хасаем все мечтали вместе туда поехать. Нас и Дюма приглашал... Вот (*указывая на раскрытую досщечку с шахматами*) – все, что осталось от тех грез... Погубит Хасая его верность империи!..

ХАГВЕРДИ. Хуршидбану ханым... (*Пауза.*)

ХУРШИДБАНУ (*смотря в глаза Хагверди*). Нет... Ты с чем приехал?

ХАГВЕРДИ. Хуршидбану ханым!

ХУРШИДБАНУ. Неправда... Уходи!

ХАГВЕРДИ. Правда. Но... Вы должны меня выслушать...

Хуршидбану плачет. Хагверди ее успокаивает.

ХУРШИДБАНУ (*вытерев слезы*). Я в порядке. Хочу все знать. Говорите!

ХАГВЕРДИ. Конечно... Помните тот день в Тифлисе, когда Хасаю пришло письмо? Ему пришло письмо от Бяратинского. Его отозвали в Дагестан. Ему предстояло возглавить ряд операций по окончательному подавлению борьбы Шамиля и насильственному переселению горцев из Дагестана в Анатолию. Он не мог отказаться, но и не мог выполнить это задание. Отказаться не мог из-за вас, из-за семьи... Хасай-хан в тот же день написал письмо, которое попросил меня передать в Баку для дальнейшей передачи в Константинополь.

ХУРШИДБАНУ. В Константинополь?

ХАГВЕРДИ. Да. Он был знаком с Ибрахимом Шинаси.

ХУРШИДБАНУ. Да, я слышала это имя... От Мирзы Фатали.

ХАГВЕРДИ. Возможно, они знакомы... Так вот, он написал письмо, адресованное Ибрахиму. Но содержания письма я не видел. Вернее... Я не должен был видеть. Но я прочел его...

ХУРШИДБАЛУ. Вы не передали письмо?

ХАГВЕРДИ. Передал.

ХУРШИДБАЛУ. Что было в письме?

ХАГВЕРДИ. Он писал о сложившейся ситуации, о его несогласии с политикой царя по отношению к горцам. О его разочаровании. Глубоком разочаровании. И о согласии присоединиться к движению «Свобода рвеня».

ХУРШИДБАЛУ. Что это за движение ?

ХАГВЕРДИ. Они строят новый мир. Так вот, две операции по насильственному переселению горцев возглавлял Хасай-хан. Но они, вопреки ожиданиям царя, были переселены не в центр Анатолии, а на северную границу Великой Порты с Россией. Таким образом, планы царя по наполнению чрева вражеской ему страны бунтарями не осуществилось. Они были расселены на границе. Таким образом, в случае любого столкновения турков с русскими, оружие переселенных горцев обернется против русских. Царь понял, что к этому причастен Хаджи Хасай, поэтому и сослал его в Воронеж.

ХУРШИДБАЛУ. Его убили?

ХАГВЕРДИ (*опустив глаза*). Они говорят – самоубийство...

ХУРШИДБАЛУ. Вы же понимаете, что Хаджи не мог убить себя... (*Плачет.*)

ХАГВЕРДИ. Да...

ХУРШИДБАЛУ. Почему он мне ничего не сказал?

ХАГВЕРДИ. Чтобы вы не ждали. Тогда вы не создали бы вторую семью. Он хотел, чтобы вы были счастливы. Он очень гордился вами... Хаджи Хасай был великим человеком...

ХУРШИДБАЛУ. Почему вы мне не сказали об этом?

ХАГВЕРДИ. Это изменило бы что-то?

За окном гремит гром.

Хуршидбану плачет.

Свет гаснет.

Эпилог

Темная комната. Та же обстановка, что в прологе. На столе: исписанные листы бумаги, ручка, пепельница с окурками, сигареты, зажигалка и шахматы.

За шахматной игрой ОН и ОНА.

ОН – материализовавшийся «голос» в белом.

ОНА – Женщина в современной чёрной одежде.

ОН. Это изменило бы что-то?

ОНА (*передвигая одну из фигур*). По крайней мере, она успела бы ему сказать, как она его любит. Все надо делать вовремя! Каждый день, каждый час может оказаться последним.

ОН. Каждый миг. И каждый ход. (*Передвигая фигуру.*) Мат.

ОНА. Когда судьба против тебя ополчится, собственная собака укусит...

ОН. Ты должна перестать себя обвинять. Как там у Платона?

«Не удивляйся происходящему, ибо ничто не происходит случайно...»

ОНА. Подожди... А куда делись остальные фигуры?

ОН. Их давно нет. Мы с тобой играли этими.

ОНА. Странно... Послушай! Мне нужна твоя помощь. Он мне часто говорил, что я похожа на нее, хотя она, Хуршидбану Натаван, по кадjarской линии была его родственницей. А он – очень напоминал мне Хасай-хана!

ОН. Да. Похожи. И похоже, что убили их из одного оружия! Правда, с разницей почти в два века!

ОНА: Именно! У меня есть доказательства этого!

ОН: У тебя их уже нет.

ОНА: Они отняли у меня телефон с его последним сообщением, но они не могут отнять у меня память!

ОН: Могут. Что было в сообщении, помнишь?

ОНА: Да.

ОН: Что?

ОНА: Он написал мне, что им удалось всё отснять.

ОН: И всё?

ОНА: Да.

ОН (*вплотную подойдя к ней и смотря в глаза*): Повтори еще раз.

В это время в комнату входит врач с инъекцией в руках.

ОНА (*заметив врача*). Я... Я... Не помню... Я...

ОН: Бессмысленная затея.

ОНА (*Плачет*).

ОН. Успокойся. Как я могу помочь тебе?

ОНА. Помоги...

Врач, не видя ЕГО, направляется к ней.

ОНА подносит зажигалку к сигарете, делая вид, что закуривает, но поджигает исписанные листы бумаги. Врач стремительно направляется к ней.

ОНА (*вскакивая с места и прячась за ЕГО спиной*). Нет! Нет! Не трогайте меня! Где мой телефон?! Где остальные фигуры?!..

ОН, пытаясь ее защитить, обнимает ее.

ОНА: Все надо делать вовремя! Каждый день, каждый час может...

Первые аккорды «Танго смерти» обрывают ее слова. Пламя растет, остальная часть сцены погружается в темноту. ОН и ОНА в освещенной части танцуют танго.

Свет гаснет.

МАРАТ ШАФИЕВ

**Во сне я умер, не заметив
исчезновенья своего,
в космическом пространстве ветер
сознание разметал легко.**

**И, став частицею состава
круговорота бытия,
к божественной, быть может, славе
навечно приобщился я.**

**Не бойся, милая подруга,
когда на медленной реке
прихлынет вдруг волна со стуком
к твоей протянутой руке.**

**Не бойся на высоком мысе
преображения судьбы,
ведь это я заветной мыслью
тебя спасаю от беды.**

**Я никуда не убегу –
мой прах земной тому порука,
ведь перемелется в муку
нечеловеческая мука.
И даже страшная беда
внезапно сгинет на рассвете,
и не прельстит меня звезда,
что в космосе всего заметней.
Но ты, неслышно семеня
к нездешнему навстречу свету,
сама лишь не покинь меня,
моя любимая планета.**

Предчувствие

**Для чего эти поиски, мятежи,
кладовая заметок впрок?
Поднапрячься чуток – и жизнь
подобьёт свой верный итог.**

Вот ещё можжевеловый куст
на глазах расцвёл и исчез,
если глубже вдохнуть – из уст
откровение вырвется здесь.

...За окном вагона пропал пейзаж –
под колёса метнулся и ввысь!
Вдруг почудилось мне – сейчас
нараспашку откроется жизнь.

* * *

Я разошёлся сам с собою
и не заметил того сам:
погиб ли я в начале боя
или прошёл через бедлам.

В себе самом я потерялся,
и кто реальнее из нас:
который в смерти искупался
иль смерть оставил про запас?

И кто из нас подслушал лучше
и в партитуре разложил
под каменным покоем кручи
спряжение набухших жил?

А может, рощи шелестенье,
высокий грозовой раскат –
итоговое проявленье
того, каким я должен стать.

Юбилейное

Жизнь умнее, чем Ботвинник,
только шаханув в ответ,
выручил я свой полтинник,
сверху – горсточку монет.

Мелочь я оставлю в лавке –
угощу друзей как раз,
а полтинник тугоплавкий
оставляю про запас.

Пусть итог игры понятен,
но сквозь пешек частокол
продирается помятый
одинокий мой король.

И, оглохший от пощёчин,
проглотив смертельный ком,
он заплатит всё по счёту,
не оставшись должником.

Злая смерть – зову, не приходит,
очерствела душой.

Как изгой,
за обозами в поле ходит,
а в открытую дверь ни ногой.

Не избежать заветной встречи,
но гораздо желанней она
не с замедленной, тусклой речью,
а встряхнувшая душу до дна.

Так ударь, пока я в зените,
на предельной моей высоте –
чтоб осколки небес звенели,
и грозой полыхнуло везде.

Я суровею духом,
но между этим делом
всё усыхаю телом
и улетаю пухом.

Здесь нет противоречья,
а только подтвержденье,
что обречён с рожденья
я на исчезновенье.

Жизнь – только искушенье,
расставленные сети;
любимая, не сетуй
на близкое крушенье.

Не рви мне сердце криком,
не обнимай за шею –
я вечных возвращений
барьеры перепрыгнул.

Но что бы ни случилось,
угадываются лица –
серебряной пылью
Вселенная струится.

Жизнь единственна – это порука
торжествующей правды её;
было в досталь любви и разлуки –
состоялось твоё житиё.
Не могло состояться иначе
от звезды до глубинных корней,
даже смертью не переиначить...
Так поплачь же над бедной, над ней.

Я в жизни не встречал противоречий,
в моей судьбе спокойно уживались
молчание аскета с беглой речью,
жест благородный с клоунской ужимкой.
И даже смерть судьбе моей полезна.
О, если бы вы знали – совершенство
из гнойника какого пролезает!..
Строка и пуля. Мука и блаженство.

Скелет с обтянутою кожей –
я вас не долго потревожу,
мир новизной не одаря:
я – летних бабочек порханье
и органов своих дыханье,
и зыбкий лист календаря.
И даже в песенке прелестной
прикрыта Истина завесой,
но, больше глоткой не дыша,
зрачком горячим не сверкая,
след на траве не оставляя,
вот-вот заговорит душа.

Прощальный марш. Вышибальный

Офицерское собрание:
вальс, мазурка, прочья блажь,
и в горнило поля брани
увлекающий всех марш.

Он, слепой к твоим потугам,
он, глухой к твоим слезам,
суровее с каждым звуком,
приближаясь к небесам.

Вышибая дух из тела,
лез под пули напролом,
и кому какое дело
что случится там потом.

Всё ещё равняясь строем,
прорывается во мгле,
выхожен ли медсестрою
или лёг в сырой земле?

22 июля 2018

Доброе утро!

Может, я для колорита
среди этих светлых лиц?
Выпеваешь: «Лабасритас!»,
свесившись через карниз.

«К собору ведёт дорога?»,
ты смеёшься, не поймёшь;
верещит в кустах сорока,
шепелявит летний дождь.

Языки перемешались –
будто древний Вавилон;
взявшись за руки, шагаем,
позже главное поймём:

кроме слёз земной юдоли,
всё – поверхностный обман.
Возвышает нас до боли
торжествующий орган.

Мы с судьбою равно квиты,
в грудь толкаясь и сопя...
Лабасритас, Маргарита!
Муза первая моя.

Во сне я тебя раздеваю,
но в самый последний момент,
иллюзии все разгоняя,
сюжет мой сползает в кювет.

И верхом вдруг ставшее днище
меня погребает живьём,
и хлещет из раны кровянице –
её затянуть бы жгутом.

Но лучше мгновенье страданья,
чем пытки протяжная жизнь!..
А было так близко до рая.
Приснись же опять мне, приснись.

Есть в потуге любой что-то птичье,
только гибель ещё не конец –
на позорное наше величье
засмотрелся случайный юнец.
Он завидует пышным руинам,
сохранившимся только на треть,
он мечтает о славе наивно,
если даже она через смерть.

Только вбитые в землю по пояс
(так, что хрустнули все позвонки),
мы мечтаем с мальчишкой сесть в поезд
и подругам успеть позвонить.

Вспомнишь Бога, попав в беду,
и забудешь, когда спасёшься –
дай тебя я туда отведу,
где с пути никогда не собьёшься.
Пропитайся горючей бедой,
растворись в непрерывном потоке,
стань на пиршестве главной едой,
для которой всё пиршество только.
И, вкушаемый Богом самим,
поминающий Бога не всуе,
ты от счастья земного храним
и не ищешь его поцелуя.

А я забыл, что умер ты
и, отходя от суеты
и не желая закоснеть,
с тобою говорю во сне
все годы долгие. Пока,
вдруг заглядевшись в облака,
не осознал: тебя же нет.
И я не знал, кого жалеть:
друзей, ушедших по весне,
себя ль, живущего во сне.
И я не знал: проснуться ль мне
среди обугленных камней
иль молча, дерзко умереть,
чтоб в сне другом забрезжил свет.

***Редакция поздравляет постоянного автора
журнала «Литературный Азербайджан»
с получением Знака «За заслуги в развитии культуры и искусства»,
врученного ему Межпарламентской Ассамблеей СНГ***

ЧИНГИЗ ГУСЕЙНОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ В СВЯЗИ С СОБСТВЕННЫМ ДЕВЯНОСТОЛЕТИЕМ

Есть азербайджанская поговорка: «*Səksən, doxsan – bir gün varsan, bir gün uoxsan*», подстрочный перевод утрачивает некую ауру: «*Восемьдесят, девяносто, день (однажды) – ты есть, день – тебя нет...*» И я как-то сочинил что-то вроде афоризма: «*Когда живёшь – во всём ищешь смысл, когда проживаешь – во всём видишь бессмыслицу*», но с некоторых пор добавляю в него долю оптимизма: «*... но лучше жить, ища во всём смысл*».

За шесть десятков лет сочинительства (член Союза писателей СССР-России с 1959 года!) я прожил также и жизни своих героев, ибо в каждом вымышленном современном или реальном историческом персонаже есть и я со своим, казалось бы, врождённым, чувством справедливости, духом протеста против фальши, убеждённый, что самый великий грех – это заставлять язык врать, приучать язык ко лжи.

Лишь после пяти изданных книг на азербайджанском, когда в Баку отклонили первый мой роман: «*Забирай и никому не показывай!*», я понял, что истинное сочинительство – это когда душа до пределов наполнена тем, с чем мириться нельзя, но и не можешь не выговориться, – в этой мысли ничего нового нет, но каждый реализует её по-своему, избавляясь через письмо.

И так до следующего накопления в душе нетерпимого и – чтобы избавиться!

Выговорить из чувства самоуважения к себе, что я не слепой, всё вижу и понимаю, не хочу закрывать глаза, не терплю, презираю и открыто о том заявляю лгально.

И частая полемика с самим собой, перо непримиримо, а жизнь моя протекает в рамках общепринятых норм, я конформист, однако, не поддакивающий ни при каких обстоятельствах злу, но нет и не может быть никакого компромисса в творчестве.

Первый роман («*Магомед, Мамед, Мамиш*», 1975) – это и первый опыт самоперевода отвергнутого оригинала, и хотелось в национальной стилистике подчеркнуть переводной характер произведения, не желая представлять его сочинением

русского писателя, каковым себя субъективно не ощущал, и критика в прессе по-разному определяла мой статус: азербайджанский писатель, обтекаемое: *двухязычный*, длинное: *азербайджанский писатель, пишущий по-русски*, даже русский.

Ведь большинство моих романов существует на русском, за исключением «Фатального Фатали» (на русском 1983, 27 п.л., на азербайджанском кириллицей 1986, 43 п.л., и латиницей «Fətəli fəthi»), но тут у меня иной опыт самоперевода: с русского на азербайджанский, более сложный, ибо в процессе работы приходилось пересаживать произведение из почвы русской художественной традиции на почву азербайджанскую, ощутил диктат читателя, языка, и чтобы не звучало как перевод с русского, а как оригинальное, а не переводное, чего в первом опыте самоперевода я как раз добивался.

Работа с двумя языками: то ты один, а то вас двое, и оба, случается, не понимают друг друга. В моём случае – это стихия с взаимопереходами языков, некая раздвоенность при единстве. А в тексте – точно единый поток двух языков, слышимого и скрытого.

Но что есть родной язык? *На котором думаешь?* Верно, но недостаточно. *На котором видишь сны?* Но во сне, случается, говоришь на языке, который тебе неведом: однажды шпарил, удивляясь знанию, на армянском! *На котором легче изъясняешься с любимой?..* А вот мой ответ: *Родной тот, который не помнишь, когда впервые услышал.* Не помню, когда услышал первое слово ни на русском, ни на азербайджанском: дома только на нашем, а в коридоре, выйдя за дверь, и далее – господствовала речь русская.

С годами уразумел, что Москва явилась для меня в некотором роде подпольем, где я, несвободный в пределах республики, был относительно свободен в пространстве страны, и, вооружённый родным русским словом, мог творить, – иначе б не увидел свет ни один мой роман!.. А наличие на азербайджанском, помимо русского, «Фатального Фатали», выпущенного сначала кириллицей, потом латиницей (2016), – это везение, стечение обстоятельств, единственный мой роман, существующий на двух родных языках.

Признаюсь, ныне явно ощутимое завоевание суверенного существования – это интенсивное развитие азербайджанского языка, он стал сочен, метафоричен, богат всеми тонкостями и нюансами в познании человека, мира, вселенной, – это поистине чудо наблюдается не только в поэзии и прозе, но и в эссеистике, публицистике, в целом, журналистике, и требуется дерзость, чтобы тягаться с этим уровнем, выйти на него.

... Мой герой Мамиш, – годы-то советские, хотя мало что изменилось, думает одно, правдолюб, и стоило ему чуть-чуть заикнуться, – боже, что с ним стало!..

«... Мамиш спешит.

Не угонишься за ним.

"Надо, непременно надо!"

Вдруг остановился, поднял голову и неотрывно смотрит на низко бегущие хмурые облака, гонимые северным ветром. Случайная крупная холодная капля обожгла висок, а тучи бегут и бегут. И впечатление, что угловой дом, похожий на старый, но все еще крепкий корабль, стремительно несется по вспльчивому Каспию и отвисшие ключья туч цепляются за телевизионные антенны.

Идет и идет. Ветер сорвал с петель оконную раму, осколки стекла посыпались на улицу. Лето, а какой злой ветер!..

Запахло шашлыком. Шашлык и вправду ждать не любит. Он вкусен, когда только что снят с красноглазых углей, обжигает пальцы. Но запах обманчив: то ли барашек на вертеле, то ли осла клеймят».

На национальном материале – но о всей стране... И прошагал роман по всему миру!.. Из поздних разумений: цензура пропускала острые вещи «нерусских русских», ведь «все эти безобразия творятся не у нас, а там у них», а для русской реальности – правда лишь дозированная, от сих до сих, тонкий ручеек в мощном потоке неправды, ибо любая маломальская правда – уже антисоветчина.

А вот и второй мой роман, который стал писать уже по-русски, понимая, что и его в республике отвергнут, и снова «о [моей] жизни, уже однажды прожитой» в 19 веке моим историческим персонажем Фатали, под чьими погонами чиновника-подполковника в Кавказском наместничестве в Тифлисе билось сердце противника колониальной политики царизма («Неизбежность», 1981), а заодно протащить и утвердить важную параллельную сюжетную линию движения Шамиля, борца против российской экспансии, с кого (когда писал роман) так и не было снято обвинение в ненависти к русскому народу, антирусизме.

И три этапа жизни Фатали, фигуры, неизбежной в своём появлении в условиях деспотии: иллюзии юности, их нескончаемый кризис, вспыхнувшая вдруг скоротечная надежда в пятидесятых – смерть деспота, а ведь всем в империи казалось, что трудно обмануть звезды, предсказавшие уничтожение тирании; а в конце жизни – крах, беспросветный мрак семидесятых годов.

Прожил я и жизнь двух бывших друзей-антиподов, героев романа «Доктор N» (1996) Наримана Нариманова и Мамед-Эмина Расулзаде.

Первый утвердил в Азербайджане под защитой красных штыков Советскую власть, а потом, за месяц до загадочной смерти в 1925-м, но сталинский след явно замечен, прозревший – понял, что никакого социализма нет, а есть деспотическое государство, именуемое СССР, чьим первым президентом был (одним из четырёх Председателей ВЦИК), и парадокс: похоронен у стен – не в стене – Кремля.

Второй, чью жизнь тоже пропустил через себя, учредил первую недолговечную демократическую Азербайджанскую республику, и все последующие годы прожил вне родины с постоянной тоской о ней, в эмиграции, а ныне – в Стамбуле.

«... Наримана давно нет, Кобы-Сталина тоже, умер в день, когда в Турции праздновалось пятисотлетие завоевания Константинополя, ставшего Стамбулом, Ислам бол, или Много ислама, Мамед-Эмин пишет воспоминания о своем давнем спасителе, которого прежде не раз спасал сам, кто мог знать, кого спасал? А потом бежал от него, – записки пространные, договорился с газетой Дюнья (Мир), из номера в номер будут печатать, – о величайшем тиране всех времен и народов, плюс демагоге, диктаторе, террористе-казнокраде, императоре, достойнейшем потомке всех прошлых неронов и чингисханов. Еще о чертах его духовной физиономии: мстительный и вероломный, завистливый и лицемерный, наглый и хвастливый, упрямый... – скоро, чувствует Мамед-Эмин, и его самого не будет. Одно лишь близкое существо полька Лильяна, его Лейла. Поймал бакинскую волну, родные звуки: и речь, и музыка Узеирбека. Мамед Эмин вычеркнут из памяти народа, кто о нем знает? Впрочем, вычеркнут и Нариман, объявленный... – о, гримасы истории: Нариман, который трубил о братстве наций, поддакивая лицемерным вождям, – и националист?! Возглавлявший, как о том кричали со всех трибун, власть трудящихся, и – враг трудового народа?.. Волна, на которой только что звучал божественный голос Бюль-Бюля (газель Низами

Без тебя), и стамбульская квартира была залита щемящей мелодией, она плыла над огромным городом, самым красивым в мире, вдруг заглохла, пошли хрипы-помехи, мешанина чужих речей, а потом гнетущая тревожная тишина. Узнать бы про Наримана... По деяниям быть тебе, Нариман, в аду, но помыслы твои были чисты и искренни, и потому блаженствуешь, надеюсь, в раю. Мой путь, как ты видишь, привел к тупику, но и твой не вывел на светлую дорогу. Хоть изредка поглядываешь на земные дела, Нариман?..».

И – кораническое повествование «Не дать воде пролиться из опрокинутого кувшина» (2003) о мекканском пророке Мухаммеде, кому был ниспослан Коран с главной в нём мыслью утвердить преемственность ислама с иудаизмом и христианством:

«Воистину, ниспосланное [Коран] – Писание!» «То, что Мы тебе явили, – истинно подтверждает истинность того, что прежде являли» (Тору-Таврат и Евангелие-Инджилъ). «Ниспослал Бог тебе Истину, чтоб истинность того, что прежде до тебя было Им ниспослано, подтвердить». «И эта Книга, что тебе Мы ниспослали, на пророчество благословив, подтверждает истинность ниспосланного ранее».

И добавлено, что Коран ниспосылается также «для охраны [книг]», а следом призыв Бога, обращённый к монотеистам, опережать друг друга в совершении благих дел: «Всякому из вас Мы устроили дорогу веры, праведный дав путь. Если б захотел Бог, сделал бы вас народом Он единым, чтоб испытать на верность вас всему тому, что даровал Он вам. Старайтесь же опередить друг друга в праведных делах. К Богу – конечный ваш возврат, и сообщит Он вам, в чём разногласили!».

А двигатель моего вот уже почти тридцатилетнего интереса к Корану, с одной стороны, защитить его – косвенно, подтекстово, всем духом произведения – от немусульман, порой в фанатическом рвении прилюдно сжигающих Коран, а с другой, активно противостоять – в образах и картинах – фанатикам-мусульманам или исламским экстремистам, которые превращают Коран в орудие убийств «неверных».

... Долгие годы мне не давали покоя и жаждали выговориться трагические судьбы двух моих близких поэтов: Самеда Вургуня и Назыма Хикмета, пока я не решил написать о них в жанре развёрнутого эссе-очерка: «Поэт, как рано постарел ты...» и «Страна моя в инфаркте моего сердца» («Минувшее – навстречу», 2009).

Разные трагедии: у первого – муки, что предал собратьев по перу, и мои руки жгли архивные листки стенограммы выступления Самеда Вургуня на Секретариате ССП от 26 ноября 1937-го: вёл активную «борьбу с двурушниками, предателями, которые были в ССП Азербайджана и хотели разрушить нашу счастливую жизнь... Нам удалось ещё приблизительно за восемь месяцев или за год до выявления у нас врагов органами НКВД разоблачить...» – называется много имён, в числе которых выдающийся поэт и драматург Гусейн Джавид, и друг-ровесник Мюшфиг. «Тов. Багиров [азербайджанский Сталин + Берия] с присущим ему вниманием и чуткостью слушал меня четыре часа. Очень понравилась ему моя критика, и он сказал: – Ты ещё крепче бей этих людей...»

Впервые я увидел Самеда Вургуня, блистающего, по-мужски красивого, строго в движениях, с пышной шевелюрой – в 1950-м, когда он приехал на встречу со студентами в клуб общежития МГУ на Стромынке в дни Декады азербайджанской литературы и искусства в Москве. Поэт без устали, молодо и артистично читал стихи, глаза его лучились – то было время его беспримерной славы, недавно прилетел из Лондона, куда ездил с Фадеевым и Симоновым (помните? знали наизусть: *Мой друг*

Самед Вургун, Баку /Покинув, прибыл в Лондон. /Бывает так: большевику /Вдруг надо съездить к лордам...)

Ты, говорят, счастливый самый, Хотя всю жизнь ты горем сыт... (перевод К. Си-монова)...

Потом, когда развенчали культ, он за год вдруг постарел и выглядел в свои пятьдесят лет восьмидесятилетним стариком и вскоре умер от рака

И в том же 1956-м застрелился Фадеев, незадолго до этого он писал в связи с «разоблачением» так называемых «космополитов, а попросту – евреев: «Я думал, что стою на посту у Красного знамени, а стоял около нужника»... И Вургуну было от чего съесть нутро, воскликнув в безысходности, ибо ничего уже не поправить: *Поэт, как рано постарел ты!..* Выскажу гипотезу: не умер бы от скоротечного рака – непременно б ушёл сам, последовав примеру Фадеева.

А боль Назыма Хикмета – иного свойства, не этического, и они с Вургунем оказались в одной обойме чисто случайно, и лучше, чем сам турецкий поэт не скажет о себе как изгнаннике:

*Страна моя, страна моя, страна моя, / На дорогах твоих я не износил своих башмаков... / Мои стихи выходят на языках чужих, /А в Турции моей на моём родном под запретом... / Страна моя... / ты сейчас в седирах моих волос, /в инфаркте моего сердца, в морщинах моего лба... – или, как звучат по-турецки, как и все предыдущие строки – мягче, теплее, сочнее: *Сен шимди йалныз сачымын акында, инфарктында йурегимин.**

Но – довольно грустного в преддверии «волшебного», как назвал кто-то невзначай мою юбилейную дату: сказанное в книгах, тем более я назвал не все свои романы, и смыслённый читатель, надеюсь, это запросто уловит и поймёт, тем более все произведения живут давно своей жизнью и не утрачивают, думаю, своей актуальности.

И вот уже который год я пытаюсь постичь-проникнуть в миры своих героев романа «Дальние дистанции короткого пути»: москвича азербайджанского Микаила Мамедовича, разлучённого с родиной, дружного, как и я, с пером-словом, он намного моложе меня, и бакинского азербайджанца Каляма, это собственное имя, из редких, – слово, взятое, как и многие имена азербайджанцев, из Корана, и Калям пытается реализовать в полной мере смысл своего имени как «Божественного Пера», даного нам не забавы ради, а чтобы сказать не просто правду, а правду большую.

Так бы, пожалуй, я написал в аннотации к роману, если успею его завершить, а уже текст существует в объёме пятисот с лишним компьютерных страниц, и дело упирается в финал, тут у меня есть смешная присказка: «*Əsəri finallamaq – kəhər atı pəllamaq*», то бишь: «*Найти финал – как подковать скакуна*».

Москва – Иерусалим.
Январь, 2019.

Дорогой Чингиз Гасанович! Искренне желаем Вам творческих удач и надеемся на дальнейшее сотрудничество. Коллектив «Л.А.»

ЮСИФ ВЕЗИР ЧЕМЕНЗЕМИНЛИ

СТУДЕНТЫ

*Роман**

Перевод Азера МУСТАФАЗАДЕ

КНИГА ВТОРАЯ

В 1917 ГОДУ

Несколько предварительных слов

«В 1917 году» – это второй том цикла романов, которые должны охватить двадцатипятилетний период нашей жизни. Тюркские интеллигенты, до революции мало интересовавшиеся политикой, после революции разбились на различные партии и политические группы. Часть их, подпав под влияние европейских капиталистов, переместилась за рубеж. Другая часть встала на платформу Советов. Октябрьская революция разрушила прежнюю прогнившую жизнь и на её месте строит новое яркое будущее. Культура и просвещение, охватив широкие массы трудящихся, способствуют рождению новых людей – советских интеллигентов и специалистов.

После романа «Тертер», частично описывающего эту обновлённую эпоху, будут написаны романы «За рубежом» и «Схватки» (1905–1909гг.), которые составят четвёртый и пятый тома данного цикла.

АВТОР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В небольшом галицийском городке столкнулись лицом к лицу двое молодых людей в армейской форме. Увидев друг друга, они обнялись, сердечно расцеловались.

– Добро пожаловать в наш город, Чингиз! А сказывали, ты в Карпатах. Какими судьбами?..

– Дело у меня небольшое. Хочу покинуть фронт, не отпускают. Вопрос, оказывается, может решиться только здесь.

– Ты служил в военном госпитале. Снова там? И сёстры милосердия – барышни из самых знатных петербургских семей ...

В ответ Чингиз расхохотался, взял его под руку:

– А как твои дела?

*журнальный вариант. Книгу первую см. № 3, 2019г.

– Я – земгусар¹! Начальник отделения «Земокок» при армии. Собираем оружие и снаряжение, брошенное неприятелем.

– А враг... не бросает...

– ... бросаем мы...

Приятели искренне расхохотались.

– Чингиз, пойдём ко мне.

Они прошли мимо нескольких сожжённых и разрушенных домов и через пять минут оказались перед двухэтажным зданием.

– Здесь я квартирую, – сказал Рустамбек. – Солдаты почти разрушили, сожгли этот дом. Я отремонтировал его заново.

Рустамбек провёл Чингиза в большую просторную комнату. Вся обстановка комнаты состояла из двух походных коек, стола и нескольких стульев.

– Рустамбек, какие вести из дома?

– Отец скончался. В городе страшная дороговизна. Пуд пшеницы стоит десять рублей. Товары доставляются с перебоями, словом, худо дело.

– Это видно и по газетам.

– Ты получаешь газеты?

– Случайно прислали пару номеров «Каспия».

Рустамбек уже два года не держал в руках кавказских газет.

– О Господи, есть что-то новое на родине? – заинтересованно спросил он.

– Что может быть нового?.. К мусульманским сёлам, разрушенным в провинции Карс, добавились и восточно-анатолийские сёла. Число мусульман, ставших жертвами войны на Кавказе, перевалило за двести тысяч. Бакинское благотворительное общество создало серьёзную организацию, оказывает помощь мусульманам, чьи сёла опустошены... Кроме этого, нет ничего, достойного внимания. О том, что нет сахара, муки, мыла, тебе известно...

– Да, знаю, – кивнул Рустамбек. – Нехватка товаров и продовольствия ощущается повсеместно... Не знаю, чем всё это кончится.

– Конец ясен.... Неудачи на фронте, внутренняя анархия, всякий день – новое правительство, разгон Государственной думы, повсеместное недовольство... Разве не ясно, чем всё это кончится?..

– Вставай, проедемся по городу, – предложил Рустамбек.

Они вышли из дому. Брек, запряженный парой гнедых, стоял у ворот.

– Пожалуйста, Чингиз! – сказал Рустамбек, усаживая приятеля и сам садясь рядом. – Чингиз, – начал Рустамбек, собрав в руке поводья, – в этом городе многое достойно изучения. Большинство населения русины¹, но их участие в культурной жизни незаметно. Всюду поляки, польское панство и их культура... Подобное положение почти в каждом уголке Галиции. Ты только обрати внимание на названия улиц – повсеместно польская история... Жизнь в Галиции стала для меня своеобразной школой, я узнал много такого, чего раньше не знал. Мы представляли прогресс в борьбе с религией, духовенством... А вот между польской культурой и католицизмом разлада нет.

Чингиз не очень любил споров, но на сей раз заупряился:

¹Земские организации не были армейскими, однако их сотрудники носили офицерскую форму, отчего их иронично называли земгусарами.

²Группа восточнославянского населения Карпат, проживающая в основном в Закарпатской области Украины и на востоке Словакии.

- Одно дело – их религия, другое – наш ислам.
- Не вижу разницы, всякая религия – враг прогресса.
- На мой взгляд, это не так. Сегодняшний христианский мир – это колыбель культуры, а ислам – источник мракобесия. Если судить по результату, различие будет видно особенно.

5

Картины, открывающиеся их глазам, впечатления от поездки по прифронтовому городу положили конец спору. Брек проехал мимо ратуши и необычайно живописного рынка. Евреи с длинными, до плеч, пейсами, крестьяне в соломенных шляпах и расшитых кафтанах. Тут и там мелькали русские солдаты, военные чиновники.

Брек свернул направо. Дома и лавки по обе стороны улицы были сожжены. Картина всеобщего запустения и разрухи близ линии фронта была настолько привычна, что обгоревшие дома даже не привлекли внимания Чингиза. Но Рустамбек, показывающий ему город, пояснил:

– Раньше это был еврейский квартал. Во время наступления русские грабили, убивали евреев. Говорят, особенно бесчинствовали казаки...

Чингиз обернулся, внимательно глянул на сожжённый квартал.

– Одно из основных требований современной политики, – продолжал Рустамбек, – не позволить евреям жить оседло на оккупированных территориях. Эту политику проводят в жизнь последовательно...

– Глупая политика! – улыбнулся Чингиз. – Евреи всё равно будут делать, что желают: они в первых рядах тех, кто разжигает пламя революции, обладая определённым влиянием среди мировых банкиров, подрывают международные позиции России. Сегодня русские гибнут на фронтах войны, а евреи уклоняются от военной службы, благодаря коммерции концентрируют в руках огромные капиталы... С «древнейшей нацией» шутки плохи.

Брек остановился у ворот небольшого дома.

– Прошу! – пригласил Рустамбек. – Здесь мы выпьем кофе.

Дом, в котором располагалась кофейня, не был тронут пожаром. Благодаря небольшому ремонту он даже казался ухоженным. Зал был заполнен в основном земскими чиновниками. Тут и там сидели несколько сестёр милосердия.

За кофе Рустамбек продолжал расспрашивать Чингиза:

– Что слышно о наших ребятах? У меня оборвались все связи.

– Месяц назад я был в Киеве. Встретил кое-кого. Гулу работает в клинике...

– Не может быть! – воскликнул Рустамбек.

– Отчего же, – сказал Чингиз, – разве не знаешь Гулу, он не так прост, нахрапист, деловит.

– Конечно, деловит, ведь попасть в клинику – дело непростое. Обойти столько кандидатов... Значит, ему предоставили и бесплатное жильё.

– Естественно!.. Он работает у профессора Петрова. Когда профессор занят, Гулу сам принимает больных.

– Словом, зарабатывает кучу денег.

– Ага, Гулу процветает.

– А Халил тоже там?

– Да, в Киеве завершает учёбу.

– «Землячество» сохранилось?
– Сказывали, вроде сохранилось. Только деятельности не видно. А издательство перестало функционировать полностью.
– Значит, вся деятельность «Землячества» завершилась с нами, – прервал его Рустамбек.
– Да, это так, – не сразу сказал Чингиз, выдохнув из себя дым.
Рустамбек, занятый кофе и пастой, тоже задумался.
– С Фатьмой ханым ты, естественно, переписываешься, – отстранив от себя чашку, сказал Рустамбек. – Она продолжает учёбу?
На губах Чингиза заиграла счастливая улыбка:
– Иногда пишет, – сказал он и добавил: – Сам не знаю, как всё это получилось.
– Я слышал о вашей свадьбе. Но адреса не знал, оттого не мог послать поздравительное письмо. Только очень обрадовался. Вы создали прекрасную, просвещённую семью... Как прошла свадьба?
– Какая свадьба? Вечером отправились к татарскому мулле, оттуда поехали к Фатьме, сложили в фэзтон её чемодан и корзину, переехали ко мне. Вот и всё!
– Чего же ещё – просто и прекрасно.
Рустамбек допил кофе и, довольный, откинулся на спинку кресла.
В тот же вечер брек отвёз Чингиза на вокзал.

Вернувшись из отделения, Ваня застал Рустамбека лежащим на походной койке. Рядом на полу было разбросано множество столичных газет.
– Вернулся? – отвечая на приветствие своего заместителя, сказал Рустамбек и, приподнявшись, откинулся на подушку. – Что нового?
– А что нового здесь, Рустамбек? – весело улыбаясь, спросил Ваня. – Вижу, у вас уйма газет.
– Ничего... В тылу все идет прахом. Ряд министров отозван, на их места назначены новые. Общественное мнение совершенно не приняло это «обновление». День ото дня обостряется продовольственный кризис, у лавок длиннющие очереди, во многих местах сахар отпускают только по карточкам... Словом, всё худо!
– Это, Рустамбек, совсем не новость. И заменой в кабинете одного министра другим проблем не решить. Грянет революция.
– Революцию ждут все, только... дело во времени. Сейчас или после победы над врагом?
– Какой враг? Всё равно войны нам не выиграть.
Живя бок о бок с Ваней, Рустамбек никогда не вступал с ним в серьёзные споры. Ваня был моложе, уступал в образовании (не окончил даже среднюю школу), придерживался совсем иных убеждений. Суждения Рустамбека часто вызывали в нём неприятие. И на сей раз Рустамбек хотел было завершить разговор фразой, которая повторялась всеми: «Прежде всего следует одолеть врага», но Ваня опередил его:
– Прежде всего, Рустамбек, необходимо уничтожить внутреннего врага.

Через полчаса пролётка, оставив позади город, уже катила по отличному шоссе на юг. В воздухе было спокойно, всё вокруг запылено снегом.

Пролётка бежала мимо брошенных австрийских блиндажей, вся территория в воронках: вокруг ни метра ровной земли. Тут и там виднелись сваленные столбы, искорёженная колючая проволока, полуразрушенные дома, закопчённые дымоходы...

– Как отвратительна война! – сказал Рустамбек, полуобернувшись к попутчику. – Глядите: добротные жилища разорены, когда-то плодородные поля изрыты снарядами и минами!

– Сколько времени и труда понадобится, чтобы вернуть этому прежний вид!

– Знаете, – сказал ветеринар, – здесь полегло более ста тысяч русских солдат! Гордимся не техникой, а количеством погибших. Идём вперёд, оставляя перед каждым вражеским блиндажом тысячи трупов...

– И всё равно не можем одержать верх над врагом, – прервал его Рустамбек.

– Верно, верно! Мы истощены: не хватает боеприпасов, снаряжения, обращаемся к нашему «союзнику» – англичанам, те присылают снаряды, которые не подходят к нашим орудиям. Будто нарочно желают нашего поражения. А что внутри государства? Смута, напряжённость между Думой и правительством... Никто не занят делом... Продовольственный кризис, анархия на транспорте... Кризис охватил всю страну... И ко всему прочему мы стоим перед врагом – сильным, организованным, патриотически настроенным. Естественно, неприятелю лучше нас известно наше положение. Их агенты проникли в Генштаб, даже дворец в их руках... В итоге русский народ бессмысленно гибнет на этих просторах...

Лицо ветеринара было мертвенно-бледно, его губы дрожали...

...Показался Язловецкий монастырь. Окружённый садами и огородами, этот огромный храм даже перед лицом таких разрушительных сил, как война, не лишился величия и красоты. Но, казалось, жизнь угасла и в нём; во всём ощущались запустение и уныние. Проехав мимо монастыря, пролётка спустилась к селу. Большое село издали напоминало груды разбитого стекла; не было ни одной целой избы, бомбёжки превратили село в пепелище. Пролётка проехала мимо сожжённых домов, поднялась вверх вдоль реки, остановилась возле разрушенной, но после наспех отремонтированной избы. На стук колёс к изгороди вышла невысокая краснощёкая женщина. При виде Рустамбека её равнодушное лицо озарилось улыбкой.

– Ах, Рустамбек! – сказала она, быстро сбегав по каменным ступенькам, поздоровалась с Рустамбеком, спускавшимся с пролётки. – Мы давно ждём вас. А Борис, решив, что сегодня вы уже не приедете, отправился навестить рабочих.

– Знакомьтесь! – представил Рустамбек Зине, так звали хозяйку, ветеринара.

Они вошли в небольшую избу, недавно побелённую. Внутри было тепло, гости скинули с себя верхнюю одежду, присели. Большая печь у входа в избу занимала часть комнаты. Справа от печи, у стены стояла кровать...

– Изба была разрушена, – сказала Зина, чуть покраснев. – Борис поручил отремонтировать. Кроме нас, в селе никого нет. Немного трудно с продуктами: мясо привозим из города, а хлеб покупаем в часе езды от села.

– А где работают ваши рабочие? – спросил Рустамбек.

– Я уже послала человека, Борис скоро приедет, и вы всё осмотрите. Рабочие в основном заняты работой в немецких блиндажах, – торопливо ответила Зина.

– Здесь их должно быть много, – сказал ветеринар. – Язловецкое сражение известно. Тут мы одержали большую победу над австрийцами. Затем...

– А затем к ним на помощь подоспели немцы, и мы остановились, – закончила за ветеринара Зина.

При слове «немцы» у ветеринара будто обновили рану.

– Этот проклятый народ никак не выбить с насиженного места, – сказал он рассерженно. – С австрияками воевать легко, а немцев мы пока одолеть не можем. Но в конце концов, разумеется, одержим победу – в этом нет сомнений. Они страдают от голода, их страна в осадном положении, коммуникации перерезаны, союзники слабы. Вряд ли им удастся довести дело до конца... К тому же у них испортились отношения с Америкой. Если Америка вступит в войну, Германии придёт конец.

– Сейчас на этот фронт прибыли турки, – сказала Зина. – Солдаты клянут их почём зря. Говорят, отменные вояки.

– Да что могут поделывать турки – здесь у них небольшая часть. Не бросят же они на этот фронт всех своих солдат?!.. На Кавказе и в Аравии им приходится туго: наша армия взяла Арзрум и Хамадан. Союзники добились больших успехов на Багдадском и Палестинском фронтах...

– И всё же, – прервала ветеринара Зина, – у Германии тоже немало успехов. Румыния, Сербия, Черногория, Бельгия выведены из войны; значительные территории Франции и России оккупированы, подводные лодки немцев наносят большой урон союзникам. Что касается голода, он и у нашего порога стоит. В Москве семья из семи-восьми душ простаивает тринадцать-четырнадцать часов в очереди и может приобрести в лавке одну-две буханки. Разве это не голод?

– У нас нет голода, – рассердился ветеринар, прервав Зину, – наша беда – неорганизованность, отсутствие дисциплины. Они-то и вредят нам. Кто из нас на фронте испытывал голод? Глядите, наши склады полны продовольствия.

– А как в тылу, в России?

– В России тоже нет голода, есть неорганизованность, спекуляция...

– А это хуже всего!

...Приход Бориса положил конец разгоревшемуся спору. Борис был юн, невысок, худощав, улыбчив. Козырнув, он поздоровался с гостями.

– Как славно, что вы приехали, – сказал он. – Сегодня у нас интересное дело. До обеда осмотрим лошадей, затем посетим наши блиндажи...

Гости одобрительно закивали головами.

– А вечером, – сказала Зина, – мы отправимся к Загориным.

– Поедем, – покорно обронил Борис.

– Кто такой Загорин? – спросил Рустамбек.

– Казацкий офицер с транспорта. По вечерам наносим друг другу визиты. У них водится даже водка. И хозяйка его очаровательна.

– Словом, наслаждаетесь жизнью! – удовлетворённо сказал ветеринар.

– Эх, совсем чуть-чуть!

– Я привёз господина ветеринара, – деловито сказал Рустамбек, – чтобы он осмотрел лошадей. Говорят, что двадцать из них заражены сапом.

– Никакого сапа нет, – решительно отрезал Борис. – Я подозрительных животных изолировал. До сих пор никаких признаков болезни. Пойдём, посмотрим.

Рустамбек перевёл взгляд на ветеринара, тот, поняв вопрос, сразу же сказал:

– Я готов!

Они встали, надели пальто. Борис повёл их к полуразрушенной конюшне.

– Сергей, – крикнул он кому-то, – выводи по одному лошадей.

Старик в серой барашковой папахе и полушубке вывел во двор первую лошадь. Ветеринар осмотрел ноздри лошади.

– Гной нет? – спросил он.
– Нет, нет! – убеждённо ответил Борис.
– Эта лошадь здорова, – сказал ветеринар, обернувшись к Рустамбеку. – Выводите следующих, осмотрим.

Старик по одному выводил лошадей, ветеринар осматривал их, больных не выявил.

– На всякий случай, – сказал ветеринар, – ещё несколько дней подержите их в карантине, и если из ноздрей не будет течь гной, можно посылать на работы.

Борис, явно удовлетворённый заключением ветеринара, сказал победно:

– А тот ветеринар хотел уже уводить их, насилу удалось отбиться.

...На обед Зина приготовила пельмени. Зина была сибирячка – любила и знала толк в пельменях, поэтому часто угощала ими гостей. Она расставила на столе, накрытом простенькой скатертью, тарелки, принесла чашку с вологодским маслом и белый хлеб; большие стаканы рядом с тарелками указывали на то, что будет и водка.

Ветеринар заметил эти стаканы ещё когда мыл руки.

– Борис Владимирович, кажется, у вас имеется водка?

– Да, сам приготовил – добыл немного спирта, развёл с водой.

– Обычно и мы поступаем точно так же.

Рустамбек, уже сидевший за столом, покручивал кончики усов:

– Я часто задаю себе вопрос: была ли польза от того, что запретили водку¹?

– Несомненно, – убеждённо ответил ветеринар, но, заметив ироническую улыбку Рустамбека, продолжил: – Смотрите, на фронте солдату водки не достать, а самогон здесь не гонят. Такие, как мы, употребляют одеколон или спирт... (ветеринар улыбнулся)... В России, естественно, проблема иная – несмотря на все запреты, пьющих стало больше.

– Значит, прав был Святой Владимир, – засмеялся Рустамбек, – утверждая, что «веселье русских в питии».

– Верно, – засмеялся и ветеринар, – оттого мы и не приняли магометанство.

В комнату вошёл молодой рабочий, неся котёл с дымящимися пельменями. Зина попросила гостей к столу, Борис стал разливать водку в стаканы. Рустамбека, как старшего по должности, естественно, посадили во главе стола.

Наконец поднялся, нарушив молчание, Рустамбек.

– Господа! – сказал он. – За нашим столом есть лицо, наиболее достойное уважения и поклонения. Уважаемая Зина Павловна, олицетворяя собой великую русскую женственность, сегодня одарила своим очарованием нашу компанию. Господа, я не русский, но я – продукт русской культуры; все духовное воспитание я обрёл благодаря русской литературе. Очарованные литературными образами Татьяны, Лизы, Наташи, мы пришли к безграничному уважению к русской женщине. Зина Павловна – высокий пример таких женщин. Она последовала за мужем до самой линии фронта, и это напоминает мне самоотверженность жён декабристов. Да здравствует Зина, пусть сияет звезда её счастья, освещая и наши дороги!

Стаканы снова взметнулись вверх.

– Рустамбек, – улыбнулась Зина, – вы, конечно, немного преувеличили.

Но было заметно, что она довольна тостом...

¹ В годы Первой мировой войны в России был принят сухой закон, но в сёлах крестьяне повсеместно гнали самогон.

...Пролётка остановилась у небольшого домика в конце сада. Борис и Зина сошли первыми, указывая дорогу Рустамбеку и ветеринару.

Гостей встретил красивый юноша в кожанке. Это был Загорин.

– Рады вашему приезду, – сказал он, – если бы не приехали, сам бы посетил вас.

Загорин провёл гостей в просторную комнату, вся мебель в которой состояла из нескольких сломанных табуреток и покосившегося стола. Там их встретили хозяева дома – седоусый, неряшливо одетый ветеринар и его жена – белолицая, склонная к полноте привлекательная женщина лет двадцати семи.

– Здравствуйте, Евгения Артёмовна! – сказала Зина, обнимая и целуя хозяйку, затем протянула руку для поцелуя ветеринару.

– Господа, знакомьтесь! – раздался голос Загорина, представлявшего прибывших хозяевам. Гости и хозяева перезнакомились, подав друг другу руки.

– Женя, собери что-нибудь на стол, – обратился седоусый ветеринар к жене.

Евгения Артёмовна встала, прошла на кухню.

– Мы подышаем от скуки, – заговорил ветеринар, желая как-то занять гостей.

– Представьте, который месяц мы здесь, а вокруг никого – одни наши лошади. Я отписал из дома и Женю. Но от тоски не избавились... Одна радость: в нашей аптеке достаточно спирта. Только это спасает нас.

Евгения Артёмовна вернулась к гостям.

– Вы-то пьёте, а утешает ли это Женю? – засмеялась Зина.

– Ей тоже есть чем утешиться, – на что-то намекая, обронил ветеринар.

– Не глупи! – кокетливо проговорила его жена, приподняв брови.

Намёк ветеринара относился к Загорину. Он видел, что Загорин не без успеха ухлёстывает за его женой, и считал это естественным. Казалось, он даже немного гордился тем, что не ограничивает свободу Жени.

Наутро они проснулись поздно. Хозяева знали, что сегодня гости должны вернуться в город.

– Оставайтесь ещё на один день! – настаивала Зина, но Рустамбек, отказавшись, велел Плещуку собираться.

Выпив чаю, они сели в пролётку. Борис обещал показать им Язловецкий монастырь и поехал вместе с ними.

Крупными хлопьями шёл снег. После ночного застолья каждый из них ощущал апатию, никто не хотел говорить, только невидяще глядели по сторонам. В этом состоянии они добрались до монастыря. Борис первым слез с пролётки, постучав в ворота, вошёл в монастырь. Получив разрешение на осмотр, вернулся, сказал: «Пожалуйста, слезайте!»

Они прошли по устланной камнем дорожке, вошли в небольшую комнату. Здесь их встретила настоятельница – женщина лет сорока пяти в монашеском одеянии.

С присущей полякам особой учтивостью пригласила гостей в монастырь. Пройдя по длинным коридором, по обе стороны которых стояли статуи мраморных ангелов, они поднялись по лестнице вверх. Глянули с балкона на собор.

На всём вокруг – внутри монастыря и в саду – лежала печать запустения. Когда-то здесь получали образование и воспитание девушки, принадлежащие к высшим аристократическим кругам. С началом войны все они бежали вглубь Австрии. Кроме настоятельницы и нескольких служительниц, в монастыре никого не осталось. Уже который год эти женщины самоотверженно терпели все ужасы и лишения, что

несла с собой война, считая священным долгом сохранить чистоту и святость монастыря. Они не раз подвергались грабежам, оскорблениям и унижениям со стороны проходивших русских солдат. Серебряная утварь, даже семенной фонд монастырских полей и огородов были разграблены. Естественно, настоятельница откровенно не желала победы русским. Будь на то её воля, она никого не пустила бы на порог монастыря. Но что было делать, жестокая реальность войны сломала национальное и религиозное достоинство женщины, заставила смириться...

Посетители осмотрели библиотеку, разместившуюся в нескольких просторных комнатах. На полках, за проволочными рамами, хранились тысячи томов.

Спустившись в запылённый снегом сад, они несколько раз обошли опустевшие аллеи, опустошённые огороды, цветники, оранжереи, конюшню... став свидетелями превращения в пепелище очага некогда высокой культуры.

Эта гнетущая картина более всего сказала на Рустамбеке. Будучи сам представителем угнетённой нации, он острее, глубже ощутил всю трагедию поляков. В нём вновь пробудилось давно угасшее чувство национальной гордости. Не выдавая своего состояния, он быстро покинул монастырь. В глубоком молчании сел в пролётку, и до самого города сомкнутые печалью его губы не разомкнулись.

Спустившись с пролётки, Рустамбек вошёл в управление. Разделся, только стал умываться, когда к нему подошёл весь светящийся радостью Ваня.

– Рустамбек, слышали новость?

– Нет, – ответил Рустамбек и, подняв голову из-под висящего на стене умывальника, с ещё мокрым от воды лицом глянул на Ваню.

– Убили Распутина.

Рустамбека всегда поражало, что неграмотный мужик Распутин, прибыв из Сибири в Петербург, смог играть столь большую роль в дворцовых кругах. Ваня пересказывал Рустамбеку часть кое-каких подробностей этого события, уже заполнивших газетные колонки.

– Рустамбек, – Ваня всё ещё не мог справиться с возбуждением, – оказывается, весь двор находился в руках этого человека. Через царицу он влиял на царя. Разве это не поразительно? Представьте, Распутин назначал министров, увольнял тех, кто был ему не угоден... Спал с самыми красивыми аристократками. Весь двор поклонялся ему, считал его «святым старцем».

– Дорогой мой, чему здесь удивляться: Россия известна как «страна непредсказуемых событий». Здесь всё в хаотичном состоянии. Тут культура горстки аристократов слилась с дикостью стомиллионного мужика, христианство со скитским мышлением, славяне с татарами и татары со славянами, Азия с Европой, Европа с Азией, создав, породив нечто смутное. Занимая большую часть европейского континента, Россия своими обычаями, традициями, историей, формами правления совершенно не похожа на европейские страны; обладая огромной частью Азии, она не может быть названа и «азиатской»... Словом, эта страна не обладает определённым лицом и ясным характером. И разве не естественно появление в подобной стране Распутина?

Ваня сознавал справедливость этих слов, но не возразить Рустамбеку не мог.

– Рустамбек, проблема не в состоянии страны; всё это игры немцев. Императрица, будучи немкой, действует, потворствует интересам Германии. А Распутин – их человек, сторонник заключения мира с Германией. Разве это – идея самого Распутина?

Не желая быть втянутым в спор, Рустамбек промолчал.

– Где столичные газеты? – спросил он. – Хочу почитать их сам.

Ваня передал Рустамбеку кипу газет.

Пресса, прежде не осмеливавшаяся писать о Распутине, ныне посвящала про-
странные колонки причудам «старца». Всё это Рустамбек прочитал с большим ин-
тересом. Тон газет был откровенно направлен против правительства и дворца. Без
обиняков говорилось о самодурстве, предательстве, равнодушии чиновников, зани-
мающих крупные посты. Газеты также писали об экономическом кризисе, охватившем
страну, голоде, всеобщем обнищании...

...Кроме непосредственно служебных обязанностей, Рустамбек занимался и об-
щественной деятельностью. Для сотрудников земства им было организовано три об-
щежития. Одно из них было выделено женщинам. В нём проживали наезжавшие
время от времени или служившие в городе постоянно сёстры милосердия.

После обеда Рустамбек посетил все три общежития, задержался в последнем:
приятели Татьяна и Володя пригласили его на чай. Володю, мужа Татьяны, Рустам-
бек знал ещё по университету. Часто вместе готовились к экзаменам. На какое-то
время Рустамбек потерял его из виду, затем случайно встретил в Галиции. Володя
был призван в армию, окончил военное училище, получил направление на фронт.
Свою молодую жену он пристроил сестрой милосердия в земский союз.

Они приняли Рустамбека в столовой. Горничная внесла самовар. В светлой,
теплой, не по-фронтально уютной комнате началась оживленная беседа.

– Какими судьбами, Володя? – спросил Рустамбек.

– Придумал повод, сорвался на день; завтра утром вернусь обратно.

– Что нового на фронте?

– Одни огорчения, огорчения! – хлопнул Володя ладонью по столу. – Солдат
устал. Требуется мира. Неудачи поколебали веру всех. Мнение, что «нас продают те,
что в верхах», стало всеобщим.

– Разве дело офицера Генштаба Мясоедова не подтверждает это?

– Естественно! Штабы переполнены немецкими агентами. Любой наш шаг за-
ранее становится известен врагу. К тому же не хватает оружия. Дисциплины нет. А
неразбериха в тылу известна всем...

– Ясно, – прервал Володю Рустамбек. – Чем всё это, по-твоему, кончится?

– Да ничем! Иного выхода, как заключить сепаратный мир с Германией, нет.

– Разве это возможно? На каждом шагу лозунги о «Войне до победного конца».

Толкуют о «верности». Как же, не шутка, мы дали слово союзникам!

Последнюю фразу Рустамбек произнёс с издевкой, и это послужило Володе по-
водом для сарказма:

– Более точный лозунг – «Война – до последнего русского солдата». Это мечта
союзников. На Восточном фронте мы захлёбываемся в крови, а англичане топчутся
на месте, берегут силы. Неясно, какую политику они проводят.

– Неясно? – иронически улыбнулся Рустамбек. – Ты разве не помнишь слова
английского военного министра? Он сказал: «Участь войны решит последний мил-
лион английских солдат».

– Вопрос ясен: когда все страны изойдут кровью, на арену выйдет сохранившая
армию Англия и будет диктовать условия мира... Когда видишь подобных «друзей»,
у человека появляется отвращение ко всему! Мерзость, надоело! Сменим тему.

– Да, да, – поддержала мужа Татьяна.

Рано утром Рустамбека разбудил Ваня.

– Новые известия! – радостно крикнул он. – В Петрограде произошло восстание, правительство низложено!

Рустамбек молнией вскочил с койки, быстро оделся, умылся и, даже не выпив чая, поспешил в Главное земское управление. Здесь уже собралось большинство сотрудников. Все восторженно поздравляли друг друга. В полученной официальной телеграмме сообщалось, что сформирован новый кабинет под председательством Львова.

... Возвращаясь из Главного управления домой, Рустамбек чувствовал себя необычайно счастливым человеком, он ощущал в себе подъём духа, решимость, открытость, жажду деятельности. То и дело повторяя про себя: «Какое великое счастье – революция!», он улыбался, веря, что произойдут большие изменения: уйдут навсегда в историю насильственная русификация, обращение в православие. Не будет больше господствующих и обездоленных наций... Равенство, всеобщее равенство сотрёт противоречия между народами; солнце братства заставит засиять новый мир. Наконец-то участь каждого народа перейдёт в его собственные руки...

И ещё Рустамбек представил сорок миллионов тюрко-татарских народов, проживающих в России: почти триста лет испытывали они невыносимый гнёт царской тирании; разрушены Казанское, Астраханское, Крымское, Сибирское ханства; уничтожена независимость Средней Азии, лишены свободы Дагестан и Азербайджан; в результате политики царизма русские переселенцы, стекаясь, как селя, подавляли и изгоняли тюрко-татарские народы. Часть их была вынуждена переселиться, другие – ассимилироваться...

Рустамбек остановился, спокойно перевёл дыхание, продолжил путь, раздумывая: «...Революция 1905 года одарила нас национальной печатью, родным языком и в какой-то мере национальной школой. Революция вовлекла народы, веками задышающие в невежестве, на путь просвещения и культуры. Нынешняя же революция должна привести к национальному самоопределению; централизованную власть должна сменить федерация...»

Теперь уже его перестал интересовать фронт; он мечтал о деятельности в национальной сфере, хотел слиться со своим народом, разделить его печали и радости...

...Часть сотрудников «земкопа» столовалась в доме управляющего. Рустамбек обедал там же. Сегодня пришли новые известия. Царь Николай, разогнавший Думу, низложен. Он отказался от трона в пользу брата Михаила, но и тот отказался, вернее, был вынужден под давлением отказаться. Власть в стране перешла к Исполнительному комитету Государственной думы. Кроме того, в столице был образован Совет солдатских представителей.

Во время обеда речь шла об этих событиях, высказывались различные суждения, кто-то утверждал, что в России будет провозглашено республиканское правление, кто-то не представлял Россию без монархии.

После обеда сотрудники стали расходиться. Встав из-за стола, Татьяна подошла к Рустамбеку и игриво взъерошила ему волосы. Рустамбек, удивившись, покраснел, но, зная о её склонности к экстравагантным жестам, не стал сердиться.

– Пойдёмте, друг мой! – сказала, смеясь, Татьяна.

Рустамбек поднялся, они вышли вместе. На улице Татьяна подхватила его под руку.

День был чудесный. Таял снег, с журчанием текла по желобам вода. Весенний воздух и опьянение революцией несли людям приподнятость и бодрость.

По дороге им встретилась толпа демонстрантов. Целая рота солдат во главе с офицерами, с транспарантами в руках шла, размахивая красными флагами. На груди демонстрантов также алели банты. Время от времени они кричали: «Да здравствует свобода!»

– Глупцы! – бросила Татьяна, иронически глядя на демонстрантов.

– Татьяна, – поразился Рустамбек, – вот этого от вас я не ожидал.

– Вы считаете, – засмеялась Татьяна, – что мужик знает цену свободе? Ведь они что бараны. Ни на что не способны, кроме как крушить и ломать.

– Это суждение аристократки.

– Называйте, как угодно! Я знаю мужиков, прекрасно знаю их. Чего они только ни вытворяли в пятом году!

– Разве у них не было на это прав?

– Никаких! Не будь дворян, эти грязные и ленивые мужики подошли бы с голodu!

– Татьяна, вам не переубедить меня. Крестьянин вечно был угнетён и поныне подвергается угнетению. Этому должен быть положен конец. Гнет, унижение – не к лицу нашему времени.

– А вы, оказывается, красный!.. – улыбнулась Татьяна и сжала локоть Рустамбека.

Рано утром Рустамбек стоял у окна, наблюдая за продолжающимися уже который день демонстрациями солдат.

В городе имелась всего одна центральная улица, да и та была небольшая, участники демонстрации по несколько раз в день поднимались и спускались по ней.

Сегодня навстречу демонстрантам двигалась траурная процессия: за простым гробом шли униатский ксендз и несколько крестьян. Солдатам, явно уставшим от однообразной маршировки из конца в конец улицы, это оказалось на руку, они повернули и проводили неизвестного покойника до самого кладбища. То, что солдаты, в нарушение всякой дисциплины, целыми днями шатались по улицам, казалось Рустамбеку неестественным. Прежняя вера в народ постепенно стала в нём таять. «Может, Татьяна права!» – подумал он, отходя от окна. Он начал сознавать, что народ не созрел для революции, но и оправдать царский режим тоже не мог...

Раздался стук в дверь. Не успел Рустамбек крикнуть «Войдите!» как дверь распахнулась, и вошёл Загорин. Они поздоровались, Рустамбек усадил гостя за стол, сам сел напротив. Загорин казался расстроенным, видимо, ему даже не хотелось разговаривать. Они были явно чужды друг другу, и это ясно прочитывалось в том, что они придерживались различных политических позиций. Отношения между армейским начальством и земскими чиновниками и прежде не отличались особой теплотой, революция ещё более углубила эту пропасть. Сотрудники земства традиционно придерживались либеральных взглядов, а большинство офицеров было реакционно настроено.

Продолжавшееся несколько минут молчание прервал Рустамбек:

– Свобода отразилась и на транспорте?

– Отразилась, более того, уже принесла свои плоды, – иронично сказал Загорин. – Премного благодарны!

– А что случилось?..

– Что ещё может случиться? Обнародовали декрет номер один, развалили дисциплину в армии. Разве мы сейчас способны наступать?

– Неужели всё так худо?

– Это понимают только люди военные. Вы люди гражданские, вам этого не осознать. Способна ли армия, переставшая подчиняться приказам, вести военные действия? Конечно же, нет! Декрет №1 породил конфликт между офицерством и солдатами. Последние вовсю критикуют уставные порядки. В лагерях никого не слышь: все на улицах, площадях, организуют демонстрации... Я не противник свободы, но разве этого требует свобода? И потом, – продолжал он, – разве в Англии нет свободы? Но там вместе со свободой существует и король. А у нас видят свободу только в свержении царизма, хотя наша страна не может жить без царя! Мужик должен кого-то бояться, без страха он превратит страну в руины...

Рустамбек прервал его, пытаясь разубедить, но успеха не имел.

Армия понемногу разваливалась, дисциплина рушилась, существующая между офицерами и солдатами вражда, антагонизм принимали всё более ожесточённый характер, наёмные работники, привлечённые на фронт щедрыми посулами, пользуясь общей анархией, разбегались. Процветали пьянство и воровство. Из аптек крали спирт, бороться с кражами было невозможно; товары со складов интендантской службы и общественных организаций свободно продавались на рынке; стало обыденностью использование поддельных документов, присвоение денег или их «потеря». День ото дня росло число собраний; все повторяли то же, что писалось в газетах и многократно произносилось на митингах. Был брошен лозунг: «Отчизна в опасности!», но никто не хотел защищать родину. На фронте раздавались призывы: «Рабочие – за станки!», «Солдаты – в окопы!», но им никто не следовал. Стало модой выбирать на митингах представителей и отправлять их в столицу. Если можно было собрать все принятые на собраниях резолюции, образовалась бы огромная гора...

Всё это, будто кинолента, ежечасно, ежеминутно проносилось перед глазами Рустамбека, отчего-то рождая в нём чувство отвращения. Когда-то он увлечённо изучал историю Великой французской революции, но теперь стал понемногу остывать и к самой революции. Ему было тягостно, что окружающие не выполняли своих прямых обязанностей, относились к делу спустя рукава, переливали из пустого в порожнее. Он не мог говорить об этом откровенно, а если бы и сказал, был убеждён, что это не дало бы результата. Он молчал, и накапливающаяся в нём злость, казалась, изъедала его изнутри.

Постепенно его охватило чувство апатии и равнодушия, он стал острее ощущать своё одиночество. Всё чаще к нему приходила настоятельная мысль о женитьбе. «Если бы нашлась девушка, что своей любовью вывела меня из этой безысходности... Только личное счастье может принести человеку внутреннюю устойчивость!.. Мысли, бережущие душу, сокровенные тайны могут быть поведаны только верной спутнице жизни... И только она может разделить личную радость и горе... И вообще, пора жениться. Тоска по своему очагу естественна. Следует, следует жениться!.. Но нет девушки! Воспитанной, образованной тюркской девушки! А те, что есть, под чадрой...» Рустамбек думал долго, но, не найдя выхода, осыпал проклятиями ислам, заточивший женщин в темницу чадры.

Он вышел на улицу, весенняя прохлада остудила его пылающее лицо. Он шёл медленно, никуда не торопясь. Но чувство безысходности, раздиравшее его не первый день, ещё более углубилось. Вся жизнь предстала ему в ином свете – такие понятия, как честь, верность, дружба, показались ему смешными. Душа его словно раздвоилась. Две мысли, два взгляда, два суждения столкнулись друг с другом. «На свете нет никаких нравственных устоев. Вековая культура оказалась неспособна прибавить даже букву к первобытной физиологии... Человек – раб природы; несмотря на все придуманные условности, он гол и дик, как сама природа... Человек, признавая свою ушербность, изобрёл такие цепи, как религия и государство. Но и они бессильны перед человеческой дикостью...» Погружённый в тяжёлые раздумья, он вошёл в свою комнату, увидел на столе письмо. Вскрыл конверт, ахнул. Борис сообщал, что сегодня рано утром покончил жизнь самоубийством Загорин, приглашал его на похороны.

Рустамбек кинул письмо на стол, обессиленно опустился в кресло. Пережитое за день погрузило его в депрессию...

...В одиннадцать часов утра наскоро покрашенный гроб вынесли из дому. Загорин лежал в чёрной черкеске, на груди – искусственные цветы. Гроб несли Рустамбек, Борис, ветеринар и денщик покойного. Идущие за гробом Женя и Зина громко плакали. Замыкали процессию несколько конюхов из транспорта.

Выйдя на шоссе, они направились к ближнему холму. Могила, вырытая двумя казаками, уже была готова. Мужчины поставили гроб на край могилы, вытащили платки, вытерли со лбов пот. Рустамбек бросил на Загорина прощальный взгляд. На скорбном лице покойного запечатлелось все трагически пережитое им за последние дни. И отчего-то выражение этого угасшего лица теперь не казалось Рустамбеку чужим. Прежние расхождения в убеждениях между ним и Загориним вдруг стёрлись, растаяли, исчезли. Теперь Загорин виделся ему сказочным героем, богатырём, поступку которого стоило подражать. На его ресницах, казалось, застыли капли слёз.

Переполненный этими чувствами, Рустамбек произнёс несколько слов в память об усопшем.

– Только редкие личности в истории, – раздумчиво сказал он, – не склоняют головы перед судьбой. Наоборот, они сами определяют её ход. Загорин не обладал силой, определяющей судьбу, но он не пожелал и стать её игрушкой. Защищая честь сословия, к которому принадлежал, он с гордостью испил чашу рока. Пусть цветы, что вырастут на этом одиноком холме, расскажут усталым путникам о его скорби.

Осторожно опустили гроб в могилу, засыпали землёй. Водрузили над могилой деревянный крест. На обратном пути все молчали. Идущий рядом с Рустамбеком Борис прошептал:

– Причина поразительна! Ещё поразительней оставленная им записка: «Умный – да сохранит свою голову! Невежественный мужик сорвался с цепи!» И это последние слова покойного.

Чингиз прислал Рустамбеку с Кавказа большую связку газет. Тюркские «Ени игбал», «Ачыг сёз», «Совгат», начавший издаваться после двухлетнего перерыва журнал «Молла Насреддин», «Каспий» на русском языке. Рустамбек, давно лишённый отечественной печати, был предельно признателен Чингизу за посылку. Вечером, лёжа на койке, при свете свечи он внимательно перечитал газеты и журналы, огор-

чился уровню культуры и политической жизни кавказских тюрок. То, что газета «Каспий» в рубрике «Из прессы мусульман» рассказывала о жизни арнаутов, арабов, курдов, мусульман Китая, показалось Рустамбеку искусственной попыткой объединения на основе ислама народов, имеющих различные общественные, экономические и политические условия, говоривших на разных языках. Не удовлетворила его и тюркская печать, она не имела определённой ориентации, чёткой политической направленности. Органы печати в основном были заняты мелкотемьем, ограничивались избитыми вопросами просвещения и культуры, не затрагивая больших событий.

Тем же занимались и бакинские общества «Освобождение», «Благотворительное общество», «Очищение», «Печать и просвещение» и другие. Главное, что занимало всех, – ущерб, нанесённый сотням тысяч мусульман в результате войны. Говорилось о том, что в провинциях Карс и Ардаган «восставшие» мусульмане были усмирены царской армией; сотни сёл превратились в пепелище; в Арзуруме, Трабзоне и на других оккупированных территориях Турции прошла резня. Волны беженцев, в основном вдовы и сироты, добрались до Гянджи. Во всех пунктах сосредоточения беженцев бакинское «Благотворительное общество» открыло свои отделения, оказывая помощь обездоленному мусульманскому населению. В этом направлении прилагала все силы и тюркская молодежь. Рустамбек одобрял подобную деятельность, лишь сожалел, что в целом не оставалось места для внятной политики.

А вот ещё одна важная информация: «В Гяндже впервые отпраздновали день рождения пророка». Да разве это дело? И об этом, как о главном «событии», общаются газетные колонки. И как это совмещается с гулом наступающей революции?

Рустамбек вновь уткнулся в газеты. Прочитал сообщения об экономическом кризисе в России. Дефицит самого необходимого – муки, сахара, мыла, обуви – открыл большой простор для спекуляций. Понемногу страна скатывалась в пропасть нищеты, а Временное правительство было не способно остановить этот процесс.

Рустамбек перевернул страницу: наткнулся на сообщение о первом совещании в Тифлисе с целью организации на Кавказе земских учреждений. «После драки кулаками не машут», – усмехнулся он, не придав значения этому сообщению, расценив его как ещё один манёвр припёртого к стене правительства. Рустамбек отбросил в сторону газеты.

«Царь низложен, земство тоже приказало долго жить. Сейчас на повестке главное – самоопределение наций», – подумал он и лёг в постель...

...Глаза Рустамбека были закрыты, но он не спал. Под впечатлением от прочитанного он думал о родине, пытаясь определить её будущее. Анархия и хаос, порождённые революцией, разумеется, удручали его, но он не терял оптимизма. «Не разрушив – не построить», – повторял он про себя пословицу на фарси, надеясь, что эта анархия приведёт к чему-то большому. Главным, что занимало его думы, была судьба, будущее родины. Рустамбек не придерживался идеологии панисламизма, не являлся также приверженцем идеи туранизма. Принадлежит к школе газеты «Тарджуман», он был сторонником идеи «общности языка, мысли, дела». Поэтому, думая о национальном самоопределении, он имел в виду не только Азербайджан, но и Туркестан, Поволжье, Крым.

Он представлял тюрко-татарский мир в виде свободного, независимого, правового, прогрессивного государства. В его формировании он отводил и себе большую роль. Он проведет целый ряд реформ, изменит алфавит, отделит религию от государства, создаст литературный язык... Отправит в Европу тысячи студентов....

Объединенное государство Туран станет обладать отличными железными дорогами, сильным флотом, дисциплинированной армией. Наука, литература, искусство достигнут самой высокой степени прогресса. Будут выявлены индивидуальные способности молодых, именно на это станет нацелено образование. Жизнь лиц, обладающих способностями и талантами, будет защищена государством; они станут работать по специальности, не ведая проблем. Не было забыто и личное счастье: он, Рустамбек, женится на прекрасной, воспитанной тюркской девушке, станет отцом большого семейства...

Ленин, выехав из Цюриха, не без помощи Германии прибыл в Петроград, сделал своей резиденцией дворец Кшесинской. Эмигрировавшие за границу или сосланные в своё время в Сибирь большевики стали объединяться вокруг Ленина. На петроградском совещании Ленин, раскритиковав программы всех партий, призвал трудящихся объединяться вокруг большевистской организации. Эта речь разнеслась эхом по всей России, вызвав ожесточённые дискуссии. Росло убеждение, что «бескровная» революция завершилась, вернее, что истинная революция ещё не началась. Каждое слово Ленина, будто изречение нового пророка, передавалось из уст в уста, точно так же передавался из рук в руки каждый номер «Правды»; этот орган большевиков оказывал большое влияние на определённые круги.

В первые дни революции вся Россия была разделена на два лагеря: одни были сторонниками свободы, другие откровенно враждебны ей. Теперь же положение изменилось, даже революционеры придерживались различных направлений: классовое сознание, разделяя общество, создавало противоборствующие лагеря. Отвечая на призыв Ленина, пролетариат повсеместно поднимался на борьбу.

Брошенные Лениным семена находили благодатную почву повсюду, в том числе и на фронте. И это было естественно, ведь Временное правительство призывало к «войне до победного конца», а Ленин требовал мира без промедления. Потому миллионы вооружённых крестьян на фронте подхватывали идеи Ленина.

В царской России более ста миллионов людей – представителей иноязычных народов – были закрепощены, подвергались угнетению со стороны великоросов. И эти народы, осознав подлинный смысл свободы, ждали решения своих национальных судеб. Однако политика централизованного управления, проводимая Временным правительством, ввергала всех в безверие. Они не видели никакой разницы в решении национального вопроса царским и Временным правительством. Ленин же давал реальные обещания и в этом вопросе: освобождение народов, насильственно присоединённых к России, предоставление им широких прав и свобод. Исключая великоросов, все народы, входящие в состав России, славили Ленина.

Постепенное охлаждение Рустамбека к позиции правительства львовых, мялюковых, гучковых и принятие идей Ленина объяснялось прежде всего отношением к национальному вопросу. Рустамбек страстно желал освобождения от гнёта сорока-миллионного тюрко-татарского народа; он и революцию рассматривал именно с точки зрения решения этого вопроса. У Рустамбека отсутствовало классовое сознание. Вернее, оно проявлялось в нём стихийно. Он представлял каждую нацию как самостоятельную массу, говорящую на едином языке, имеющую общие традиции, живущую на одной территории и придерживающуюся одних и тех же идеалов. Он воспринимал как провинциализм различие в языках народов, имеющих общий корень, был убеждён в победе единого литературного языка над диалектами. И национальную политику Ленина Рустамбек принял, пропустив её через свои убеждения.

Кроме всего, в Ленине Рустамбека привлекала его антиимпериалистическая позиция: если Милюков хотел прибрать к рукам Стамбул, то Ленин был категорически против этого, Ленин требовал независимости всем народам Востока на их родной земле.

Рустамбек уже два года не был в отпуске – фронтовая жизнь совершенно измотала его. И одолевшие его в последнее время одиночество, безысходность и подавленность в определённой мере объяснялись этой усталостью.

В это утро он проснулся с особо тяжёлым чувством, испытывая беспричинную ненависть ко всем и всему. Едва допив чай, Рустамбек вышел из дома – он хотел уйти от давящей обстановки, заглушить душевную тоску.

Город, раскинувшийся на склоне холма, перерезала, извиваясь змейкой на опушке леса, река; ветви едва зазеленевших деревьев, склонившиеся над зеркальной гладью воды, казались очарованными красотой реки, воздух был чист и прохладен, а майское солнце ещё было не в силах согреть холм и тянущийся и исчезающий в синеве горизонта лес.

Рустамбек застыл, наслаждаясь этой дивной красотой, когда кто-то осторожно тронул его за локоть.

– Святослав Иванович! – сказал он, обернувшись.

Сын известного сенатора – Святослав Иванович, человек лет сорока с рыжеватой бородкой, был в офицерской форме. На правой стороне его френча красовался университетский значок с голубым крестом. Благодаря отцу, известному сенатору, Святослав Иванович служил не на передовой, а в тылу. Как и отец, он был реакционером и ярким противником революции.

– Как поживаете? – спросил Рустамбек вместо приветствия.

– Худо, очень худо! – ответил тот. – Надо ли что-то объяснять?

– Революция!.. – улыбнулся Рустамбек. – Новое всегда рождается в муках.

– Где это новое? Весь этот хаос – новое?! Разгул чёрной сотни, крушение строя, возводившегося веками!.. Нет, я не смею назвать это новизной; неграмотная, пьяная, ленивая, всё сметающая на своём пути масса не способна создавать новое!.. Мы ещё не переварили львовых, а тут ещё появился Ленин – так этот рубит под корень... Пусть рубит, поглядим, чем это кончится! Всё это интриги немцев: будь Ленин честным человеком, Вильгельм не стал бы присылать его к нам в пломбированном вагоне... Как бы там ни было, я решил молчать. Кто мы такие?.. Кто обращает внимание на наши речи?.. – вдруг он, до странности внезапно переменив тему и выражение лица, спросил:

– Дорогой мой, а вы как? Чем занимаетесь?

– Благодарю вас. Устал, хочу проситься в отпуск.

– Разве все мы нынче не отпускники? – укоризненно улыбнулся Святослав Иванович. – Война уже проиграна, теперь мы должны склонить головы перед цепями ига...

Рустамбек промолчал, у него не было ни желания, ни интереса возражать собеседнику. Это почувствовал и Святослав Иванович.

– Вышли побродить или у вас была определённая цель? – спросил он.

– Шёл в село, решил зайти на склад, – торопливо сказал Рустамбек, чтобы отвязаться.

– Тогда, дорогой мой, не смею вас задерживать, – сказал Святослав Иванович.

– Рустамбек, вы сегодня придёте на собрание? – спросил Ваня.

– Какое собрание? – скривил рот Рустамбек. – Я по горло сыт собраниями.

– Отчего? Ведь прежде вы охотно их посещали.

– Прежде... – Рустамбек продолжить мысль не захотел.

– Приходите, Рустамбек, – попросил Ваня. – Останетесь довольны. Сейчас на крупных собраниях председательствует один солдат, прекрасный оратор, причём весьма подготовленный человек. Говорят, до войны был рабочим в Москве, входил в нелегальные организации. Сам он большевик, даже имеет свой кружок. Я тоже думаю записаться... На мой взгляд, – продолжал Ваня, – большевики правы: от войны трудящимся пользы нет. Война нужна лишь буржуазии, коммерсантам; их цель – новые рынки сбыта для их товаров, а в результате гибнем мы.

Рустамбек отложил в сторону книгу.

– Это всё понятно, – сказал он. – Но я не выношу анархии, бескультурия... Пьяные солдаты врываются на собрания, оскорбляют людей. Растёт ненависть к интеллигенции, никто не желает признавать начальство... Словом...

– Рустамбек, – резко прервал его Ваня, – вы напрасно огорчаетесь: что можно ждать от народа, который веками жил в угнетении. Раб сорвал цепи, но всё ещё не осознаёт обретенной свободы. Естественно, пока он неуправляем. Следует вовлекать народ в организации, учить, готовить его. Что пользы от неверия, пессимизма?!..

– Всё правда, – прервал его Рустамбек, – умом я совершенно согласен с вами, но сердцем ... Оно не трепещет, как прежде, при слове «революция». Причины осознать я не могу. Может, это неприятие от усталости... Я очень устал, Ваня, надо бежать с фронта, отдохнуть...

– Когда вы едете в отпуск? – тихо спросил Ваня.

– Через пару дней отправлюсь в Тернополь, попрошу у начальства разрешения на отпуск, если откажет, подам в отставку.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Получив разрешение на отпуск, Рустамбек утренним поездом прибыл в Киев. Теперь он был свободен целый месяц.

Воздух был прекрасен, пьянящий аромат цветущих каштанов дурманил голову. Рустамбек радовался обретенной свободе, освобождению от фронта, хотя не знал, куда пойдёт, чем станет заниматься. Раздумывая обо всём этом, он добрался до Крещатика. Первое, что бросилось в глаза, был памятник Столыпину: сброшенная статуя экс-премьера валялась рядом с пьедесталом. На пьедестале ещё не стёрлись слова: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна – великая Россия!».

Рустамбек дошёл до Николаевской, остановился, вспомнил Имрана, хозяина фруктовой лавки. Он знал, что тюркские студенты любили посещать эту лавку. Он свернул на Николаевскую, у входа в лавку его встретил высокий краснощёкий юноша с рано тронутыми сединами.

– Здравствуй, Рустамбек! – радушно пожимая руку, сказал он.

– Здравствуй, Имран! Жив-здоров?

– Не жалуюсь.

В этот момент в магазин вошли дама и мужчина. Оставив Рустамбека, Имран приветливо встретил покупателей.

– Сафтар внутри? – спросил Рустамбек.

Имран, не отрывая взгляда от клиентов, кивнул головой. Рустамбек вошёл в полутёмную, пропахшую сыростью и плесенью комнату. Лежащий на грязной постели юноша приподнялся. Увидев Рустамбека, широко улыбнулся, отчего его огромный нос расплылся на поллица. Морщины, перерезающие щёки, провалились ещё глубже, брови приподнялись, придав его лицу обиженный вид.

– О, ты совсем стал земгусаром!.. – сказал он и добавил: – А мы люди бедные, лежим... Сейчас встану.

Рустамбек обвёл взглядом комнату – всюду пыль и грязь; кровь раздавленных вшей на выцветших шпалерах; по углам запутавшиеся в паутине мёртвые мухи... «Жилище» истинного мусульманина...

...Сафтар был сыном Понурого Ибада – купца из Вейлабада. Ибад жил в городе обособленно, ни с кем не деля ни радости, ни печали. Ни дома, ни вне него никто не видел Ибада улыбающимся, сами понятия «смех» или «счастье» были ему чужды. Говорил он мало, тихо, на приветствия, как правило, отвечал, еле шевеля губами. И торговля его велась как-то странно: он не звал никого в компаньоны, никого не посвящал в свои дела, не имел дел с банками, и, кроме него самого, никто не знал, чем он реально владеет. Он определил Сафтара в гимназию и, к его чести, ничего не жалел для сына, но отчего-то не желал приобщать к тайнам своего ремесла.

Всё бы ничего, но однажды, на беду Сафтара, Понурый Ибад разорился. Из-за осаждавших его кредиторов купец был вынужден бежать из города. Весть о нём пришла много позже из Коканда. Семья в Вейлабаде осталась без кормильца. Со временем Ибад перестал даже присылать письма.

Окончив гимназию, Сафтар приехал в Киев и на правах дальнего родственника устроился жить в подсобке в магазине Имрана...

...За чаем Рустамбек расспрашивал о знакомых студентах. Оказалось, что здесь находится и Мирджафар, ораторствует на всех митингах. Ещё он узнал, что с неделю назад Чингиз и Фатьма ханым уехали на Кавказ...

Дверь со скрипом отворилась, в комнату вошёл весь сгорбленный, с отвислой губой и редкими усами человек. Одет он был в застёгнутую на все пуговицы блузу, давно не глаженные брюки заправлены в нечищенные, видимо, многие месяцы сапоги. Небритое лицо выражало убожество. На блузе висел университетский значок. Увидев Рустамбека, он открыл рот и, показав пожелтевшие зубы, протянул ему большую, похожую на мясницкий секач, ладонь:

– Добро пожаловать!

– Джаббар, – сказал Рустамбек, не вставая. – И ты здесь?

– Да. Служу.

Имран хлопнул его по затылку, пояснил Рустамбеку:

– Вся его служба заключается в том, что он клеветает, оговаривает людей...

– И ещё крепко дружит с Гулу, – добавил Сафтар.

– Тогда, Джаббар, с тобой всё ясно, – сказал Рустамбек.

До сих пор выглядевший доброжелательно Джаббар вдруг взорвался:

– Довольно, иначе я раскрою все ваши грязные делишки, не вынуждайте меня открывать рот, – рассердился Джаббар и, хлопнув дверью, вышел.

Вечером Рустамбек отправился к Халилу.

Халил уже завершил учёбу, но решил, прежде чем вернуться на родину, пожить пару месяцев в Киеве, погулять, развеяться...

Когда Рустамбек вместе с Халилом шли к Гуламрзе, их внимание привлёк едущий навстречу трамвай. Вагоны были переполнены, даже на подножках висели люди в солдатской одежде. Вдруг с подножки вагона спрыгнул и побежал прочь какой-то человек, за ним с криком бросился другой:

– Держите, держите! Он вытащил мои деньги!

Прохожие бросились за вором, стали окружать его. Первый, кто схватил его, отвесил ему пощёчину. Это явилось сигналом: со всех сторон на карманника посыпались удары. Глядя, как в одну минуту десятки людей расправляются с воришкой, Рустамбек впервые осознал, какая это страшная сила – тёмная, неуправляемая масса. Толпа отхлынула, и, увидев, что на земле осталось лишь кровавое месиво несчастного, Рустамбек почувствовал тошноту и страх.

– Что значит ты только приехал в город! – засмеялся Халил. – Подобные происшествия случаются почти ежедневно.

В конце улицы собралась огромная толпа. Кто-то, поднявшись на небольшое возвышение, неистово размахивая руками, держал речь. Ещё не избавившись от острого чувства неприятия и страха, Рустамбек и Халил протиснулись сквозь толпу, свернули налево. Уже у дома Гуламрзы им встретилась украинская часть: серые папахи перерезала жёлто-голубая лента. Идущий впереди солдат нёс прибитый к длинному древку портрет Шевченко. Украинская песня, которую воодушевленно пели солдаты, понемногу рассеяла пережитый Рустамбеком ужас.

Когда Рустамбек и Халил вошли в просторную, глядящую окнами во двор комнату, собравшиеся встретили их радостными улыбками.

– О, здравствуй, Рустамбек! – сказал Гуламрза, обнимая и пожимая ему руку.

Рустамбек расцеловался и с поднявшимся ему навстречу Велибеком. Даже Гулу, казалось, был внешне рад ему.

Мирджафар, увидев Рустамбека в прекрасно сшитом костюме, с университетским значком на груди, явно расстроился, не смог скрыть зависти, его редкие брови взметнулись вверх, глаза покраснели, он сдержанно и угрюмо подал Рустамбеку руку, но целоваться с ним не стал. В своё время Рустамбек и Мирджафар учились в одной школе, даже в одном классе, дружили. Но за высшим образованием отправились в разные города. Через год Мирджафар, заболев чахоткой, был вынужден оставить университет. Два года лечился в Крыму, давал частные уроки и только потом приехал в Киев для продолжения образования. То, что Рустамбек вовремя окончил университет, поступил на службу, вызывало в нём зависть. Рустамбек это понял, равнодушно отошёл, сел от него поодаль.

– Рустамбек, – с присущей ему приветливостью обратился Велибек, – что нового на фронте? Ведь я тоже какое-то время был там. Ты это знал?

– Знал. Тебя видели во Львове.

– Жаль, что не встретились. Я повидал столько удивительного...

– Ты ещё будешь здесь какое-то время? – спросил Рустамбек, прерывая его.

В ответ Велибек указал Рустамбеку на стул рядом. Рустамбек, тотчас встав, присел рядом с ним. Рассказав кое-что об армейской жизни, Велибек тихо добавил:

– Через несколько дней отправляюсь на родину. Если решишь, что передать своим, – я к твоим услугам.

– Спасибо!

– Сейчас, – шёпотом, будто сообщая какую-то тайну, сказал Велибек, – в Баку огромная нужда в тюркской интеллигенции.

– Я это знаю. Но отчего-то внутренне не готов ехать в Баку. Причин множество. Во-первых, я должен поехать в Баку подготовленным. Во-вторых, смогу ли жить там – среди наёмных убийц, бандитов, насильников, завравшихся интеллигентов?

– Ты уж слишком драматизируешь, – засмеялся Велибек.

– Ах, Велибек, – предельно серьёзно продолжил Рустамбек. – Ты – врач, у тебя профессия. Где бы ни работал, только станешь углублять знания. Я же – юрист, кроме адвокатуры, обязан быть полезным в общественной жизни народа. Сейчас день ото дня набирает силу идея федерации. Знаю ли я основы федерации? Нет! На Западе и в Америке множество государств. Что мне известно об их основных законах, государственном устройстве? Кое-что проходили в университете... И всё... Мне следует какое-то время пожить здесь, заняться всем этим. Без знаний невозможно реальное служение народу. Если у тебя нет знаний, авторитета среди людей не завоевать.

...Немного погодя слово взял Гулу.

– Товарищи! – начал он свою пространную речь, заговорив о сложности политического момента, о том, что все нации должны стремиться к независимости, что украинское правительство, в обход Временного правительства, создаёт армию... Закончил он своё выступление призывом: «И нам необходимо, взявшись за руки, повести наш отсталый народ вперёд».

Присутствующие зааплодировали Гулу.

Велибек официально открыл заседание и прежде всего обрисовал положение в России, отметив при этом политическую незрелость мусульман. «Все народы, – сказал он, – желая прийти готовыми к парламентаризму, создают свои организации. Мы же, как всегда, отставая во всём, и здесь проявляем инертность». Затем, сожалея о малочисленности прослойки интеллигенции, посетовал, что и среди неё нет единства. «Сегодня, – добавил он, – мы должны прийти к определённом результату, найти общий язык, как этого требуют время и наш народ».

Началась запись желающих выступить. Салман, Ахмед, Мирджалал, Халил, Рустамбек, несколько студентов и учащиеся, только недавно окончившие школу, выступили с краткими речами.

И тут впервые среди тюркских студентов, обучающихся в Киеве, стали ощущаться идейные расхождения. Юноши, прежде объединявшиеся вокруг землячества, являлись носителями лишь культурно-просветительских идей, но нынче, не вмещаясь в прежние рамки, выступали с различных демократических платформ. Все они – будь то эсеры, меньшевики или большевики – стремились действовать в рамках определённых программ.

После выступлений начались продолжительные дискуссии, в результате собравшиеся разделились на несколько групп.

Салман и Ахмед тяготели к большевикам, Халил – к меньшевикам, Мирджафар – к эсерам.

Большинство же студентов были нейтральными носителями националистических идей, они не принадлежали ни к какой партии, они ещё не определили для себя формы и направления, в которых станут участниками национального движения.

Всё, о чём говорилось на собрании, не удовлетворило никого, каждый покидал собрание, оставаясь верным прежним убеждениям.

Вечером Велибек пригласил Рустамбека в парк «Купеческого собрания». Был ясный, лунный, майский вечер. В широкой глади Днепра отражались звёзды. Воздух был наполнен ароматом цветущих кустов сирени. Элегантно одетые, весело переговаривающиеся люди в аллеях парка словно знать не знали о кризисе и нехватке хлеба и сахара в городе.

Рустамбек и Велибек прошли в ресторан при парке, сели за один из столиков. Гарсон уставил столик, накрытый белоснежной скатертью, различными закусками, принёс и водку. Велибек с присущей ему обходительностью наполнил рюмки и, произнеся одно из рубаи Омара Хайяма, поднял рюмку.

– С приездом, Рустамбек! – сказал он. – Что принесёт революция, и куда она нас затянет, неизвестно. Как говорили древние персы, «Ценно каждое мгновение. И эти мгновения для нас сейчас – благо». Выпьем, будем здоровы.

– Будь здоров, Велибек, – произнёс, чокаясь, Рустамбек.

Велибек, наполняя опустевшие рюмки, сказал:

– Кажется, с этим Временным правительством ничего путного не получится. Я видел ноту, которую оно направило союзникам... Милюков снова требует Стамбул, по-прежнему звучит циничный лозунг: «Война до победного конца».

– Велибек, подобная политика уже не пройдёт – армия утратила способность сражаться, в столице всё больше углубляется пропасть между правительством и солдатскими и рабочими Советами; большевики желают превратить в реальность мечты уставших от войны людей; Украина, подняв знамя самостийности, ведёт за собой и другие нации; экономический кризис, всеобщая неразбериха подрывают основы государства... Разве мыслимо в такой ситуации проводить прежнюю политику?

Велибек, подняв рюмку, сказал:

– Давай выпьем во славу Украины, решительных людей они взрастили.

Рустамбек в искреннем порыве поднял рюмку, произнеся на украинском: «Ще не вмерла Украина!»

– Украина, – сказал Рустамбек, – не упускает выпавший ей шанс, постепенно отзывает с фронта украинцев, формирует национальную армию, требует от Временного правительства признания её автономии, национализировать школы и учреждения, стремится создать национальную печать... В годы учёбы в Киеве мы редко встречали людей, говорящих на украинском. Сейчас его можно слышать повсеместно. В царское время украинцы имели одну-единственную газету на украинском языке, но и её прикрыли, едва началась война. Погляди, сколько сейчас у них своих газет и журналов... А теперь представь, в каком состоянии мы! «Каспий» всё ещё держится за хвост исламской идеологии. Один из наших студентов недавно из дома получил письмо: на улицах Баку гочу – эти наёмные убийцы – срывают обувь с женщин, носящих туфли на каблуках... Можно ли представить подобный позор?! Эх, Велибек, пей, забудем наши беды, ислам доконал нас.

– В Баку состоялся съезд мусульман Кавказа. Приняли кое-какие решения. Одобрили форму федерации... Естественно, и этот съезд не прошёл без скандалов. Одной участнице съезда, пришедшей без чадры, угрожали пистолетом. Ещё один позор!.. И насильственное снятие туфель на каблуках на улицах Баку стало происходить именно после этого события... Да, ещё, в Гяндже существовала партия «Центр обездоленных». Она объединилась с федералистской партией в Баку, в результате на арене появилась новая партия под названием «Мусават».

– Интересно, кто возглавил эту партию, – чуть подумав, сказал Рустамбек.

– По-видимому, Насиббек и Ахмед Мухтар. Как бы там ни было, мусульмане пока не подготовили лучших. Насиббека лично не знаю. Слышал, он учился в университете, но не закончил. А Ахмеда Мухтара знаю хорошо. Какое-то время работал вместе с нами. Образования никакого. Единственное достоинство – знание тюркского. Хороший оратор... Вот и всё. Назвать его человеком, достойным государственных постов, язык не повернётся. Бесконечно упрям и честолюбив. Как у нас говорится: «Здесь – я, а в Багдаде слепой халиф». Что тебе забивать мозги, «у слепого коня – слепой кузнец»... – Велибек коротко засмеялся.

Рустамбек едва встал с постели, когда появился Халил.

– Наверное, ты ещё даже не завтракал? – сказал он, здороваясь.

– Нет, только проснулся. Никак не могу отоспаться. Только сейчас понимаю, насколько устал на фронте. А в последнее время опустошён и духовно.

– Наверное, и там подобная неразбериха?

– Естественно, всё та же анархия.

– Несмотря на всю популярность Керенского, у него нет чёткой позиции. Одними прекрасными речами государством управлять невозможно.

– И аппарат разложился – верхушку сместили, а низы остались. Разве станут чиновники, присягавшие царю, подчиняться министрам – вчерашним адвокатам, журналистам, бакалейщикам?... Ты только подумай – телеграммы рассылаются почтой, письма теряются в пути, никто не собирает налогов, банки на пороге краха. День ото дня растёт спекуляция, государственные и общественные склады разворовываются, их имущество продаётся на «чёрном рынке». Дальновидные люди скупают золото и бриллианты; все в поисках вещей, имеющих твёрдую цену. Купленное сегодня через день продаётся втридорога. Цены растут, зарплата чиновников остаётся на прежнем уровне, конечно, это тоже расхолаживает.

– Рустамбек, – прервал его Халил, – в растерянности все, не только чиновники. Отчего-то в это правительство не верится. На каждом митинге толкуют об «облигациях свободы». Все сознают, что необходимо помочь правительству, пришедшему к власти благодаря свободе. Но никто не спешит с этим. Даже я, будучи старым революционером, до сих пор не подписался на эти облигации.

... Стояла прекрасная погода. По дороге они вошли в ближнее от дома кафе. Рустамбек предложил Халилу взять кофе с молоком, но тот отказался:

– Я сыт, поспеши, выйдем. Сейчас в кафе от торгашей нет проходу. А я отчего-то видеть их не могу.

– Твой отец был чиновником, – сказал Рустамбек, – наверное, всегда был в кабале у торгашей. Вот в тебе с детства и родилось чувство неприязни к ним. Объясни мне, – спросил Рустамбек, когда они выходили из кафе, – твой отец – чиновник, верный престолу, мать – дочь Мехти-хана, как же ты стал меньшевиком?

Халил начал было шутливо, но, отвечая, становился серьёзней:

– Знаешь, когда мы жили на государственном пансионе в Баку, я очень интересовался нелегальной литературой. У меня был знакомый грузин, он давал мне читать небольшие брошюры. Постепенно я ознакомился с программой меньшевиков, она пришлась мне по душе. Тот же приятель свёл меня с одним партийцем. Иногда с ним виделась. Затем мне была поручена работа с тюркской молодёжью. Я читал лекции нескольким учащимся. И с заводами у меня была кое-какая связь... Вот так!..

– Скажи мне, приятель, – смеясь, спросил Рустамбек, – ты сторонник федерации или нет?

– Мне кажется, – ответил не сразу Халил, – демократическая республика удовлетворит всех.

– Нет, – решительно отрезал Рустамбек. – В таком случае между нами пропасть. Каждая нация сама должна определять свою судьбу. Таков лозунг времени!

...Спор между друзьями продолжался, пока они не добрались до фруктового магазина Имрана. Но переубедить друг друга не смогли.

– Теперь, – сказал ожесточённо Рустамбек, завершая спор, – уже ясно, что меньшевикам не завоевать авторитета среди угнетённых народов. В этом вопросе большевики куда дальновидней...

Имран находился в подсобке, Рустамбек и Халил прошли туда.

– Ей-богу, всем известно, что я не жалую торгашей, – смеясь, сказал Халил, как только они расселись. – Но тебя, Имран, я не считаю торгашом, ты им стал, живя среди студентов, и помогаешь им всем, чем можешь...

– Ладно, к чему это предисловие? – мешая тюркские слова с русскими, прервал его Сафтар.

– Хочу перехватить у Имрана двадцать пять рублей, – признался Халил.

Имран вынул из сейфа двадцать пять рублей, отдал их Халилу. Наклонившись к Рустамбеку, прошептал:

– Кстати, где ты держишь деньги?

– Они при мне, – не задумываясь, ответил Рустамбек.

– Как, по-твоему, – вкрадчивым голосом спросил Имран, – не лучше ли пустить их в дело? Знаешь, сейчас можно хорошо подзаработать. И тебе прибыль, и мне.

Рустамбек тотчас вытащил из кармана деньги, протянул их Имрану.

– Здесь две тысячи. Слушай, – сказал он Халилу, – если тебе нужны были деньги, чего ты молчал?

– Ты же скоро уезжаешь. Кто знает, когда мы с тобой ещё встретимся. А Имран и я – здесь. Я же не впервые занимаю, все пять лет только тем и живу...

Наутро Рустамбек отправился в специализированную библиотеку Идзиковского. Она была сравнительно богаче всех государственных и городских библиотек. К тому же в ней было много революционной литературы. Именно эти книги прежде всего интересовали Рустамбека. Он хотел углубить, систематизировать свои знания, ибо его высшего образования для понимания проблем, выдвинутых революцией, явно было недостаточно.

Рустамбек взял каталог, полистав его, составил для себя небольшую программу. Включил в неё произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова, Каутского, Бебеля и Жореса. Но прежде он посчитал, что необходимо заняться историей и экономикой. Затем его интересовали произведения энциклопедистов XVIII века, в частности, позитивизм Канта. Наконец, после долгих рассуждений, выписал книгу о государственных формациях прошлого и, получив её, вышел из библиотеки.

Предвкушая минуту, когда он погрузится в чтение, Рустамбек увидел идущую навстречу со вкусом одетую женщину. Её лицо показалось ему знакомым. Глаза женщины тоже остановились на нём, она отвела взгляд, её щёки чуть покраснели, напомнив цвет увядающего мака.

Рустамбек остановился, с присущей ему искренностью окликнул её:

– Софья Сергеевна!

Женщина побледнела, потупилась, невольно пожала протянутую ей руку.

– Давно мы не виделись, – сказал Рустамбек. – А где ваш супруг?

– На фронте, – коротко ответила она.

– Куда вы идёте? – спросил Рустамбек, желая вывести её из этого состояния.

– Я немного провожу вас.

Несколько секунд она продолжала стоять в растерянности, явно не рада была этому предложению. Какое-то время они шли молча, затем Рустамбек спросил:

– Вы живёте там, где прежде?

Софья не стала отвечать. Недовольство, скользившее в её глазах, свело на нет решимость Рустамбека. Пройдя ещё несколько шагов, женщина остановилась и, вновь потупив взгляд, протянула руку.

– Мне надо в аптеку, – сказала Софья и тотчас отошла.

В полной растерянности Рустамбек смотрел ей вслед. Невольно пригладил усы, ощутил на пальцах запах её духов. Тот подъём духа, что он ощущал после библиотеки, сменился в его душе горечью.

Вот уже некоторое время все мысли Рустамбека занимала Софья. Удивительная метаморфоза, происшедшая с той самой женщиной, что когда-то, прижавшись к окну, глядела вслед ему печальными и влажными от слёз глазами, потрясла и ввергла его в безысходность. Желая забыться, он погрузился в книги, искал, надеясь найти в истории и философии душевное равновесие, но ничего не мог с собой поделать.

Он брался за газеты, отыгравшие свою роль прежде властные командующие, министры казались ему манекенами. Демонстрации, митинги на улицах, речи, лозунги – всё это проходило мимо, не оставляя даже поверхностного следа в его сознании. И сам город уже казался ему не местом отдыха и оазисом в мире войны, а темницей. В один из таких дней, переживая внутренний кризис, он решил найти Халила. Халил, как человек, не ведающий обходных путей, чуждый необходимости прибегать ко лжи, мог понять его. Несмотря на различия в убеждениях, их объединяла искренняя дружба.

Прочтя смятение на лице Рустамбека, Халил улыбнулся:

– Снова с тобой что-то происходит – любовь или духовный кризис?..

– Халил, есть нечто, что нарушает моё внутреннее равновесие. Любовь? Не знаю. Если верить определениям поэтов и психологов – это любовь. Но, честно, моё сознание не верит в силу, именуемую любовью... Ради Бога, скажи, существует ли любовь? Ты испытал её?

Халил спокойно улыбнулся, подумал, ответил не сразу:

– Рустамбек, мне ни разу в жизни не довелось испытать любви. Я не ощущаю нужды в лирическом предисловии ради удовлетворения естественной страсти. Вот так-то. У тебя иное – ты стараешься подавить в себе похоть, но от этого сопротивления твоя страсть вскипает, обретает болезненный характер.

После этих слов Халил скинул с себя серьёзность и, засмеявшись, добавил:

– То, что ты называешь душевным кризисом, – просто желание женщины. Найди себе женщину, стань нормальным человеком. Вот и всё! Иначе совсем свихнешься.

...Понимая разумность слов Халила, Рустамбек молчал, но иная, внутренняя сила яростно сопротивлялась, отрицала это разумное. Он долго размышлял над определением этой силы, «неумелость», – подумалось ему.

– Понимаю, сознаю, что ты прав, но для всего этого нужно... время и умение. А их у меня нет. По своей природе я не могу раздваиваться, могу преследовать лишь одну цель.словно внутри меня сидит солдат, только прикажет: «Марш! Вперёд!» – я и бегу. Направление неизменно! – засмеялся Рустамбек.

– Хотя бы раз следует атаковать женский фронт, – смеясь, ответил Халил и, поменяв тему, спросил: – ...После приезда ты бывал у Гуламрзы?

– Так в день собрания мы были у него.

– Это не в счёт! – прервал его Халил. – Он женился, стал семьянином, остепенился. Твой долг нанести ему визит.

– Ладно, – согласился Рустамбек.

– Погуляем часок-другой, потом отправимся к нему...

Они направились к Владимирской горке. Пройдя через монастырские ворота, присели на скамейку в аллее, возвышающейся над Днепром. Река разлилась, потопив слободу на противоположном берегу. Царский сад справа утопал в цветах, аромат тронутых лёгким ветерком кустов сирени плыл в воздухе. Справа сияли золотые купола церквей. Эта прекрасная картина отчего-то навевала на Рустамбека грусть. Глядя с мягкой улыбкой на опечаленное лицо друга, Халил спросил:

– О чём ты снова задумался?

Не сразу оторвавшись от раздумий, Рустамбек тяжело вздохнул:

– Мне кажется, что пульс жизни всё время бьётся в стороне от меня. Я лишь ощущаю его биение. – Он выпрямился и, энергично жестикулируя, продолжал: – Когда жизнь бурлит, это должно отзываться в душе каждой личности. Вот этих отзвуков я не ощущаю. Я стою в стороне от жизненных интересов, исполняя лишь роль безучастного свидетеля...

– Я не воспринимаю твоей философии, – прервал его Халил. И добавил ещё резче: – Отчего ты стоишь в стороне от жизни? Ты образован, молод, красив, прилично зарабатываешь. У тебя все возможности находиться в водовороте жизни. Но отчего-то ты пассивен, только и делаешь, что резонерствуешь... Дорогой мой, у любого существа, будь то человек или животное, есть некий внутренний зов. Позвал, следует брать под козырёк. Ты забываешь об этом. Ты не вслушиваешься в биение реальной жизни, питаешься лишь книжной премудростью.

... Гуламрза приветливо встретил Халила и Рустамбека, пригласил их в комнату. Навстречу им, несмело улыбаясь, поднялась, приветствуя, невысокая, худощавая женщина.

– Рустамбек, Халил с ней знаком. А ты её ещё не видел. Это – Саяд, – сказал Гуламрза, представляя супругу.

– Гуламрза, – сказал Рустамбек, – тебе, верно, присылают кавказские газеты?

– Приходит только «Каспий». А для Саяд я поручил присылать «Открытое слово», ведь она читает только по-тюркски. – Гуламрза улыбнулся и, снисходительно глянув на жену, добавил: – Сейчас понемногу начинает приобщаться к русскому.

– Саяд-ханым, – обратился к ней Халил, – вы уже понимаете, когда говорят по-русски?

– Кое-что понимаю, – ответила она, опустив голову, – но свободно говорить ещё не могу. – Её лицо опечалилось, она добавила: – Таковы мусульмане, девушек не обучают, делают несчастными. Даже читать на родном языке меня научил Гуламрза. Знали бы вы, как я волновалась вначале.

– Не печальтесь, Саяд-ханым, – утешил её Халил. – Вы ещё очень молоды.

– Но почему именно наш народ должен плестись в хвосте? – спросила она, по-прежнему не поднимая головы.

Рустамбек стал в популярной форме разъяснять Саяд теорию Дрейпера¹:

– Саяд-ханым, подобное переживаем не только мы, но и другие народы. Каждая нация напоминает отдельную личность, индивидуум. Она рождается, переживает юность и зрелость. Затем стареет и исчезает. – Рустамбек рассказал о расцвете греческой, римской, арабской цивилизаций, о последующем их упадке и разрушении. – Сейчас наша нация, – продолжил он, – переживает период младенчества; но уже заметны элементы роста, созревания, и, несомненно, её ждёт блестящее будущее.

Всё это говорилось Рустамбеком с целью просветить Саяд, но разговор заинтересовал и остальных. Халил, возражая против теории Дрейпера, остановился на учении Маркса, стараясь объяснить гибель, исчезновение древних цивилизаций экономическими условиями. Рустамбек подошёл к висящей на стене карте. Саяд ещё не разбиралась в географии, собрав всё своё внимание, она глядела на карту, боясь пропустить даже слово из того, что скажет Рустамбек.

– Смотрите, – произнёс Рустамбек, указывая на страны, бывшие в своё время колыбелью цивилизации. – В таком забытом Богом краю, как Македония, родился Александр Великий. Он завоевал полмира, вписал имя своего народа в историю. Из пустынь Аравии явился Магомед, выдвинув ряд демократических идей, сумел подчинить себе многие страны и народы... Александры, Магомеды, Атиллы, Тимуры – это силы, аккумулировавшие в себе юношескую энергию наций.

– Рустамбек, – спросил внимательно слушавший его Гуламрза, – эти исторические личности двигают вперёд свой народ, или сам народ выдвигает их?

– Личность – член коллектива, – уверенно ответил Рустамбек, – она несёт в себе характерные особенности коллектива, как плод конкретного дерева. Историческая личность рождается из духа нации, а она, в свою очередь, возвышает, демонстрирует его всему свету. Историческая личность – суть проявление нации. Если за душой народа ничего нет, то и проявлений её не может быть!

Слушая его, Халил покачивал головой; как только Рустамбек закончил говорить, взорвался:

– Значит, по-твоему, один народ талантлив, а другой бездарен?

– Несомненно! – с глубокой убеждённостью вскинулся Рустамбек.

– Эта мысль абсолютно порочна, – снова резко оборвал его Халил. – Все народы одинаково талантливы. Другое дело – условия: те народы, у которых экономические, общественные и исторические условия более благоприятны, предпочтительны, играют в истории большую роль.

Рустамбек возразил Халилу, привёл в качестве примера различный культурный уровень живущих на Кавказе народов...

Спор затягивался, ожесточался, наконец, Гуламрза, желая положить ему конец, переменял тему разговора.

¹Джон Уильям Дрейпер – американский философ, врач, химик, историк, фотограф, автор труда «История умственного развития Европы».

Рустамбек задержался в Киеве сверх отпуска ещё месяц. Всё это время он провёл за книгами и газетами.

Правительство Керенского продолжало демонстрировать полную управленческую беспомощность; анархия и хаос захлестывали бескрайние просторы России. Фронт постепенно распался, патриотические речи и призывы уже ни на кого не действовали. Введение карточек на хлеб, муку, сахар не предотвратило продовольственного кризиса, перед магазинами, лавками выстраивались длинные очереди. Невиданных размеров достигла спекуляция. Всё покупалось и продавалось; с аукциона шли честь и слава страны. Одни задыхались в нищете, другие сорили деньгами в беспробудных оргиях. Килограмм сахара в качестве подарка мог осчастливить любую барышню. Продовольствия и товаров было много, но спекулянты, не желая продавать по себестоимости, придерживали их до времени на тайных складах.

Правительство Керенского, придерживаясь платформы централизованного управления, продолжало относиться враждебно ко всем национальным и территориальным движениям. Несмотря на все увещания и призывы к народу Украины, решительно идущему по пути федеративного устройства – «Не разваливайте единую армию, не отрывайтесь от единой матери-Родины до создания Учредительного собрания!» – Украинская рада и Генеральный секретариат вели дело к созданию национального украинского государства. Той же линии придерживались и крымские татары, созвав съезд, отзывали в Крым солдат-татар, своих соплеменников.

Неопределённым было положение на Кавказе, населяющие его народы ещё не придерживались единой политической платформы: грузины, казалось, тяготели к меньшевикам, армяне – к дашнакам.

Сложным было положение тюрок: только что созданный «Мусават» не имел глубоких корней в народе. Правая и левая по убеждениям интеллигенция была занята борьбой за власть. Но в целом она была мало подготовлена, малочисленна, к тому же не имела твёрдых убеждений. Влиятельные миллионеры и в целом богатые слои являлись сторонниками царизма. Понемногу набирал силу «Гуммет», объединяющий вокруг себя трудящихся и часть интеллигенции. Ширилось рабочее движение, промышленные предприятия были охвачены стачками и забастовками. Непокойно было и в деревнях: бунты, разрушения бекских усадеб стали обыденным явлением. Не стояло в стороне и духовенство, желая урвать свою долю у революции, оно создавало религиозные образования: в Гяндже появилась «Партия Мохаммедия», в Шуше – «Конституция», в Баку – «Явление Мехти»...

То, что во времена царизма азербайджанцев в солдаты не брали, ставило носителей национальных идей в безвыходное положение. Нынче почти каждый народ формировал свои воинские подразделения, только Азербайджан не мог воспользоваться возникшей возможностью. С началом войны по инициативе беков были созданы добровольческие части и направлены на германский фронт. Эти части, известные как «Дикая дивизия», являлись предметом особой заботы националистов. Они связывали с ними большие надежды, называли их опорой «в час испытания».

Двухмесячные занятия Рустамбека, изучение программ различных политических течений и партий не помогли ему определиться: решить, с кем идти, к какой партии примкнуть. Занимавшая его прежде идея туранизма – объединения всех тюркоязычных народов – потеряла привлекательность, он засомневался в её верности, а главное, в том, что её можно реально претворить в жизнь. У него не было ясного

представления, каким он хотел бы видеть будущее Азербайджана. Был он и ярким противником присоединения к Турции, зажатой в тисках нищеты, постоянно втянутой в войны, не обладающей высокой культурой и техникой. При всех своих сомнениях Рустамбек был стоек в своём предпочтении идее федерализации. Но ему трудно было представить, приход какой партии к власти мог обеспечить создание в России федеративного государства.

Джаббар был человеком, что держался особняком от студенческих организаций. Мало кому было известно, как он жил. Не только киевская, но и прошлая его жизнь была окутана туманом. Родился в одном из уездных городов, в семь или восемь лет, покинув родительский дом, перебрался в Баку. Где и как окончил среднюю школу, тоже было неизвестно. Жизнь его явно не баловала, и это сказалось на его характере, он постоянно был раздражён, груб, корыстолюбив, в пылу гнева, возбуждения мог совершить такое, отчего после страдал, мучился, но через какое-то время поступал точно так же. Вся его жизнь состояла из подобных взлетов и падений. Никто его не любил, у него не было истинных друзей, приятелей. Он постоянно скандалил с хозяевами домов, где квартировался, был груб с горничными.

В полной горестных приключений жизни Джаббара сверкнула и погасла случайная любовь. Девушка, с которой он познакомился и пригласил домой, была, как и он сам, приземиста, неказиста, неряшливо одета. В тот день, в удивительно уравновешенном состоянии, он пересказал девушке всю свою биографию, сказал: «Ради начала новой и счастливой жизни я протягиваю тебе руку, прошу твоей любви». Признание Джаббара показалось девушке столь искренним, что она тотчас ответила согласием и уже через несколько минут прижималась мокрой от слёз щекой к чёрным губам Джаббара. Но уже наутро, после опалённой безумной страстью ночи, эти же чёрные губы выплеснули на девушку брань и оскорбления. Через неделю они разошлись. Как результат этой нежданно сверкнувшей и скоротечно угасшей любви, у Джаббара родился сын, который теперь жил в селе с матерью. Джаббар ни разу не видел своего сына, но носил его фото во внутреннем кармане тужурки и в минуты слабости, удостоверившись, что губы ребёнка схожи с его собственными, ощущал к нему отцовское чувство.

Получив телефонограмму, Рустамбек отправился в Киевское главное управление.

– Со времени окончания вашего отпуска прошёл целый месяц, – сказал управляющий. – Или возвращайтесь в отделение, или же сдайте дела.

Нисколько не возражая, Рустамбек сказал:

– Я был нездоров, на днях выеду туда и сдам дела, кому вы предложите.

Вопрос был улажен, и Рустамбек направился домой.

Перед зданием оперного театра, на углу Большой Владимирской, собралась большая толпа. Толкая и мешая друг другу, люди пытались заглянуть в окно ресторана. Рустамбек подошёл ближе, понял, что народ собрался здесь, прослышав о приезде на совещание по украинскому вопросу Керенского, Церетели и Терещенко. Тем временем из-за стола поднялся чисто выбритый широколобый человек во френче цвета хаки, с расстроенным выражением на лице подошёл к окну.

Толпа сразу же подалась вперёд, раздались крики:

– Да здравствует Керенский! Да здравствует Временное правительство!

Было время, Рустамбек тоже поклонялся этому человеку, прозванному пылыми поклонниками «певцом независимости». Но сейчас этот сторонник централизованной власти, не отстающий во внешней политике от политики царизма, противник любых национальных движений, не мог вызывать симпатии у Рустамбека. Звезда Керенского закатывалась, его популярность уже ограничивалась небольшой прослойкой стойких приверженцев.

Рустамбек решил было спуститься на Крещатик, к магазину «Кавказ», чтобы попрощаться с Имраном, как вдруг столкнулся с ним лицом к лицу.

– Завтра возвращаюсь на фронт, могу быть чем-то тебе полезен?

– Завтра ты никуда не поедешь, – искренне воспротивился Имран. – Завтра обедаем у меня, уедешь на следующий день...

Рустамбек задумался в нерешительности.

– Не о чём даже думать, – сказал Имран. – Ради меня поедешь днём позже.

Рустамбек согласился.

На следующий день Рустамбек, Халил и Сафтар собрались у Имрана. На столе, накрытом белоснежной скатертью, были расставлены бутылки с водкой, коньяком, винами, закуски. На комодке справа стояли вазы с фруктами.

Обед начался, были произнесены первые тосты, когда отворилась дверь, и на пороге показалось раздражённое лицо Джаббара. Его появление всех удивило: он не был приглашён. Сафтар, смеясь, наклонился, прошептал Рустамбеку: «Сукин сын, как он быстро чует запах застолья». Затем, продолжая в той же манере, сказал:

– О, «брат», здравствуй! Проходи!

Джаббар огрызнулся, сел в кресло поодаль.

Имран поднялся, поволок его вместе с креслом к столу.

– У меня предложение, – сказал серьёзно Халил. – Наполните бокалы, выпьем за Джаббара... Сегодня, – продолжил Халил, – мы рассказывали о чувстве неразделённой любви и стало ясно: люди мы не очень удачливые. Особенно огорчает то, что Рустамбек в этом деле плетётся позади всех. К счастью, наличие среди нас таких орлов, как Джаббар, в корне меняет ситуацию. Эта хищная птица охотится нечасто, зато, если возьмётся за дело, бьёт куропатку точно в глаз...

– Да он и в цыплёнка не попадёт...

– Видели мы его жену – похожа на оципанную ворону...

– Друзья, прошу, не мешайте мне, – продолжал Халил. – Я закончу, потом скажете вы... Джаббар – орёл. Джаббар женился, доказал, что он – мужчина. И сына приобрёл – богатыря.

– Сын не от него!

– Знать бы, от какого он привратника.

Эти реплики, звучащие со всех сторон, прервали слова Халила.

Джаббар, конечно же, злился, но злость свою обрушивал на закуски в тарелках. Он ел, шумно чавкая, словно выпущенный на пастбище буйвол.

Наконец, после долгих подначек, юноши взяли за бокалы, произнесли тосты за каждого из присутствующих. Особенно искренние и тёплые слова были произнесены в честь уезжающего Рустамбека...

...Упаковывая чемодан, Рустамбек услышал стук в дверь. Прошёл, открыл её. На пороге стоял Джаббар. Со вчерашнего дня он, казалось, ещё более побледнел, осунулся.

– Разреши войти, – сказал он Рустамбеку по-русски.

– Проходи.

Джаббар с виноватым видом вошёл в комнату и, увидев разбросанные по комнате вещи, сказал, не садясь:

– Кажется, уезжаешь?

– Через два часа, – ответил Рустамбек, подвигая ему стул.

– В каком городе ты сейчас служишь?

– В Бучаче.

– Этот город, кажется, в Австрии?

– Да... Извини, заброшу вещи в чемодан, поговорим.

Рустамбек, запихнув остальные вещи в чемодан и саквояж, ещё раз окинул взглядом комнату и, убедившись, что ничто не забыто, глянул на часы, сел.

– Знаешь, – уважительно начал Джаббар, – я пришёл к тебе неспроста. Вчера в твоём присутствии произошел нехороший инцидент. Нервы мои расстроены, а наши ребята, ты мог сам убедиться, особым воспитанием не отличаются. Знаешь, какое душевное потрясение я пережил вчера. До утра не смог заснуть... – Джаббар не мог продолжать, его глаза увлажнились, по щеке скатилась слеза. Джаббар вытащил грязный платок, вытер глаза, затем вынул из-за пазухи потрёпанную тетрадку, протянул Рустамбеку заложенную в неё фотографию.

– Вот, – сказал он, – погляди, это мой сын. – При этих словах на лице Джаббара мелькнула улыбка и тут же погасла, сменившись страданием. – Погляди, разве его губы – не точная копия моих? К чему выдумывать?

Глаза Джаббара вновь наполнились слезами. Помолчав несколько минут, он произнёс жалобным голосом:

– Год назад я вдруг увидел в газете «Каспий» объявление: «Скоропостижно скончался один из киевских студентов – Джаббар Салах оглу». Какой-то негодяй послал в газету это извещение... Ну что можно сказать по поводу этой дикости, разве можно ожидать от этого стада служения родине, нации... – Джаббар прервал фразу на полуслове, поднялся. – Прости, – сказал он, – побеспокоил тебя. Я пришёл, чтобы рассказать тебе всё, что накопилось в сердце... Эта среда порой очень тяготит меня...

Рустамбек, как мог, успокоил Джаббара, посоветовал не обращать особого внимания на то, что говорят, а Джаббар, ещё раз попросив прощения, покинул комнату.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Поезд, направляющийся в Тернополь, был охвачен политическими спорами. Во всех вагонах, начиная с первого и кончая третьим классом, пассажиры, разделившись на группы, ожесточённо спорили и рассуждали о текущих событиях. Речи Ленина, статьи в «Правде», большевистская агитация больше всего будоражили умы. Искусственно раздуваемое в начале войны чувство патриотизма угасло, сошло на нет. Несмотря на настойчивые призывы буржуазных газет, приказал долго жить и лозунг «Война до победного конца!» Без энтузиазма был воспринят большинством населения и приказ Керенского о переходе на фронте в наступление. Мечта о мире, спокойной жизни правила буквально всеми.

Только для людей, не принявших революцию, понятие «родина» имело хотя бы какой-то смысл. Не так громогласно, как прежде, но они требовали продолжения войны, верности союзническим договорам.

Пораженчески была настроена и часть командного состава: она не верила в способность армии вести в дальнейшем войну.

Сидевший рядом с Рустамбеком в купе вагона первого класса генерал говорил:

– Керенский полностью копировал французскую революцию. Но тогда происходящие в Париже события не мешали победам армии. Возможно ли это у нас? Не только центр, взбудоражена вся Россия. Солдаты, уже который год кормящие вшей в окопах, мечтают вернуться в тыл, домой, к своим семьям. В нас ещё не развито чувство патриотизма. Наш культурный уровень равен нулю. Всю Россию охватил продовольственный кризис. А Керенский, не видя этого, в своей слепоте пытается, размахивая красным платком, пробудить в солдатах революционные чувства. Этот человек словно играет роль диктатора на сцене, у него абсолютно отсутствует хоть какая-то связь с реальной жизнью. Государственные дела превращены в акробатику.

Сидящий напротив священник, трясая длинной бородой, говорил в подтверждение слов собеседника:

– Эх, погубили евреи священную Русь. Престол низвергнут, церковь посрамлена, нравственность разложена...

Третий спутник – сотрудник земства с университетским значком на груди, смеясь, прервал священника:

– Святой отец, ваш пессимизм, на мой взгляд, неуместен: без революции не создается новое. Революция была неизбежна. Излишне ожидать, что естественное обрушение в одночасье приведёт к порядку... Революция на Западе длилась годами. И у нас, несомненно, она будет продолжаться долго.

– Ну, утешили! – махнул рукой священник. – Да разве мы готовы к революции? Разве сравнить русского мужика с французским крестьянином? Мы держали его в узде благодаря авторитету религии и престола. Сегодня, когда обе эти силы повержены, чем можно одолеть мужицкую дикость?

– Святой отец, – улыбаясь, сказал земский чиновник, – разве возможно одолеть мужика, не пробудив его сознания, не подготовив, не подняв его культуру?

Генерал окинул сотрудника земства суровым взглядом и, явно не желая дискутировать с ним, обратился к священнику.

– Вот-вот, – сказал он, саркастически улыбаясь, – свобода пробудила в мужике сознание; всюду восстания, бунты, в результате мы отдаём родную землю врагам. Оставьте в стороне другое, поглядите на станции, мимо которых проезжаем, увидите, какие совершаются безобразия: повсюду мужики грабят и разрушают поместья!...

... Рустамбеку не хотелось вступать с ними в спор – эти люди казались ему предельно чуждыми. Политические дискуссии, что велись повсюду, утомляли его. Он встал, вышел в коридор. В соседнем купе некий украинец запальчиво спорил со своими попутчиками – русскими. Один из них говорил:

– «Украиной» называют территорию на окраине государства. Нам не известно государство с таким названием. И ещё: как можно называть «нацией» людскую массу, не имеющую национального языка, культуры, достоинства?

– Когда Украина существовала, Москва ещё не сформировалась, как государство, – гневно парировал украинец. – Что касается культуры, не вы, а мы были вашими учителями. Вы, великоросы, привыкли всё отрицать. Обвиняя другие нации,

вы стремитесь оправдать свои преступные действия... Оказывается, у нас нет и собственного языка! А на каком языке писал поэму «Кобзарь» Шевченко? Нет, сударь, это жульничество не может больше продолжаться, народы должны сами определять свою судьбу.

Рустамбек прошёлся по вагонам, всюду говорили об одном и том же: о приезде Керенского в Киев, о демонстрации в столице рабочих, требующих передачи власти в руки Советов, о национальном самоопределении, о войне и мире.

Лозунги, провозглашённые большевиками, завоевывали симпатии всё большего количества людей.

По возвращении в отделение Рустамбека ожидали перемены: сотрудники уже избрали Ваню начальником. Это нисколько не огорчило Рустамбека, он тепло встретился с Ваней и сразу же предупредил: «Я погощу у вас с неделю, затем вернусь в Киев».

Однажды Ваня попытался вовлечь в долгий разговор Рустамбека, стал, разъясняя политическую программу большевиков, уговаривать его вступить в их партию.

– Рустамбек, – доброжелательно говорил Ваня, – я знаю, вы не монархист, более того, враг царизма, искренне желаете независимости, вам не по душе тактика кадетов, вас удручает, что они зарятся на Стамбул... Значит, у вас дорога одна – с социалистами... А разве есть истинные социалисты, кроме большевиков?

– Всё это верно, – отвечал, улыбаясь, Рустамбек, – однако, принадлежа к угнетённой нации, я не вижу иного пути, кроме федерации. Если большевики признают федерацию, будь уверен, рано или поздно я буду идти с ними рука об руку.

– Фронт прорван!

– Немцы идут!

– Вражескую конницу видели в соседнем селе!

– Нам конец!.. – слышалось отовсюду.

Паника объяла всех. Рустамбек вышел на улицу. Дойдя до конца улицы, по которой бежали в разные стороны бледные от страха жители, Рустамбек выбрался к шоссе, перерезающему город ...

То, что он увидел, не поддавалось описанию: автомобили, простые повозки, броневики, орудия, всадники, вооружённые и безоружные, принадлежащие к различным полкам солдаты, коровы, кони... – всё смешалось в единую массу. От криков и грохота закладывало уши. Толкаясь, давя друг друга, люди пытались пробиться в тыл. Автомобили, задевая повозки, опрокидывали их, какие-то военные пытались втиснуться в земский обоз. ... Порой происходили дикие сцены, тут и там вспыхивали драки, рассекались головы. Сильные брали верх, оставляя позади себя слабых. Шоссе напоминало разлившуюся реку... По дороге на каждом шагу его останавливали сотрудники земства. «Кто-нибудь думает о нашей судьбе?» – спрашивали они. Женщины плакали. Как мог успокоив их, Рустамбек направился в Главное управление. Тут же было созвано чрезвычайное заседание Комитета общественных организаций. Члены комитета собрались через пять минут. Говорили мало, ситуация была ясна: следовало решить, как лучше организовать эвакуацию Бучачи.

– Товарищи, – сказал, попросив слова, Рустамбек, – чтобы защитить общественные организации и жизнь их сотрудников, мы должны предоставить кому-то одному чрезвычайные полномочия, и всем подчиняться его приказам.

Все поддержали это предложение.

Рустамбек, не теряя ни минуты, сев в лёгкую пролётку, отправился в штаб. С военной точки зрения, земские организации были подчинены главному инженеру управления. Рустамбек знал его близко, но сейчас тот совсем не напоминал прежнего человека – был бледен, явно в растерянности. Он даже не ответил на приветствие Рустамбека.

– Мы не можем ясно представить реальное положение, – сказал Рустамбек. – Если вы советуете, мы покинем город.

Инженер застывшим взглядом глядел на него, словно ничего не слыша, Рустамбек ещё раз повторил свой вопрос. Через несколько секунд бледные губы инженера шевельнулись, и он с усилием выговорил:

– Телефон оборван, связи нет. Не знаем, где прорван фронт... Хотите, отходите... эвакуируйтесь! – добавил он еле слышно, ушёл, не подав на прощание Рустамбеку руки.

Рустамбек направил пролётку в своё бывшее учреждение, разыскал Ваню.

– Ваня, – сказал он, – через час будь готов. Вызови со складов лезгин. Прихвати все повозки, лошадей, что попадут в руки. Возьми припасов дней на пятнадцать. Будь наготове, я скоро вернусь.

Рустамбек подъехал и к земской больнице. Больные были в тревоге.

– Завтра до рассвета я вывезу вас из города, – коротко обратившись к ним, сказал Рустамбек. – Будьте в этом уверены!

Решительные и искренние слова Рустамбека одарили всех надеждой. На той же улице, где была больница, он заметил конюшню. Остановив пролётку, вошёл внутрь. В яслях стояло с десяток коней, во дворе – несколько повозок и фаэтоны. Не спрашивая, кому принадлежат повозки и фаэтоны, Рустамбек приказал запрячь их.

Через несколько минут к зданию отделения подъехал целый обоз во главе с пролёткой Рустамбека.

Ваня мобилизовал всех людей для выполнения поручений Рустамбека. Принимая во внимание, что земский караван, особенно слабые повозки, не выдержат огромного потока на шоссе, решили отступать не на восток, а на юг – в сторону Каменец-Подольска. Предполагая, что фронт прорван в районе Тернополя, сочли, что южное направление будет более безопасным.

При всей неразберихе эта дорога не привлекала внимания массы беженцев, позволяла не особенно спешить, имело значение и то, что если повозки станут ломаться, их можно будет отремонтировать на месте.

Отделения, собравшись, стали загружать повозки. Отправили в больницу и в учреждения транспорт. Был собран небольшой вооруженный конный отряд во главе с лезгинами.

Рустамбек, не раздеваясь, прилёг на походную койку, но до рассвета уснуть не смог. Была дивная летняя ночь, воздух был тих и прохладен. Только гул людского потока на шоссе разрывал гулкую тишину.

Перестрелки ещё не было слышно. Только на северо-западе в небе часто краснели и гасли сполохи.

В четыре часа утра Рустамбек, Ваня и другие сотрудники прошли в столовую, там они встретили двух девушек с красными крестами на головных платках, которые сообщили, что вернулись с полпути ночью. Познакомились. Одна из них была высокая, смуглая, чернобровая шатенка, вторая – среднего роста полноватая блондинка, звали её Олеся. Из разговора девушек стало известно, что высокую зовут Муся. От чего-то это имя очень понравилось Рустамбеку.

Наташа внесла завтрак. Все ели с аппетитом, только девушки заметно смущались. Рустамбек сделал бутерброды с маслом, протянул их девушкам, но было видно, что он оказывает особое внимание Мусе.

Это не осталось незамеченным, лицо её засияло, заулыбались глаза, но вскоре их затуманила печаль. Рустамбек исподлобья глядел на неё, она не могла есть, вздрагивала от каждого звука и голоса, глаза её наливались слезами.

Позавтракав, Рустамбек быстро спустился по лестнице, сел в свою пролётку. Объехал выстроенные вдоль улицы выделенные для людей гружёные подводы. Проверил раненых и больных. Все были полны радостной надежды. Пересадил в полупустые подводы тех, кто был в тесноте, проехал в конец каравана. Всадники стояли ближе к шоссе.

– Магомед, – обратился он к одному из лезгинов, – если вы на несколько минут остановите поток слева, мы получим возможность выехать на дорогу.

– Слушаюсь, ваше благородие.

Все работники уже стояли у ворот, начальники отделений также были готовы. Зина, как всегда, была весела. Эти опасности она воспринимала как интересное приключение. Она часто тянула Ваню за руку, рассказывая что-то смешное. Слезы на щеках Муси, отражая алеющий рассвет, придавали её лицу особую нежность. Рустамбек подошёл к ней:

– Отчего вы озабочены? Все слухи ложны, немецкая конница, по всему, ещё далеко. Будь они ближе, уже вчера были бы здесь. Не бойтесь, я вывезу вас целыми и здоровыми на территорию России.

Муся благодарно кивнула. Рустамбек, взяв её под руку, посадил в пролётку. Усевшись рядом с ней, крикнул:

– Ваня, устрой женщин в своём бреке, время!

Пролётка Рустамбека и брек проехали вперёд.

Был отдан приказ трогаться. Всадники, разрезая толпу, выехали на середину дороги. Криками, угрозами, руганью им удалось остановить одну из колонн беженцев. Более ста подвод земства организовано и стремительно, следуя за Рустамбеком, влились в общий поток.

...Через три-четыре версты они должны были съехать с шоссе, повернуть направо. Город кончался, начинались сёла. По обе стороны шоссе блиндажи и ямы были полны останков лошадей и сломанных повозок. Рустамбек подозревал Магомеда, приказал освободить дорогу для прохода обоза. Снова руганью, напором, нагайками шаг за шагом всадники проложили коридор во всеобщем потоке, и каравану удалось перейти на правую сторону дороги. На выходе к южному направлению они выбрались из общего потока. Эта дорога была совершенно пуста, так как большая часть беженцев предпочла восточное направление – как наиболее близкий, ведущий в Россию, путь.

Выехав на простор, Рустамбек чуть притормозил пролётку, тёпло улыбнувшись Мусе, сказал:

– Муся, – трудности позади, теперь никакой опасности. Дорога прекрасна, найдём какой-нибудь живописный уголок, разобьём лагерь, сделаем привал.

Муся, явно довольная вниманием Рустамбека, улыбнулась, на щеках ее появились нежные ямочки.

...Солнце поднялось, наступила жара. Караван двигался медленно. Борис и Ваня ехали рядом с пролёткой Рустамбека.

– Мы перегрузили товары с поломанной телеги на другие, но они тоже могут сломаться, – сказал Рустамбек. – Следует отремонтировать сломанную телегу. А одну из телег необходимо освободить, привезти и загрузить оставшиеся на складах сахар и муку. Зачем пропадать добру.

За этими разговорами показалось ближнее село. В нём оставался лишь один дом с садом. Все остальные строения были разрушены. В доме проживала польская семья – престарелый мужчина и две пожилые женщины. Они занимали лишь одну комнату, остальные помещения служили постоем для проходящих мимо военных. Когда-то этот прекрасный дом был значительно разрушен, о каком-то ремонте в нынешней ситуации даже речь идти не могла. Сад тоже не был ухожен.

Караван остановился непосредственно перед домом. К хозяину дома отправили Бориса. Немного погодя он вышел из дома, вслед за Борисом из дома вышел сам хозяин. Редкие волосы на его голове были аккуратно зачёсаны, кончики седых усов подкручены вверх, был он чисто выбрит. Уважительно поприветствовав гостей, он сказал с польским акцентом:

– Добро пожаловать, господа!

Одна комната была отведена женщинам, две другие – мужчинам. Туда же занесли походные койки и постельные принадлежности.

...Вечером были отправлены две телеги за сахаром, маслом и мукой. Рано утром они вернулись гружёными.

Тепло простились с хозяевами и, чтобы оставить о себе добрую память, дали им продуктов примерно на два месяца.

До Язлавца дорога была знакома. Но дальше всё вызывало интерес сотрудников. Привлекали прекрасное шоссе, благоустроенные посёлки. И всюду русские крестьяне виделись забитыми, невежественными.

Через несколько дней пути караван, не доезжая до Каменец-Подольска, повернув на восток, перешёл старую русскую границу. Прекрасное австрийское шоссе сменилось покрытой щебнем и галькой просёлочной русской дорогой.

Поздно вечером они добрались до одного из сёл, остановились в доме священника. Тот встретил своих сограждан особо уважительно, даже раздал всем сотрудникам белый хлеб и молоко. В селе газет не получали, поэтому истинное положение прояснить было невозможно. Где атакуют немцы, сколько людей попало в плен, как скажется в тылу это поражение – все задавались подобными вопросами, но ответа найти не могли. Поэтому было решено направиться в ближайший город, где можно было разузнать хотя бы что-то. Но до города Проскурово, куда они направлялись, на карте городов не было, все дороги шли только мимо сёл.

На второй день они стали лагерем в замке польского аристократа. В своё время он переехал в столицу, оставив дом на попечение смотрительницы.

Женщина встретила земский караван враждебно, но, несмотря на это, сотрудники расположились в одном из крыльев огромного двухэтажного замка, обставленного дорогой мебелью, имеющего даже собственный музей. В замке имелись большая парадная зала, биллиардная, богатая библиотека, во дворе – оранжерея. Вокруг замка был разбит аккуратный сад.

Село, в котором высился замок, было большим и состояло от начала и до конца из однообразных изб. Едва въехав в село и увидев окружающие замок бедняцкие избы, Ваня взорвался:

– Вы только поглядите, как жировали эти паразиты за счёт того, что зарабатывали эти бедняки. – Затем голосом, дрожащим от ненависти, добавил: – Всё это мы разрушим и уничтожим вместе с его обитателями!

Когда Олеся узнала, что замок принадлежит поляку, в ней разыгралось чувство национальной вражды.

– Разве может украинский народ быть равнодушным к подобной эксплуатации? – выдохнула она.

Несмотря на протесты смотрительницы, в одном из уголков двора был разведён костёр, готовилась еда из только что зарезанного барана. Дым охватил весь двор.

Чуть в стороне, в палисаднике, вокруг статуи Венеры сотрудники уже приступили к застолью. Прямо на земле были расставлены различные закуски и водка из разбавленного спирта. На головы женщин возложили венки из цветов. Ваня сплёл венок из роз, Рустамбек – из фиалок, Борис – из жёлтых цветов. Алые розы означали любовь или революцию, фиалки – красоту, жёлтые – неверность. Женщины были весьма довольны своими венками. Рустамбек предложил наполнить бокалы.

– Товарищи, – начал он, – сегодня мы гости богини любви Венеры. Ясная ночь, замечательный воздух, вокруг цветы, в груди у каждого из нас бьются юные сердца... разве во всем этом нет великой тайны, глубокого смысла? Поглядите на нежную улыбку на губах Венеры. Разве эта улыбка – не свидетельство того, что богиня любви довольна нами? Чтобы ещё больше порадовать богиню, я предлагаю выпить за вечное чувство, которое она олицетворяет. Да здравствует любовь! Да здравствуют женщины, что несут на себе, превратив в корону, наши чувства!

— Да здравствуют! – прокричали все.

Рустамбек, подняв бокал, встретился глазами с Мусей, затем сказал страстно:

— О, Муся, цветок, сорванный бурей случайностей! Перед лицом богини любви я клянусь, что испытываю к вам самые нежные, самые тонкие, самые высокие чувства. Цветы, гордо венчающие ваши прекрасные волосы, могут увянуть, но чувствам, которые олицетворяет этот венок, никогда не увянуть!

Все приветствовали тост Рустамбека. После закусок перешли к горячим блюдам. Ещё было сильно желание забыть испытанные страхи, тяготы и усталость.

Оживились и начальники отделений. Слова попросил Каспарян:

– Товарищи, – сказал он, – человека не узнаешь, пока он не проявится в деле. Например, мы знали Рустамбека как требовательного, любящего дисциплину, чуть сурового, заставляющего трудиться других, но и работающего, не покладая рук, человека. Рустамбек проводил жизнь как фанатичный пастырь, так что даже женщины, равнодушные к нему, не осмеливались приблизиться, так как его главным девизом было: «Во время работы – только работа»... Но после страхов отступления и дорож-

ных потрясений мы обнаружили в нём новые черты: выяснилось, что Рустамбек – прекрасный товарищ и душа общества... Я предлагаю выпить в честь нашего настоящего руководителя и искреннего товарища.

– Да здравствует Рустамбек! – раздались всеобщие возгласы.
Борис заиграл, настроив гитару, а Ваня спел песню.

– Предлагаю завершить застолье поклонением Венере, – поднявшись, сказал Рустамбек.

Все встали, сорвав цветы, украсили ими волосы, шею, грудь богини любви.

На этом застолье завершилось, и компания вышла прогуляться.

За садом начинались аллеи парка. Высаженные в ряд платаны бросали на землю длинные тени. Глубокая тишина, охватившая всё вокруг, была созвучна безмолвию Вселенной. Парочки шли, взявшись под руки – Зина с Ваней, Олеся с Каспаряном, а Муся с Рустамбеком. Позади, в пятидесяти шагах, за ними следовал Борис, деля свою печаль с гитарой, струны которой разрывали ночную тишину.

Рустамбек, ощущая пыл юной девушки, испытывал невыразимое наслаждение. Муся, понимая, какие чувства она невольно вызывает у Рустамбека, с надеждой заглядывала ему в лицо. Не произнося ни слова, Рустамбек нетвёрдыми и счастливыми шагами вел свою спутницу к озеру, гладь которого была усеяна звёздами.

Озеро дремало, вобрав в себя перламутровые дары луны. Плакучие ивы печальными тенями захватили часть озера. Все вокруг было погружено в необыкновенный покой, глубокую тишину, повсюду властвовала тайна...

Они присели на запрятанную в тени скамейку. Муся чуть придвинулась к нему, не смея первой нарушить молчание.

Прошли Каспарян и Ваня со своими спутницами, сели на скамейку поодаль. Бориса не было видно, только издали доносилось его горестное пение.

Рустамбек был для Муси своеобразной тайной: этот человек, что всего полчаса назад развлекал, веселил людей, сейчас погрузился в раздумья, словно дервиш-отшельник. Муся доверительно взяла его под руку, прижалась головой к его плечу.

– Отчего вы молчите? Скажите что-нибудь, я хочу слышать вас, – сказала она. В её голосе ощущалась обида.

Рустамбек вздрогнул, будто очнулся ото сна. Взял руку Муси в свою.

– Мне кажется, нарушить тишину этой ночи – большой грех, – сказал он. – Воздух дремлет, озеро дремлет, даже деревья не смеют шевелить листьями, во всём этом есть некая тайна. И человек мечтает, оторвавшись от реальной жизни, слиться с Мирозданием. Слова могут разрушить это таинство... В чувственном отношении между мужчинами и женщинами имеется естественное различие. Чувство женщины цельно, оно изначально и вечно. Любить и быть любимой – единственная идеология для женщины. Иного нет. А в чувствах мужчин, особенно способных размышлять, есть двойственность: помимо желания любить и быть любимым, у него есть и другой мир – это духовная любовь. Здесь нет места женщине. В этом мире сердце сливается с умом, и эта внутренняя гармония, возникнув, отрывает человека от материального мира, заставляет погрузиться в отдохновенный мир небытия. То, что я называю морем, – это покой небытия. Что я? Лишь капля, оторвавшаяся от моря ради временной жизни! Эта капля порой, слившись с морем, обретает духовный покой. Иначе реальность и материальные борения изничтожат её...

Было отдано распоряжение готовиться к отъезду. Все сотрудники уже занимались сборами. Домоправительница-полька выскочила во двор:

– Неподобающе вы себя ведёте, дикие варвары лучше вас. Ночью выпустили лошадей, истоптали, разворошили ботанический сад. Ваши работники не только обчистили фруктовые деревья, но и взломали дверь подвала, выкрали пятидесятишестидесятилетние вина. Разве так поступают? Разве не правы немцы, что хотят захватить эту дикую страну? Если они придут, здесь тут же будет порядок и дисциплина. И не останется места тому ужасу, что творился здесь в этот вечер.

Не дослушав до конца жалоб женщины, Рустамбек приступил к расследованию – женщина говорила правду. Словом, поместье напоминало подвергшиеся погрому еврейские жилища...

Рустамбек и Ваня вызвали начальников отделений.

– Мы производим самое горькое впечатление там, где останавливаемся на постоя, – стал выговаривать Рустамбек. – Вы только поглядите, даже русины, прежде желавшие войти в состав России, нынче радуются тому, что мы в беспорядке отступаем. Причина – перед глазами, – добавил он, указывая рукой на подвал и сад.

– Мы требуем передачи власти пролетариату, – прервал его Ваня, – ибо верим, что власть пролетариата обеспечит счастливую жизнь трудящимся. Выдвигая подобное требование, имеем ли мы право совершать подобное хулиганство? Я – враг этих дворцов, поместий, воздвигнутых на угнетении. Но не так, как ваши люди. Мы не станем рушить прекрасные здания, жилища, парки: после того, как мы уничтожим тех, кто в них обитает, эти владения станут принадлежать трудящимся. В них станут отдыхать трудящиеся. К чему сносить то, что не сегодня-завтра станет принадлежать нам. Разве враждебность к собственному достоянию не указывает на нашу несознательность?..

Борис, устав от упреков, сказал:

– Ваня, ты только сейчас видишь, что наши люди – разрушители? Они всегда были такими. Это ты знаешь прекрасно. Раньше мы пугали их различными штрафами, нынче мужик ничего не боится. Станешь их гнать, чтоб наказать, они ещё пуще обрадуются, так как давно мечтают избавиться от нас. А у тебя имеется наказание для них, кроме страха? Нет.

– Пробудите в них классовое сознание! – крикнул Ваня.

– Предположим, пробудили, – парировал Борис. – Скажут, что делаем так, потому что аристократы – наши враги.

– Это означает непонимание линии партии, – махнул рукой Ваня.

... Напряжённость и споры между сотрудниками продолжались до новой стоянки.

На этот раз обоз остановился в посёлке, где жили, в основном, еврейские лавочники. Всё вокруг было в грязи и нечистотах. Сотрудники прежде всего бросились искать газеты. Немецкое наступление продолжалось. Армия понемногу разлагалась, во многих частях солдаты казнили офицеров. Чтобы положить этому беспределу конец, только что назначенный главнокомандующим генерал Корнилов восстановил отменённую прежде смертную казнь...

Сотрудники, покружив по посёлку, приобрели кое-что из необходимого. Когда возвращались, их внимание привлекли доносящиеся из раскрытого грязного окна громкие детские голоса. Из неаккуратно прибитой вывески стало ясно, что это еврейская школа. Рустамбек и Муся вошли внутрь. От сильного тлетворного запаха тошнило, от криков закладывало уши. Небольшая пыльная комната была полна детей. Один из них стоял в центре, размахивая розгой, а дети, страшась розги, уткнувшись в книги, громко что-то повторяли. В верхней части комнаты что-то писал раввин в ермолке. Рустамбек вспомнил учёбу под присмотром муллы в духовной школе.

Через полчаса караван уже устраивался на привал вблизи скромного поместья, хозяевами которого были русские. Они тепло встретили приезжих, разместили их на длинной веранде увитого вьюном второго этажа. За домом начинался сад, но на всём была печать лени и запустения. Сад и аллеи заросли сорняками, высохшие деревья не были подрезаны. Слуги в поместье ходили в отрепьях. Невысокий, с жёлтой бородкой хозяин пьяно улыбался...

Наташа и Воронов стали готовить еду. Открыли согретые в кипятке консервные банки, умывшись, сели обедать.

– Ах, вот бы сейчас поесть мороженого! – после ужина сказала Зина, глядя на Ваню. Тот улыбнулся, но проявлять инициативу не стал.

– Тоже мне, кавалеры, – обиженно надула губки Зина.

После этих слов Борис встал, спустился с веранды. Никто не придал значения его уходу.

– А не лучше ли нам воспользоваться этим ясным лунным вечером? – предложил Рустамбек, ощутив общее желание.

Все встали, спустились в сад. Пройдя по душной аллее, вышли к пшеничному полю. Поле со снопами сена, тянувшееся до лесистого холма вдаль, имело величественный вид. Воздух был наполнен ласкающей душу прохладой. Хрустела под ногами солома. В природе ощущалась таинственная притягательность. Эта притягательность, найдя отклик в душах молодых людей, увлекала их в укромные уголки. Рустамбек и Муся, пройдя к возвышающемуся справа холму, любовались открывшейся прекрасной панорамой. Медленными шагами удалялись от них Зина и Ваня, куда-то исчезли Каспарян и Олеся.

– Муся, вам здесь нравится? – спросил Рустамбек, опьяненный природой.

– Ах, как замечательно!

– Мы тут отдохнём несколько дней, хозяева гостеприимны, довольны нашим присутствием.

– Дорога нас очень измотала. Честно говоря, пока не перешли нашу границу, я очень трусила.

– Отчего? Разве я не был с вами? – улыбнулся Рустамбек, взяв руку Муси в свою.

– Это верно, но я вас тогда ещё хорошо не знала... Но так верила вам, что приказали бы «умри» – готова была умереть...

Признание девушки тронуло Рустамбека. Он поднёс к губам её похолодевшие пальцы, поцеловал, прижал их к щеке, не смог не заглянуть в глаза девушки. Так прошло несколько минут. Пульс на руке Муси, прижатой к его щеке, бился, будто птица, потерявшая гнездо. Рустамбек ещё раз поцеловал её руку, тихо спросил:

– Муся, вы когда-нибудь испытывали любовь?

– Ещё несколько дней назад мне было неведомо это чувство, – ответила она, с печалью глядя на него. Её голос задрожал, оборвался. Рустамбек тоже ощутил в себе дрожь, привлёк девушку к груди, прижался щекой к её пылающей щеке... Не в силах более сдерживать себя, нашёл губами её губы. Словно капля, давно тоскующая по морю, слилась с ним, успокоилась, умиротворилась. Будто весь материальный мир исчез, растаял в этом забытьи. Даже полная луна словно остановилась, закончила свой вечный бег ...

Они стояли так, прижавшись друг к другу, не смея оторваться, пока совсем близко не послышался ревнивый голос Бориса, зовущего жену.

– Муся, видишь, Борис ищет Зину.

– Странно. Разве Зина не любит мужа?

– Любит. Только Ваню она любит ещё больше, – засмеялся Рустамбек.

– Вот этого я понять не могу. Разве можно любить одновременно двух людей?

– В жизни всякое бывает, случается и такое.

– А по-моему, это не что иное, как распущенность!

А Борис продолжал петь свою горестную песню.

– Борис! Борис! Эгей! Иди сюда! – послышался, наконец, голос Зины.

Рустамбек встал, протянул руку Мусе, они медленно направились к ущелью, откуда доносился голос Зины. И там они увидели удивительную картину. Борис и Ваня плакали. Борис говорил:

– Ваня, ты мой друг и товарищ, ты знаешь, как я тебя люблю...

– Я тоже люблю тебя, – отвечал, вытирая слёзы Ваня. – И к Зине испытываю те же чувства...

Рустамбек, не желая вмешиваться в их особые отношения, повернул назад и увлёк за собой встретившихся по пути Каспаряна и Олесю.

Вернувшись, они увидели на столе тарелку мороженого, стало ясно, что это, видимо, привёз Борис, отправившись в посёлок.

Хозяин вышел к сотрудникам на веранде, поздоровался. Ему придвинули стул, предложили сесть. Гости уже знали, что он живо интересуется текущими политическими вопросами и пришёл, только что просмотрев столичные газеты.

– Узнали что-нибудь новое? – спросил Рустамбек.

В ответ хозяин лишь улыбнулся.

– Пока ничего утешительного. На фронте неудачи, в тылу анархия. Что может быть хорошего? Порядок настолько нарушен, что боязно сидеть даже в собственном доме. Мужики растоптали все имеющиеся законы...

– Мужик голоден, мужик безземелен, мужик зарабатывает, господа едят, разве это нормально? – несколько резко спросил Ваня. – Мужик прав, растаптывая законы, что душат его, рабочие вправе отвергать законы, держащие их в кабале. Таково требование революции!

Хозяин дома, поняв, какой идеологии служит сидящий перед ним, сказал не смело:

– Сынок, вы молоды, в юности я тоже придерживался подобных убеждений... Только они хороши в речах да на бумаге. На деле ни к чему хорошему они не приводят...

– Разве западные государства не совершали революций? – возразил Ваня.

– Совершали! Но не старались рубить, подобно нам, под корень!

– Простите, пока топор ещё не рубит под корень. Сейчас переходный период: социалисты заигрывают с кадетами, те договариваются с фабрикантами и таким образом кое-как балансируют на поверхности. Истинная революция произойдёт с переходом власти в руки пролетариата.

Хозяин дома огорчённо замолчал. Чуть погодя покачал головой, улыбнулся:

– Прежде чем проводить в жизнь какую-то идею, следует учесть состояние государства, умонастроение народа... Россия отстаёт в культуре, мужик предельно дик. Может ли дикий народ ценить свободу? Мужик ленив, безнравственен, он – разрушитель. Дай ему волю, зальёт кровью весь свет. Все государственные мужи, мыслители России разделяют это убеждение. А вы хотите вручить судьбу России этим...

– Это мы слышали не раз, – гневно парировал Ваня. – Подобная мысль на пользу только вам и классу, к которому вы принадлежите. Естественно, вы хотите сохранить своё богатство, свои привилегии. Хотите обладать всем, не поступаясь ничем, но больше так продолжаться не может.

Произнеся это, Ваня победно засмеялся.

Рустамбек осторожно вступил в разговор:

– Эпоху деспотии следует считать завершённой. К прошлому возврата нет. Всю несообразность царского режима никакой мыслью и суждением не оправдать. Паразитизму землевладельцев должен быть положен конец. То, как угнетают трудящихся России, налицо. Если угнетаются русские, то другие, подобные нашим, народы подвергаются гнёту вдвойне. Вы жалуетесь, что вас душат, мы же на то, что нас уничают. Подобное положение не может больше продолжаться!..

В разгоревшийся спор вступили и другие сотрудники. Каспарян заговорил об армянской проблеме, Олеся – об украинской. Оба они осыпали проклятьями прежний режим. Хозяин настаивал на том, что украинский вопрос раздут искусственно. Что же касается армян и тюрок, в этом вопросе он не разбирался вовсе, слышал только, что они не обладают никакими правами. Особый спор вызвал еврейский вопрос.

– Евреи, – утверждал хозяин, – нация угнетателей. Их изгоняли из всех стран. Дай им права – они станут эксплуатировать всю Россию.

– Евреи, будучи такой нацией, как и другие, не могут быть лишены прав, – отвечали ему...

Продолжавшийся более часа спор оставил всех на прежних позициях. Все только убедились, что их хозяин – убеждённый реакционер.

До города Проскурово оставался один переход. И перед этим последним переходом, решив сделать привал, они остановились в одном польском поместье. Семья поляка – исключительно вежливые, гостеприимные люди – состояла из трёх человек: он, жена и дочь, они получили образование за границей, знали по несколько языков. Но живущие на их обширных землях крестьяне уже стали проявлять неповиновение. Без спроса вырубали господский лес, косили пшеницу. Напуганный всем этим помещик явно не желал отпускать случайно оказавшихся у него гостей. Приезд земских служащих обрадовал, приободрил его. Гостям были отведены отдельные комнаты и все три дня, что они оставались в этом поместье, их обеспечивали изысканной едой.

Сотрудники Рустамбека не успели ещё разместить на постой все отделения, как появился старый лакей во фраке, пригласил их к обеду. Гости наскоро умылись, прошли на широкую, с цветочными клумбами, террасу, где их встретил сам хозяин, провёл в столовую. За просторным, рассчитанным на двадцать четыре персоны столом, кроме хозяев, сидели три офицера. Когда сотрудники вошли, за столом рассуждали о русских немцах.

– Немцы, живущие в России, – говорил молоденький офицер, – как мне кажется, доказали свою верность Родине. Я, будучи немцем, уже три года сражаюсь на фронте, был дважды ранен, ибо считаю своей истинной отчизной Россию. У меня был приятель. Едва его призвали в армию, он покончил жизнь самоубийством. В по-смертной записке он писал: «Предать Россию или стать врагом немецкой нации? – я не смог избрать ни один из этих путей. Двуличие – низость».

– Во всём виноват двор, – сказал угасшим голосом второй офицер. – Царица погубила и династию, и Россию.

– Царица, – вскинулся третий офицер, – ничуть не виновата. Мы не были готовы к войне с такой технически развитой нацией, как немцы. Это признавал и бывший военный министр Куропаткин. Несмотря на это, мы поддались интригам англичан. Царица предлагала разорвать договора с союзниками, заключить с немцами мир. Иного выхода и не было. Поступи так, мы спасли бы и династию, и страну. Всё погубили министры-предатели, депутаты-придурки. В результате великая Россия пришла к бесславному концу. Я и думать страшусь, чем всё это кончится...

После обстоятельного обеда подали ликёр и кофе. Хозяин дома встал, вытащил из буфета ящичек гаванских сигар, предложил гостям.

Затем гости перешли в оранжерею и во фруктовый сад. И здесь Рустамбек и его сотрудники держались несколько особняком. Хозяин сопровождал сотрудников земства, а его дочь – офицеров.

Один из офицеров заинтересовался устройством хозяйства. Хозяин, увидев это, продемонстрировал гостям сельхозмашины, ясли новых систем для скота, повёл их на пивзавод и сыроварню. Всех поразили первоклассная оранжерея, уход за породистым скотом, вообще – порядок и организация. Помещик занимался хозяйством всерьёз – выписывал из Америки и Европы более двадцати журналов, следил за всеми инновациями в сельском хозяйстве.

На дорогах вокруг Проскурова не было конца вооружённым солдатам, бегущим с фронта. Недавние рабочие и крестьяне, долгие три года перебрасываемые с фронта на фронт ради интересов одного сословия, обретя, наконец, возможность, бежали от ужасов войны, стремясь вернуться домой, соединиться со своими горемычными семьями. Искусственно раздуваемое чувство патриотизма, бесчисленные обещания, угрозы и наказания не могли остановить эту неуправляемую массу. Восстановление Верховным главнокомандующим Корниловым смертной казни в армии никого не пугало, даже «батальоны смерти» с изображением черепа и костей на папах не могли противостоять всеобщей анархии.

Бегущие с фронта стекались в Проскурово; город и его окрестности были наводнены различными учреждениями и организациями. На каждом шагу встречались подводы, автомобили, принадлежащие различным пехотным и конным частям.

Земский караван, не найдя в Проскурове пристанища для постоя, устроился под открытым небом. Весь предыдущий день шёл дождь, грязь была по колено. Несмотря на это, Рустамбек дал указание разбить лагерь и отправился искать Главное земское управление. В городе всю торговали мукой, сахаром, обувью, лошадьми. Спекулянты кружили вокруг разбитых беженцами лагерей, высматривая возможность ночью угнать скот.

На второй день Муся и Олеся нашли, наконец, своё Главное управление и получили распоряжение вернуться в Киев. Муся решила пойти в город, отправить телеграмму матери. Рустамбек вызвался сопровождать её. Пару часов они бродили по красивому провинциальному городу. Муся водила Рустамбека по самым приметным, обсаженным по обе стороны деревьями улицам, слушая его с любовью и интересом.

... Но Рустамбек отвечал на её вопросы не сразу, будто обдумывая, взвешивая каждое слово, что не удовлетворяло её. Внимание, уважительность Рустамбека в дороге породили в её сердце определённые надежды. Теперь Муся ждала подтверждения своих надежд словами и обещаниями, но Рустамбек явно уходил от этого.

– Завтра я уезжаю, – наконец, решившись, сказала она, окинув его недвусмысленным взглядом. – Вы хоть огорчитесь моему отсутствию?

– Муся, – улыбнулся Рустамбек, – прежде чем ответить на этот вопрос, я должен кое-что пояснить. Я быстро привыкаю к друзьям, особенно к друзьям-женщинам. Но в этом привыкании я ощущаю горечь, ибо то, чего желает душа, отвергает рассудок, то, что приемлет рассудок, отторгается душой. Конечно, это внутреннее противоречие приносит мне страдание. С первой встречи с вами я в конфликте с самим собой. И единственный выход из этой муки – разлука...

– Значит, – огорчённо прервала его Муся, – все эти пятнадцать дней нашей дружбы, поступки, слова – всего лишь пустое развлечение?

– Нет, отчего же? – снова поспешно сказал Рустамбек. – Разве чувства не бурлят? Бурлят и вскипают. Наши души вылетели из своих гнёзд и сели на одну и ту же ветку. Этот зов – веление юности.

– Значит, души должны вернуться в свои гнёзда, так как их полёт бессмысленен...

Рустамбек зримо представил своё сравнение, и его разобрал смех. Его смех совершенно расстроил девушку, она сердито вырвала свою руку, прошла на несколько шагов вперёд. Рустамбек окинул её долгим взглядом. Измятая в дороге одежда, сбранные на затылке пучком, как вопросительный знак, волосы, грязные, с чуть сбитыми каблуками высокие сапоги показались ему особенно нелепыми. Он почувствовал в себе горечь.

Пролётка отвезла Мусю и Олеся на вокзал. Их провожали Рустамбек и Каспарян. Закинув багаж девушек в купе, они сошли на платформу. Рустамбек и Муся стояли у входа в вагон, Каспарян и Олеся – чуть поодаль.

– Рустамбек, – говорила Муся, касаясь руки Рустамбека, – смотрите, пишите чаще! Я буду ждать.

– Напишу. А вы пока отправляйте письма в магазин фруктов на Николаевской, как только сниму комнату – сообщу новый адрес.

– Хорошо!.. В дороге будет очень непросто...

– Ничего, – сказал Рустамбек, ощутив печаль в её голосе. – Привыкнете. Человек – существо, которое всегда одерживает победу.

– Если я умру, вы станете плакать? – спросила она, выдавив из себя улыбку и теребя пуговицу на френче Рустамбека.

– Я представляю вас, – ответил Рустамбек, не ожидавший этого вопроса, – всегда юной, весёлой, в кипении нежных страстей. Вам не подходит апатия траура. Юность – это сила, что может разрушить самую крепкую твердыню. В минуты, когда я чувствую свою молодость, я ощущаю себя властелином Вселенной... Верит ли человек в своё бессмертие? Даже видя каждый день тысячи смертей, нельзя смириться с мыслью, что ты смертен. ...

Прозвенел второй звонок. Оба они застыли в напряжении. Рустамбек хотел было протянуть правую руку на прощание, но Муся, бросившись вперёд, обняла, прижалась губами к его губам и, словно совершив нечто греховное, резко повернулась и вбежала в вагон. Олеся показалась в окне сразу же, а Муси пока не было видно. Перед третьим звонком она высунула голову из окна, в её глазах были слёзы.

Поезд тронулся.

– Не забывайте! – крикнула она, махнув платком.

По дороге Каспарян рассказывал Рустамбеку о том, как развивались события, когда его не было на фронте.

– Знаете, – сказал Рустамбек без особого интереса к рассказу собеседника, – земские организации уже отыграли свою роль, теперь всё это не имеет значения. Для всех нас, особенно для вас и меня, открывается новая сфера деятельности – национальный вопрос. Сегодня, когда решаются судьбы народов, то, что мы вдали от родины, – преступление. Нация взрастила нас, и мы в этот ответственный час должны прийти на помощь нации.

– Вы имеете какие-то вести с Кавказа? – одобрительно выслушав Рустамбека, спросил Каспарян.

– Всесторонних сведений нет. Только знаю, что большая нужда в нас, в интеллигенции. Тот факт, что между народами нет согласия, может привести к печальным последствиям. Мы должны преодолеть это.

– Всё так запуталось, – задумчиво произнёс Каспарян. – Я не вижу никакого выхода. И если на турецком фронте случится то же, что и здесь, кто знает, что придётся испытать несчастному армянскому народу?! А ведь какие надежды мы питали!..

– Знаете, – голос Рустамбека был искренен, – армянский вопрос соприкасается с нашим, потому я исследовал его всесторонне. Накануне войны я читал издаваемые вашими в Москве на русском языке журналы и книги. Более или менее знаком с историей армянского движения... Как тюрок, при всей доброжелательности к армянской нации, я должен сказать, что руководители армянского национального движения допустили и допускают множество ошибок.

При царизме нечего было и мечтать о независимости. Мы помним слова, сказанные в своё время одним из русских министров иностранных дел: «Армения нам нужна без армян». Политика царского правительства по отношению к армянам исходила из этой установки. Начиная с Петра Великого, все русские цари кормили вас пустыми обещаниями. Вас призывали к мятежу, но в помощи отказывали, в результате гибли армяне. Вас предавали и европейцы: они провоцировали восстания на территории Турции, в результате армяне подвергались гибели. Пустыми оказались и пункты Парижского и Берлинского договоров, посвящённые армянскому вопросу, осо-

бенно «выгоды», что принесли вам «христианские» Европа и Россия. Трагедия вашего народа в том, что вы, отвергнув соседей, ищите друзей на стороне. Я считаю, давно пришло время вырвать судьбу вашего народа из лап духовенства и ослепленных ненавистью дашнаков. Следует призывать народы Кавказа к братству, привлечь к этому делу всю молодёжь, – только в этом гарантия благополучия.

Рустамбек получил телеграмму с требованием немедленно возвращаться в Киев.

– Вероятно, вам предложат ответственный пост в Главном управлении, – серьёзно сказал Ваня.

– Я теперь не вижу перспективы в работе земства, хочу немного послужить своему народу.

После этих слов на лице Вани появилось суровое, подозрительное выражение.

– Если каждый народ будет думать только о себе, существующая анархия возрастет во много раз.

– Разве вы не видите, что происходит? – глянув в сторону и чуть подумав, сказал Рустамбек. – Каждый гребёт под себя. В стране анархия, государственный аппарат развален, и, как результат, гибнет народ. Потеряв надежду на центр, люди начинают думать только о себе. А что можно поделаться?

– Значит, и вы намерены следовать по пути украинцев? – огорчился Ваня.

– Разве это не естественно?

– Единственный выход для всех народов, – сказал Ваня, – примкнуть к большевикам. Пессимистическим отходом в сторону проблема не решится. Отойти в сторону – значит броситься в объятия иностранных капиталистов.

– А придут ли большевики к власти? – решительно спросил Рустамбек. – Удастся ли им восстановить государственную дисциплину? Как решат национальный вопрос?.. Всё это вопросы первейшие ...

– Не стоит ни капельки сомневаться, что мы, большевики, придём к власти, ибо мы выражаем чаяния широких трудовых масс. Эти массы составляют большинство, за нами реальная сила. Сейчас мы заняты организацией масс. Как только завершится организационный период, мы нанесём удар по слабым рукам Керенского, и государственное правление перейдёт в наши стальные руки. Это будет! И в это следует верить!

Рустамбек слушал его речь недоверчиво: поколебать его решение было невозможно.

– Пусть Каспарян будет нашим арбитром, – улыбнулся Ваня, увидев входящего Каспаряна. – Каспарян, ты – армянин, несомненно, носитель националистических идей. Как революция решит национальный вопрос? Ты это знаешь?

– Почему ты спрашиваешь меня об этом? – растерялся неожиданному вопросу Каспарян.

– Мы заспорили с Рустамбеком, я не смог переубедить его. Теперь хочу знать твоё мнение по этому вопросу.

Каспарян присел, задумался.

– Национальное самоопределение, – сказал он, – самая острая проблема века. Все обещают что-то, лишь бы привлечь к себе народ. Царское правительство обе-

щало Польше независимость, нам – автономию. Царь низложен, его обещания мертвы. Сейчас все партии в России заняты этим вопросом. Пришедшие к власти эсдеки и эсеры не желают отказываться от царской политики централизма. В украинском вопросе кадеты не поддержали Временное правительство. А самые образованные силы в России, как вы знаете, – это партия кадетов, они обещают народам многое. Но я не знаю, какой реальной силой они обладают, мне не известны и их руководители... Единственный до времени путь – бороться за национальную автономию.

– Bravo, Каспарян! – воскликнул, вскочив, Рустамбек, протянув ему руку, которую Каспарян крепко пожал, что немного расстроило Ваню, но он не подал виду.

– Извините, – сказал он. – Всё происходит от вашего незнания. Читайте Ленина, ознакомьтесь с его работами по национальному вопросу. Я уверен, что вы пересмотрите свою позицию.

– Может быть, – попытался поддержать Ваню Каспарян, – но политика центра так напугала народы, что даже его самые щедрые обещания кажутся подозрительными. Как бы там ни было, поживём – увидим, чьи обещания были честны, а чьи – лживы. Сейчас же я не вижу вокруг ничего, кроме анархии и трагедий.

Ваня, желая переубедить их, продолжал разъяснять им мысли Ленина по национальному вопросу.

Рустамбек должен был уезжать: билет куплен, багаж собран. С утра он объехал все отделения, попрощался с сотрудниками. На обед в честь его отъезда Ваня пригласил Каспаряна, Зину и Бориса. Было произнесено множество тостов. Когда встали из-за стола, Рустамбек расцеловался со всеми.

Две пролётки были готовы. Уложив вещи, Зина, Борис и Ваня сели в первую пролётку, Рустамбек и Каспарян – во вторую. Все были немного навеселе. Ваня смеялся, шутил, как мог, развлекал Зину. Каспарян же, искренне и серьёзно ударившись в признания, открывал Рустамбеку самые потаённые уголки своей души. Оказывается, у этого человека не было иных дум, кроме будущего своего народа. Каждый миг, каждую минуту он говорил об одном и том же. И сегодняшняя его откровенность была вызвана рекомендациями Рустамбека.

– Рустамбек, клянусь тобой, – говорил он, смешивая русский и тюркский, – я очень люблю тебя. С того самого дня я размышляю о сказанном тобой... Клянусь верой, ты говоришь верно. Правда, в тот день я не ответил тебе, так, по-честному, не верил. Ты простишь, я человек прямой – не верил. Но, душа моя, ведь это не без причин. Мусульмане нас поубивали немало, мы тоже не отставали от них. Мы были врагами. Воспитание и образование усилили эту вражду. Об угнетении армян говорили столько, в семьях – родители, в церкви – духовенство, в школах – учителя, авторы книг, журналисты, что всё наше существо пропитано ненавистью. Скажу тебе честно, именно эта ненависть – причина того, что нас убивали. У мусульман есть пословица: «Кровь смывают не кровью, а водой». Дашнаки всегда желали смывать кровью кровь. – Дрожащей рукой Каспарян вытащил из кармана пачку папирос, не сразу раскурил одну из них, с наслаждением затянулся, затем пьяно продолжил. – Мы должны, подав друг другу руки, забыть прошлое. Рустамбек, дай мне свою руку, – сказал он, схватив, крепко пожал ему руку. Глянув друг другу в глаза, они обнялись, поцеловались. На глазах Каспаряна были слёзы.

До самой станции Каспарян продолжал говорить, разбирая армянский вопрос, указывая на ошибочность предпринятых для решения этого вопроса шагов. Наконец он сказал:

– Друг мой, Баку – ваш, Тифлис – грузин, разве мы будем мешать вам, живя в Иреване?

– Естественно, нет, – тут же ответил Рустамбек. – Каждый народ должен жить в своих этнических границах. Это право наций...

Они прибыли на станцию с опозданием. Наскоро забросили вещи в вагон, попрощались. Каспарян ещё раз обнял и поцеловал Рустамбека.

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Со времени последнего приезда Рустамбека в Киев город очень изменился: стало намного больше людей в военной форме. Наряду с усталыми, подавленными духом солдатами на улицах встречались и женские отряды. Желая поднять дух армии, правительство Керенского призвало в солдаты женщин-добровольцев.

Решительные шаги, предпринятые украинским правительством, разделили весь город на две конфликтующие силы. Меньшая часть жителей города поддерживала украинское движение. Но слухи о грядущей национализации школ и учреждений вызывали тревогу большинства. Рустамбек сам был свидетелем, как в трамвае одна русская женщина говорила подруге: «Я скорее придушу своих детей, нежели отдам их в украинскую национальную школу».

Ещё более усилилась спекуляция: все от мала до велика что-то покупали и продавали. Рос продовольственный кризис. Отчего-то исчезла разменная монета, и это вызывало серьёзные трудности для населения. Немцы, продолжая наступать, оккупировали Балтийское побережье, но это мало кого трогало. Шампанское в ресторанах лилось рекой. Для юных девушек не было людей, более влиятельных и авторитетных, чем спекулянты; только они доставали модные платья, шёлковые чулки, модельные туфли, шоколад, духи и другие дефицитные товары. Воровство стало обыденным явлением.

Снова на улицах появились ораторы – казалось, люди страдали недержанием речи; потоки слов лились день и ночь, хотя никто не прибавлял ничего нового к давно слышанному. Не изменились и газеты, все полосы были заполнены нескончаемыми речами, что произносились на «Демократическом совещании», созванном в Петрограде. Но, несмотря на все речи, анархия продолжала разъедать государство.

Отказавшись от предложенной ему в Главном управлении земства новой должности, Рустамбек подал в отставку. Всюду, где он бывал, его спрашивали о партийной принадлежности, и он понимал, что необходимо определиться. Рустамбек с нетерпением ждал обнародования программы «Мусавата», но, ознакомившись с ней, расстроился. По убеждениям Рустамбек был намного левее.

Со своими сомнениями по поводу программы мусаватистов однажды вечером он поделился с Гуламрзой.

– Ты скажи, какие пункты программы не приемлешь, – сказал Гуламрза, – мы обсудим. На съезде, который скоро будет созван, мы тоже предложим свою программу, и если она не будет принята, попытаемся создать иную партию.

– Знаешь, Гуламрза, – согласился Рустамбек, – в мусаватской программе прослеживаются два влияния: преамбула построена на философии Зии Гёйалпа, а со-

держание переписано с программы кадетов. Они обе нам не подходят. Гейалп выдвинул лозунг триединства: «Панисламизм, пантюркизм, прогресс». Это просто бред. Ислам, как религия, – враг прогресса. И потом так ли уж важно, создавая политическую партию, опираться на религию? Если цель – независимость Азербайджана, то следует думать не о религии, а о государственности. Что касается конкретики, меня также не устраивает, как желает «Мусават» решить земельный вопрос. В программе говорится: «Крестьяне будут обладать правом выкупать землю у беков». Это, конечно же, на руку бекам. Земля должна быть отдана крестьянам безвозмездно. Она принадлежит тем, кто на ней работает. Таким должен быть наш лозунг... К тому же, нас нельзя именовать мусаватистами. Мы склоняемся к национальной сфере, но пока не можем определиться окончательно. В лучшем случае мы – тюркские федералисты. Гуламрза улыбнулся, показывая, что полностью согласен с Рустамбеком.

До сих пор внимательно слушавшая Рустамбека Саяд что-то про себя проговорила, затем, увидев, что его стакан пуст, поднялась. Налила ему чаю, присела на своё место. Рустамбек молчал, а Гуламрза просматривал программу «Мусавата». Что-то заботило Саяд, её щёки покраснелись, брови взметнулись вверх.

– Послушайте, – не сразу нарушила она молчание, – вы что, хотите здесь создать партию?

– Не партию, а национальную организацию, – ответил Рустамбек.

– Кто в неё войдёт?

– Кто захочет. Сначала созовём собрание, выскажем свои предложения, пусть запишутся те, кто заинтересуется. – Сказав это, Рустамбек задумался, спросил Гуламрзу: – И верно, скажи, кто из наших здесь остался?

– Из старичков – совсем мало. Гулу работает врачом в клинике. Сафтар пытается завершить учёбу. А Джаббар пребывает в своём амплуа...

– Эти не годятся, – прервал его Рустамбек.

– Есть и молодые: Хагги, Абдурагим, Гасаноглу. Ещё пара-другая ребят... Знаешь, все разошлись, кто куда. В этой неразберихе трудно ожидать приезда новых студентов. Нужда в людях огромна, поэтому многие предпочитают работать в Баку и уездах.

– А наше землячество полностью прекратило деятельность?

– Нет, мы свернули работу в связи с летними каникулами. Из членов правления остался лишь я один. Необходимо провести новые выборы.

– Время землячества сгинуло, видимо, в прошлое, – улыбнулся Рустамбек. – Изберём комитет, будем сами распоряжаться деньгами и библиотекой землячества.

– Согласятся ли? – с некоторым сомнением сказал Гуламрза. – Одно дело – политический комитет, другое – землячество. Комитет не сможет объединить всех проживающих здесь тюрков. Не так ли? Это люди самых различных убеждений.

– Верно. Но сейчас в ходу такое модное выражение, как «революционный путь». Революционным путём мы решим многое. И не будет иметь значения, согласен кто или нет.

До одиннадцати часов вечера приятели сидели, обсуждая план будущей деятельности. Составили список людей, которых следовало пригласить, определили день встречи. Наконец, решив ничего не сообщать Гулу и Джаббару, вышли прогуляться.

После завтрака, когда Рустамбек был занят изучением государственного устройства Североамериканских Соединённых Штатов, послышался стук в дверь.

– Войдите, – крикнул он.

Дверь тотчас распахнулась, и на пороге, будто выплывшая из-за туч луна, появилось светящееся лицо Муси.

Рустамбек совсем не ждал её. Он даже не нашёл времени ответить на несколько её писем. С чуть холодной и удивлённой улыбкой он поднялся ей навстречу.

– Входите! Добро пожаловать! Я совсем не думал увидеть вас у себя.

Муся радостно бросилась к нему, их пальцы сплелись. Затем Рустамбек поднял её небольшой чемоданчик, поставил на стол. Усадил её в кресло. Муся посмотрела на раскрытую книгу, покачала головой:

– А вы всё ещё заняты книгами. Теми самыми, что вынуждают забыть друзей.

– Что делать? – сказал Рустамбек. – Таково требование времени.

– Я отправила вам три письма, – проговорила Муся, чуть покраснев, – но не получила ответа. Забеспокоилась. Решила приехать сама, увидеть...

Слова и поступок Муси поразили Рустамбека, она напомнила ему средневековых героинь. Но бушующие вокруг политические события не оставляли места для личной жизни и чувств. Казалось, что между ним и этой жизнерадостной и хрупкой девушкой, движимой чувством любви и совершившей двухдневное, полное опасностей путешествие, пролегла пропасть.

– Какой тонкой душой вы обладаете! – несмелым голосом произнёс он. – Разве я стою подобной самоотверженности?

– Вы желаете принизить себя в моих глазах? Не получится. – По её губам пробежала полуироническая, полусерьёзная улыбка. Невольно улыбнулся и Рустамбек.

– Муся, – сказал он, постепенно приходя в себя, – наверное, вы даже не завтракали.

Муся, покраснев, не ответила. Рустамбек вышел, распорядился принести самовар. Вернувшись, убрал книгу, поставил на стол хлеб и сыр. Горничная принесла стаканы, а через некоторое время внесла и самовар. Муся умылась, поправила перед зеркалом причёску. Рустамбек глянул на неё – хорошо шитое платье ладно облегло её статную фигуру. На фронте она выглядела не столь привлекательно, только сейчас он осознал, насколько девушка красива, но отчего-то в глубине его души поднялся ураган, словно холодный дьявол, коснувшись, развеял все мечты, надежды, радости. Смешанное чувство близкого счастья и неминуемой потери охватило его. Шесть шагов снова превратились в шестивековое расстояние.

– О чём вы задумались? – спросила Муся. – Я помешала вам?

– Нет!

– Скоро я уйду. Хотела хоть на минуту увидеть вас.

– Вы совсем мне не мешаете... Погостите несколько дней, позже уедете, – сказал Рустамбек, понемногу отрываясь от раздумий.

Муся налила себе чаю, позавтракала, затем по-хозяйски убрала со стола еду.

– Рустамбек, вы читайте, я не стану мешать вам, – сказала она и направилась к комоду. Выдвинула ящики, смахнула со дна хлебные крошки, расстелила чистые газеты, положила на полку тарелки с хлебом и сыром. Вытерла пыль с книг на столе, аккуратно расставила их. Не забыла и о платяном шкафе, заново перевесила одежду, разложила полотенца, отобрав прохудившиеся.

Откинувшись в кресле, Рустамбек задумчиво глядел на неё.

– Мужчин, – сказала Муся, окинув его тёплой улыбкой, – нельзя оставлять одних. Время от времени следует их навещать, согревая одинокие жилища светом женского тепла.

– Верно, – ответил Рустамбек, глядя на девушку.

А Муся продела в иголку нитку и стала штопать порванные полотенца. Внимание и серьёзность, с которыми она занималась всем этим, удивляли Рустамбека.

Муся шила и штопала около часа. Пришла горничная, прибрала в комнате, вытерла пол. Муся, ещё раз глянув на себя в зеркало, присела рядом с Рустамбеком.

– Ах, если бы эта революция случилась несколько лет назад или на несколько лет позже, – сказал он, страстно глядя на неё.

– Что бы тогда было? – Муся заинтригованно ждала ответа.

– Тогда и моё личное счастье было бы обеспечено.

– Разве революция – преграда личному счастью?

– Конечно. Поглядите, сколько всего выпало на нашу долю.

– Но почему вы всё берёте на себя? Вы и нам, женщинам, что-нибудь оставьте. Разве женщина не может разделить часть ваших забот? Вы представляете жизнь как ровную, без рытвин и колдобин дорогу. В жизни происходят события куда более трагичные, чем революция. И всё равно, разве на свете мало счастливых людей?

– Может, такие люди и есть. Но для меня всё это непреодолимо.

– Никаких трудностей нет. Самая большая беда – одиночество. Природа создала мужчин и женщин как бы в дополнение друг другу. Чтоб они вместе преодолевали трудности. Во всяком случае, вдвоём люди намного сильней.

Убеждённый тон Муси не удовлетворил Рустамбека. Он считал, что личное счастье – сила, противящаяся всеобщему благу. Не верил, что они могут быть вместе. Мечты о личном счастье и о всеобщем благе снадали его. Раздираемый этими противоречиями, он терял внутреннее равновесие, страдал, мучился, терзался.

– Муся, – сказал он, – вы, вероятно, считаете меня странным человеком. А я просто бедолага, оказавшийся на развилке, – по двум направлениям одновременно двигаться невозможно.

– Дорог не две, а одна, – повысила голос Муся, – разве нельзя прежде обеспечить личное счастье, а затем трудиться для всеобщего блага? Это возможно!.. Разве все, кто посвящает жизнь служению обществу, отказываются от личного счастья? Нет, одно не мешает другому. Наоборот, счастливые в личной жизни люди работают более спокойно, уверенно.

– Что делать, видимо, я слаб, – сказал, снова задумавшись, Рустамбек.

– Вы не переживайте, – Муся взяла его руку в свою. – Я укажу вам путь к счастью. Всё зависит от желания. Человек – хозяин своей судьбы. Никогда не забывайте, что хозяин – вы. И ещё, не подчиняйте своё сердце рассудку: пламя души намного ярче огня рассудка...

Они пообедали вместе. Затем Рустамбек, оставив Мусю, отправился на назначенное в пять часов вечера собрание. Пришло всего семнадцать человек. Подождав ещё полчаса, Рустамбек открыл заседание, разъяснил цель встречи.

Гуламрза зачитал программу «Мусавата». Рустамбек подвергнув её критике, разъяснил свою позицию. Вопросов никто не задал, но полемика разгорелась сразу. Резко запротестовал против политики центра по отношению к тюркам Абдурагим.

– Товарищи, – сказал он, – словом «тюрк» мы отдаляем от себя не являющихся тюрками мусульман. В Азербайджане живут курды, дагестанцы, другие народности – приверженцы ислама. И что, они тоже должны создавать свои национальные партии? Политика национализма может внести рознь в ряды мусульман. Поэтому я не считаю возможным входить в этот комитет.

Был создан разношёрстный комитет из семи человек. Рустамбек избран председателем, Гуламрза стал секретарём. Хагги, Гасаноглу, Зейнал, Муслим – членами комитета.

– Товарищи, – сказал Гуламрза, – программу «Мусавата» мы отвергли. Другой программы у нас нет. Работать без программы невозможно, мы должны иметь на руках какой-то документ. Давайте попросим Рустамбека составить для нас проект программы, а мы его обсудим.

По ходу они рассмотрели и другие вопросы. Прежде всего было принято решение вступить в союз с украинскими политиками. Обсудили и проблему землячества. Ввиду того, что комитет превратился в единственного наследника, ему передали средства и библиотеку землячества. Договорились также собираться по определённым дням раз в неделю. На этом первое заседание комитета завершилось.

Члены комитета были неопытными, мало информированными простыми студентами. Прежде они никогда не занимались общественной деятельностью, их неопытность бросалась в глаза. Кое-кто из них уже завершал учёбу. Каждый имел свой характер, свою индивидуальность: Хагги был ленив и упрям, Зейнал – грубоват и ершист, Муслим – простодушен, а Гасаноглу, по натуре торгаш, был замкнут, во всём искал только личную выгоду. Их не объединяли ни дружба, ни даже приятельские отношения. Они приехали из разных городов, случайно встретились в Киеве и остались духовно чужды друг другу. Единственное, что объединяло их – это патриотизм, и именно это чувство сплотило их вокруг Комитета. Но и патриотизм их носил своеобразный характер, он не был привит им ни в семье, где они воспитывались на религиозных догмах, ни в среде сверстников в школе. Их патриотизм был рожден подражанием.

В Киеве, встречая польских студентов, они видели, как те бойкотируют русский язык, хранят верность своим национальным традициям и истории, как евреи, грузины, армяне и другие, создавая национальные организации, придерживаются ясных убеждений и позиций. Подражая им, тюркские студенты заявляли: «У нас тоже должно быть собственное достоинство».

Рустамбек, уловив внутреннее состояние этих людей, имеющих различные убеждения, добился их объединения вокруг единой идеи.

Но сама эта идея, как и юноши – её носители, ещё не обрела устойчивости, колебания и сомнения вынуждали их постоянно менять её направленность. Даже возглавляющий комитет Рустамбек не обладал постоянством мысли и непоколебимой убеждённостью. Он всё время читал, искал и часто оказывался в своеобразном тупике.

Вечером, вернувшись домой, он невольно ощутил тепло семейного очага. Кипел самовар, на столе были разложены различные яства, в комнате витал тонкий запах духов. Во всём ощущались порядок и аккуратность. Муся сменила даже покрывало на кровати, поставила на столик рядом вазу с яркими цветами.

– Наверное, устал? – спросила девушка.

– Нет, выборы прошли удачно, теперь – за работу.

– Я была на рынке, – рассказывала Муся, разливая чай, – но булок не достала. Только в одном месте удалось перехватить три пирожка...И у нас в городе то же самое: организовали продовольственные комитеты, так они сами занялись спекуляцией. Недавно толпа женщин разгромила хлебную лавку.

– Дальше будет ещё хуже... Большевики мечтают захватить власть. Вы знаете их лозунги: на фронте – мир, в тылу – война. Ради власти прольётся немало крови.

– Не знаю, чего ещё надо людям, – чуть подумав, простодушно сказала Муся. – Царя свергли, вроде, обрели свободу, так, пожалуйста, управляйте государством. Но нет, день ото дня всё хуже и хуже.

– Разве это не естественно? – улыбнулся Рустамбек. – Керенский не желает отдавать то, чего требует народ. Смотрите, по-прежнему продолжается война, в силе всё тот же принцип централизации...

– Как, по-вашему, Рустамбек? Чем всё это кончится? – спросила его Муся.

– На мой взгляд, федерацией. Нации должны сами управлять своими государствами. Вы, как украинка, должны знать это.

– Я – украинка, но родного языка не знаю. У нас на украинском говорят только крестьяне.

Сменили тему. Вспомнили фронт, паническое отступление, те прекрасные, забываемые дни. Рустамбек улыбнулся, вспомнив, как она плакала в Бучаче.

– Что было делать? – Муся покраснела, сказала обиженно: – Все бежали, с воздуха бомбили аэропланы, немцы могли захватить нас в плен.

– Ну и что? – прервал её Рустамбек. – Вышли бы замуж за красивого немца, были бы счастливы.

– Нет, не вышла бы! Я бы не смогла быть счастливой с немцем... Я люблю южан – черноглазых, чернобровых южан.

Рустамбек сделал вид, что не понял её намека.

Время близилось к двенадцати. Муся, расчесав волосы, стала готовиться ко сну. А Рустамбек прошёл к хозяйке, чтобы получить разрешение переночевать в гостиной. Хозяйка согласилась, но в дверях удержала Рустамбека:

– Это ваша невеста?

– Нет, знакомая. Приехала по каким-то делам, уедет через несколько дней.

– Она, кажется, близка вам, – лукаво улыбнулась хозяйка. – Может, даже любит вас. Во всяком случае, мне показалось, что она приехала, питая определённые надежды... Прелестная девушка. Вежлива, воспитана. На вашем месте я не стала бы упускать удачу.

– О, господи, в такое время?

– Моё дело сказать, не упускайте удачу. Она любит вас. Я сегодня её разговорила. Если вы её отвергнете, она сойдёт с ума...

– Не сойдёт! – игриво ответил Рустамбек и вышел в коридор... – Можно? – подошел он к своей двери.

– Подождите немного, – раздалось за дверью.

Рустамбек стал прохаживаться по коридору. Чуть погода послышался несмелый голос Муси:

– Можно!

Рустамбек вошёл в комнату, обнаружил Мусю уже в постели. Ложе излучало аромат духов. Лампа на потолке была погашена, лишь рядом с кроватью светил ночник. Её светло-каштановые волосы рассыпались по белой подушке, создавая фон её пылающему лицу. Глаза, очарованно глядящие на Рустамбека, напоминали плывущее на волнах отражённое солнце.

Летели мгновения, они молчали, затем тишина задрожала от всхлипов Муси. Рустамбек непроизвольно бросился к ней, присел на краешек кровати.

– Муся! Муся! Что случилось? – спросил он, обхватив рукой её голову. Глаза, всё так же напоминавшие отражённое солнце, рассказали о её муках... Рустамбек привлёк её к себе, обнял.

– Ты – мой, – застонала Муся, захлёбываясь в слезах.

Слова Муси будто разбудили в Рустамбеке второго человека. Переполюнявшая его душу минуту назад страсть угасла, породив новые сомнения. Пропасть между ними стала стремительно расти. Муся снова стала казаться ему романтической девушкой из средневекового замка. Рустамбек хотел было подняться, уйти, но Муся прижалась к его рукам.

– Что ещё случилось? Я ничего не пойму, – сказала она страстно. Затем спросила с мольбой: – Рустамбек, в вас есть какая-то странность. Скажите, что с вами? Вы меня не любите, не так ли? Объяснитесь!

Рустамбек, словно преступник перед суровым судом, мучительно подыскивал слова в своё оправдание, затем сказал с дрожью в голосе:

– Муся, знаете, какая эта огромная ответственность – отдаться чувству...

– Ах, Рустамбек, – прервала его Муся, – одного не пойму, отчего вы столь рассудительны? При чём тут ответственность?

– Каждый человек должен ощущать ответственность.

Муся, отняв руку, сказала обиженно:

– Вы намеренно играете со мной. – Она огорчённо отвернулась к стене.

– Спокойной ночи, – проговорил Рустамбек, поднялся и направился к двери.

Не приняв слова Рустамбека всерьёз, Муся ничего не ответила. Но когда услышала стук захлопнувшейся за ним двери, почувствовала себя оскорблённой.

В гостиной заскрипел диван: было ясно, что Рустамбек укладывался спать. Муся погасила ночник и вновь заплакала.

На следующий день, хотя Муся старалась быть по-прежнему вежливой и предупредительной, они были сдержанны и холодны друг к другу. После завтрака, ничего не сказав Мусе, Рустамбек ушёл. Уже давно он не был в лавке Имрана. Приезжие из Азербайджана поддерживали связь с Имраном, поэтому у него всегда можно было узнать свежие новости. Именно они прежде всего интересовали Рустамбека. Посещение оказалось удачным: Халил прислал ему письмо и кипу газет. Пройдя в подсобку, Рустамбек торопливо вскрыл конверт. Письмо было написано по-русски:

«Дорогой мой! Прежде всего хочу начать с дороги. Дороги предельно мучительны и трудны. Полное отсутствие какого-нибудь порядка: поезд останавливается там, где вздумается машинисту. Вагоны забиты людьми, пассажиры как сельди в бочке, негде приткнуться. Занавески украдены, свечей нет, по ночам сидим в полной темноте. Даже крыши вагонов облеплены солдатами с вещмешками. На некоторых станциях вагоны обыскивают, пытающихся протестовать избивают. Нередки самосуды. Я был свидетелем нескольких разбитых голов. В чемодане одного пассажира обнаружили пять пистолетов: солдаты вытащили его из вагона и тут же, на платформе, расстреляли... Словом, анархия превеликая...

Баку изменился не очень: те же люди, что ты видел и знал. Алиярбек восседает во главе Национального комитета, всю его деятельность можно выразить одним словом: бездеятельность. И сам ничего не делает, и другим не даёт. Молодых близко не подпускает ... Даже наши опытные деятели не знают, как от него избавиться. На всех собраниях председательствует только он. Один раз, по какому-то упущению, на одном из собраний его случайно не избрали председателем. Так он ушёл и, сказывают, от злости потерял дома сознание... Что утомлять тебя, все наши дела – комедия!

Часть молодёжи тяготеет к «Мусавату», но и там всякий прежде всего печётся о своём кармане, ведь всё построено на обмане. В последнее время стало легко разбогатеть, поэтому многие ударились в спекуляцию. Можешь себе представить, Ширин, которого мы знали в Киеве, как ура-патриота, стал обладателем крупного состояния. Присвоив сахар и бензин, выделенные продовольственному комитету Гянджи, он приобрёл трёхэтажный дом в Тифлисе. И этот человек считается одной из опор «Мусавата»! Думаю, комментировать нет нужды! По ночам режутся в карты, устраивают оргии... Ради власти готовы перегрызть друг другу глотки...

Ты знаешь, как я ненавижу общество чванливой бакинской буржуазии. Чтобы не мараться и быть подальше от их общества, я примкнул к «Гуммету». Из знакомых тебе с нами работают Сафтар, Мирджафар и Ахмед. Сейчас у нас уже есть свой печатный орган (посылаю...).

Напиши, что ты надумал делать дальше. С твоим знанием тюркского, если вернёшься, обретёшь здесь большое влияние... Да, поздравляю, Велибек женился на богатой русской даме!

Парвиз отошёл от всех, занимается только коммерцией. Всё так же прекрасно одет. Чингиз с женой, оказывается, были в родном городе. Вот и все новости!

Целую, Халил.

P.S. Прибывших офицеров из «Дикой дивизии» здесь воспринимают как героев. Видел бы ты официальные приемы, что даются в их честь!...»

Киевский дворец вдовствующей царицы был конфискован и передан различным революционным организациям. Там же расположился и «Мусульманский военный комитет». В качестве представителя Азербайджана в члены этого комитета был приглашен и Рустамбек. Комитет представлял интересы солдат татарской и башкирской национальностей, имел тесные связи как с фронтом, так и с общественными и революционными организациями в тылу. Задуманный Радой Съезд народов был принят с удовлетворением. Деятельность комитета активизировалась: в мусульманские организации, с которыми имелась связь, были направлены письма с рекомендацией готовиться к съезду.

Каждое утро Рустамбек шёл во дворец и работал там до двух-трёх часов дня. Защищая права мусульман, комитет стремился иметь представителей в наиболее влиятельных организациях. Центральной Раде не удалось установить полностью власть над всей Украиной. Наряду с прежними организациями, в дела страны вмешивался и «Совет солдатских и рабочих депутатов». По решению комитета Рустамбек был направлен представителем в этот совет, занимающий несколько комнат на верхнем этаже дворца.

Первое заседание совета, в котором принял участие Рустамбек, произвело на него поразительное впечатление. Эти просто одетые, на первый взгляд, малообразованные люди за несколько минут решили множество самых серьёзных вопросов.

Рустамбек, поначалу удивлённо слушавший предложения членов комитета, постепенно принимал и перенимал эти революционные методы.

Его, выросшего в интеллигентной среде, несколько коробило от этих суровых, неотёсанных, выброшенных революцией на гребень волны, любящих солёную шутку, могущих при случае грубо выругаться людей, но постепенно он привык к ним. Как бы там ни было, большинство их, избравших революционный путь, производило впечатление людей честных и искренних.

Рустамбек набросал ответ Халилу, в котором описывал положение в Киеве, и просил хоть раз в неделю сообщать ему о происходящем в Азербайджане...

В это время дверь скрипнула. С букетом цветов в руке вошла Муся. На её лице была глубокая печаль. Она присела на краешек кровати, задумалась. На глаза навернулись слёзы.

– Муся, – сказал, увидев её слёзы, Рустамбек, – это уже проявление слабости... Эгоизм убивает любовь. Там, где есть место собственничеству, не может быть любви. Истинная любовь состоит из дружбы!

– Я не хочу никем обладать, – сказала Муся дрожащим голосом. – Можете быть уверены в этом! И ничего не хочу от жизни. Только желаю знать одно: любите вы меня или нет?.. Сегодня я возвращаюсь домой. Я полностью прерываю с вами отношения. Я хочу услышать от вас лишь одно слово... Лучшего утешения не может быть!

Рустамбек прижал руки Муси к груди и, целуя один за другим её пальцы, наминавшие тонкие церковные свечи, сказал:

– Я не в силах дать вам другой ответ... Я прошу забыть меня...

Съезд народов должен был открыться восьмого сентября. Уже начали прибывать первые делегаты. Седьмого сентября Военный совет провёл совещание прибывших в Киев делегатов-мусульман. Их было десять человек: восемь татар – крымчан, двое – из Казани.

Приветствуя крымчан от имени Военного совета, Рустамбек призвал их к единству.

– Товарищи, – сказал он, – завтра, в день, когда откроется наш исторический съезд, мы, делегаты-мусульмане, должны найти общий язык друг с другом!

Речь Рустамбека, его слова о значении единства отчего-то произвели на крымских татар неожиданно обратное впечатление. Их руководитель, юный Сеид Мохаммед, взяв слово, с выражением явного неприятия на лице сказал:

– Господа, если бы мы знали, что приглашены сюда в поддержку идеологии панисламизма или пантюркизма, мы бы не приехали. Именно благодаря известным идеям панисламизма и пантюркизма наши несчастные татары забыты в угол, забыты всеми. Лозунгом «Единство в языке, в поступках, в мыслях» Исмаилбек Гаспринский, анонсируя фанатичные мысли, при этом предал забвению простых людей, татарскую «чернь», их историю, традиции, язык и культуру. Молодое поколение крымских татар, взбунтовавшись, положило конец этому бреду «господ». Мы приехали, только чтоб разъяснить истинные горести Крыма. Мы ни с кем не связаны и не желаем связываться.

Сказав это, Сеид Мохаммед, взяв свою тубетейку, покинул комнату. За ним последовали и остальные делегаты Крыма.

Члены совета во главе с Рустамбеком несколько минут не могли прийти в себя от изумления. Глядя друг на друга, они не находили слов, чтобы выразить своё удивление. Наконец молчание нарушил прибывший из Казани татарин.

– Среди татар Крыма зародилось национальное движение, – сказал он. – Это движение, придерживающееся демократических принципов, – ярый противник татарских мурз, аристократии. Особую ненависть у татарской молодежи за его принадлежность к аристократии вызвал Исмаилбек Гаспринский. Представители этого движения добились закрытия газеты «Тарджуман» и теперь издают газету «Миллет». Она освещает лишь нужды и чаяния крымских татар. И язык у неё близок к народному.

– Как бы там ни было, – оскорблённо произнёс Рустамбек, – в подобной крайности необходимости нет. На что надеются, становясь во враждебную нам позу, представители двухсоттысячного крымского народа? Разве им не стоило при обсуждении крымского вопроса заручиться и нашими голосами?

После долгого обмена мнениями и взаимными обидами собравшиеся отнесли поведение представителей Крыма на счёт их молодости и неопытности. Затем приняли решение направить на съезд Народов от имени Военного совета трёх представителей. В числе выбранных был и Рустамбек.

Поведение крымских представителей заставило Рустамбека надолго задуматься. Вера в идеологию туранизма, зародившаяся в нём еще в студенческие годы под влиянием националистической печати, была поколеблена. Различия в языке, обычаях, характерах, порождённых иными общественными и экономическими условиями, привели Рустамбека к пересмотру отношения к мифической идее Турана. Он вспомнил тюрок, татар, туркестанцев, с которыми ему довелось встречаться, и убедился, насколько чуждыми друг другу взглядами вкусами они обладают.

Он думал даже подготовить по этому вопросу доклад, но затем отказался от своего замысла: среди членов комитета идея туранизма не обладала никакой популярностью. Они слабо знали тюркский, не следили за тюркской печатью, хотя именно она придерживалась и пропагандировала идеологию туранизма...

И прежде Рустамбек в целом скептически относился к идеологии пантюркизма, тем не менее, одно время подпал под её влияние, хоть и несильное. Теперь же это влияние растаяло окончательно.

Нынче на первый план выходили Азербайджан, его народ, его политические, общественные и экономические нужды и требования. Теперь Рустамбека занимали уже не иллюзии, а реальность.

Следовало подготовиться к выступлению на предстоящем Съезде, разъяснить беды и чаяния Азербайджана. Он продумал и набросал план. Прочитал написанное, оно не удовлетворило его. Переписал всё заново. Затем, вспомнив, что будет выступать в качестве представителя от Военного совета, еще более расширил текст, ощутив необходимость рассмотреть весь исторический ход политики царизма.

Выступление было готово. Он ощутил чувство удовлетворения. Встал, прошёл по комнате. Шёл первый час ночи, но спать ему не хотелось.

Съезд народов должен был открыться в здании Педагогического музея на Владимирской улице. Прибыв туда рано утром, Рустамбек встретил делегатов, прибывших со всех концов России. В работе съезда участвовали белорусы, грузины, эстонцы, казахи, евреи, литовцы, поляки, румыны, татары, азербайджанцы и украинцы. Даже будучи представителями одного народа, многие делегаты выступали с различных политических платформ.

Проходящая по фойе, Рустамбек столкнулся с Велибеком и Ширином, наемни они приехали из Баку. Приятели обнялись, поцеловались, отойдя в сторонку, стали торопливо рассказывать о пережитом. Ширин представлял «Мусават», а Велибек – Национальный комитет. Ширин показался Рустамбеку чуть располневшим и преисполненным чувства собственного достоинства. Во всяком случае, был явно доволен жизнью и занимаемой должностью. Велибек же остался таким же приветливым и вежливым, как прежде. Он по-прежнему много шутил, смеялся до слёз, с удовольствием вспоминал студенческие дни.

– Послушай, – чуть свысока сказал Ширин, – ты чего здесь засиделся? Возвращайся. Сейчас на родине необходимость в людях огромна. Захочешь – устрою тебя в Гяндже, займёшься печатью. Хотим выпускать газету, а людей нет.

Рустамбек улыбнулся и уверенно сказал:

– Поживём – увидим. Пока что я ещё здесь.

Делегаты уже стали заполнять зал. Двинулись туда и тюркские представители.

Вокруг трибуны ощущалось оживление: кто-то входил, разложив на столе бумаги, уходил. Некоторые почтительно подходили к невысокому седобородому человеку, о чём-то советовались с ним.

Наконец съезд открыл именно этот старик (позже Рустамбек узнал, что это был председатель Рады). Приступили к выборам президиума и различных комиссий. В руководство был избран и Ширин, ему было предложено сесть на возвышении рядом с трибуной.

На трибуне ораторы сменяли друг друга. Каждая речь была впечатляющим рассказом о тяготах и страданиях народов в годы тирании, их чаяниях и надеждах... Украинцы говорили о разрыве договора с Россией, подписанного в 1654 году, грузины – о нарушении договора 1783 года, в результате чего Грузия попала в рабство, татары – об уничтожении независимости, высылке целых народов, насильственном обращении в христианство, евреи – о лишении права на оседлость. Все выступавшие единодушно клеймили царский режим. Не избежало критики и правительство Керенского: рождённое революцией, оно клеймилось в одном ряду с царским режимом за то, что противилось национальной автономии народов.

Каждая речь, фраза, срывающаяся с взволнованных губ, состояла из стонов и невидимых слёз, каждый оратор видел исцеление от всех бед в построении в России федеративного государства.

Продолжительными аплодисментами было встречено выступление представительницы Крыма; эта женщина в тубетейке, с покрытой хной головой, сбросившая цепи рабства, вызвала всеобщую симпатию...

Первым из азербайджанцев на трибуну поднялся Рустамбек. В своей речи Рустамбек совершил пространный исторический экскурс, открыто разоблачая политику, которая проводилась по отношению к тюрко-татарским народам со времён Ивана Грозного, рассказал о постоянной дискриминации мусульман со стороны царизма и ортодоксальной церкви. Напомнил, как подавлялись царским правительством язык, традиции и национальные особенности азербайджанцев, об их обездоленности и бесправии. Речь он завершил благодарностью «великим руководителям национальных движений – украинцам». Спускался он с трибуны под шквал аплодисментов.

Был объявлен перерыв. Все встали, прошли в фойе. Велибек взял Рустамбека под руку, повёл в буфет. Чуть погодя к ним присоединился и Ширин. Избрание в президиум придало Ширину ещё больше спеси, но чувствовалось, что радость его омрачена сегодняшним триумфом Рустамбека. Именно поэтому, пока Велибек и Рустамбек весело шутили и смеялись, он еле выдавливал из себя вялую улыбку.

– Ты так и не рассказал подробно, что происходит в Баку, – став серьёзным, сказал Рустамбек. – Я читаю «Каспий» и «Ачыг сёз». И, честно говоря, не наблюдаю даже подобия какой-то деятельности.

– Отчего ты так говоришь? – авторитетно произнёс Ширин. – Делается многое, люди стали объединяться вокруг различных течений. Съезд мусульман Кавказа, Съезд мусульман всей России, Съезд мусульман-фронтовиков в Казани... Разве участие в них – не дело? У нас есть ежедневная газета на тюркском языке «Ачыг сёз», она выражает наши национальные чаяния, на русском издаются «Известия Комитета бакинских мусульманских организаций». И ещё дополнительно выходит «Каспий».

– «Известия» – это ничто! – решительно отрезал Рустамбек. – И не хватит ли носиться вокруг идеи панисламизма?! Мало у нас своего горя, так мы ещё проливаем слёзы по поводу судеб арнаутов, арабов, индусов. Кто-то хоть поверхностно осветил стоящий перед нами вопрос самоопределения?..

– Кое-что делается!.. Что поделать, у нас сил немного.

– Нет сил, приглашайте, выпишите из столиц пару русских журналистов! Разве не так поступают грузины и армяне?! Хотя бы найдите какого-нибудь профессора, пусть прочтёт лекции по проблеме федерации.

– Знаешь, Рустамбек, – мягко включился в разговор Велибек. – Отчасти ты прав, у нас работа не очень ладится. Но ты не должен забывать и о причинах. Грузины уже столько лет имеют меньшевистскую организацию, армянская партия «Дашнакцутюн», вероятно, скоро отметит своё двадцатипятилетие. А что в наличии у тебя? Ничего! Только сейчас мы приступаем к созданию политических организаций. Далее. Армяне и грузины призывались в армию, а мы – нет. Погляди, сколько проблем возникло нынче в связи с этим: все отзывают своих солдат, формируют национальные армии на родной земле, а мы сидим, сложа руки... Сложностей не перечесать! А главное, у нас нет фундамента, мы должны начинать всё с нуля...

– Легко рассуждать, – иронично сказал Ширин, – находясь вдали. Почему ты не возвращаешься, не займёшься конкретным делом? Вероятно, не желаешь усложнять себе жизнь? Каждый желает жить в подобном культурном центре, попробуй поработать в грязных, завшивелых сёлах, при свете керосиновой лампы...

– Ширин, – смеясь, сказал Рустамбек, – думаю, и ты не станешь хоронить себя в селе. В Гяндже у тебя комфорта в сто раз больше, чем у меня здесь.

– Ты так считаешь? – покраснел Ширин и, чтобы закончить спор, отошёл к стойке буфета.

Четырнадцатого сентября Съезд народов завершил свою работу. Делегаты, создав постоянный комитет, названный «Советом народов», разъехались. Рустамбек, член этого совета, остался в Киеве.

Жизнь Рустамбека вошла в прежнюю колею. Раз в неделю заседал Национальный совет. Более тесной стала связь с украинским правительством и Радой. Раз в две недели выходил журнал «Свободный союз» – орган «Совета народов». В издании журнала принимал деятельное участие комитет под руководством Рустамбека, в нём публиковались статьи на тему автономии Азербайджана.

Эти дела отнимали не очень много времени, от силы час в день, остальное время Рустамбек занимался самообразованием, изучал государственное устройство современных стран, основы федерации, национальный вопрос, историю культуры... Но порой, сомневаясь в необходимости своей деятельности, он ощущал внутреннюю опустошённость, начинал задыхаться в волнах одиночества. И тогда ему являлся печальный образ Муси. Он садился писать ответ на её многочисленные письма, но написанное не нравилось ему, он рвал, писал заново и снова, скомкав, бросал всё в корзину, не в силах бороться со своей нерешительностью.

Привыкший к странностям приятеля, Гуламрза иногда говорил ему:

– Мне кажется, Рустамбек, все твои странности – результат того, что у тебя нет личной жизни.

– Возможно! Но в нынешних условиях увлечённость личной жизнью приводит к отказу от общественной деятельности. Совмещать это невозможно. А наличие одного при отсутствии другого порождает кризис. Значит, для сознательного человека нашего времени внутренний кризис – определённая необходимость.

Пришедший к этому убеждению Рустамбек, естественно, не мог считаться счастливым человеком. Даже его радостные минуты были омрачены печалью.

Саяд живо интересовалась ходом работы съезда. Не удовлетворяясь газетами, сведениями, что приносил Гуламрза, она засыпала вопросами Рустамбека, едва он переступал порог их жилья.

– Временное правительство, – как можно популярней стал объяснять цель съезда Рустамбек, – не в состоянии руководить огромной Россией. Народы, живущие в России, перестав надеяться на центр, желают сами заботиться о себе, навести порядок в своём доме. На Кавказе, в Туркестане, в странах Балтии, как и на Украине, будут сформированы национальные правительства и парламенты.

– А что станет с теми народами, у которых нет собственной земли?

– Из народов, не имеющих собственной территории, в России первое место занимают евреи. Их сионистская партия требует отнять у арабов Палестину и передать её евреям. Они пытались поставить этот вопрос на обсуждение, но это не прошло, так как палестинский вопрос – вопрос международный и на этом съезде не мог быть решён. Другие еврейские партии, наряду с требованием признать права национальных меньшинств, выдвинули и другой важный вопрос. Они настаивали: «Будущее еврейского народа должно быть связано с землёй». Евреи желают, собравшись во едино, перебраться на определённую территорию, – ответил Рустамбек.

Интерес Саяд был несколько удовлетворён.

– Рустамбек, – с гордостью глядя на жену, сказал Гуламрза. – Саяд очень интересуется политикой. В последнее время охотно изучает географию: день и ночь сидит над картой России.

– Прекрасно! Прекрасно! – одобрил Рустамбек. – Тюркские женщины – это своеобразная целина, благодатная почва для обретения знаний. Что поделатъ, если они по сей день изнывают под чадрой.

– Революция одержит победу и над чадрой! – убеждённо сказал Гуламрза.

– Естественно! Естественно! – страстно поддержал Рустамбек. – Старый мир будет разрушен до основания! На каждом шагу уже ощущается дух обновления!

– Если позволят! – вдруг засомневался Гуламрза.

– Ничего не произойдёт! Ведь требовал же генерал Корнилов у Керенского передать ему власть! Передали власть? Нет!.. Назад пути нет!

– Будь Корнилов один, – червь неверия точил Гуламрзу, – горя бы не знали. Сейчас они скапливаются на Дону. Даже создано правительство Юго-восточной федерации в Новочеркасске. Опираясь на штыки казаков, они снова предпримут новую провокацию.

– А я тебе обещаю, – убеждённо парировал Рустамбек, – что ничего не случится! Большевики могут одержать победу, а вот монархисты – нет. И знаешь, почему? Монархию вкусили все. Народ дошёл до точки. В силах ли монархия предложить что-нибудь новое? Нет! Просто постарается воскресить прежний строй. Разве крестьянин, мечтающий о земле, рабочий, проливающий кровь за революцию, народы, требующие национальных автономий, позволят ещё раз накинуть на себя ярмо монархии?! ...И ещё: на съезде мы выслушали и представителя казачества: стремление к автономии, как видно, достаточно сильно даже у них ...

Средства, оставшиеся у Рустамбека со времени военной службы, быстро таяли, а новых источников заработка у него не было. Последняя надежда оставалась на деньги, данные на хранение Имрану.

«Возьму пока рублей сто, а там поглядим», – подумал он и отправился к Имрану. Первым, кого он увидел в магазине, был Ширин. Тот часто входил и выходил из подсобки, о чём-то перешёптывался с Имраном. Чувствовалось, что оба они заняты каким-то тайным делом, и свидетель – Рустамбек – был им вовсе нежелателен.

Видя, что Имран очень занят, Рустамбек не нашёл возможности заговорить о деньгах. В это время приказчик магазина кликнул проезжавший мимо фаэтон. Фаэтон подкатил к воротам заднего двора, на него погрузили три больших, завёрнутых в рогожу, ящика. Ширин сел в фаэтон и уехал. Через пару дней Рустамбек случайно узнал от приказчика, что в ящиках были винтовки и пистолеты.

Усложняющееся день ото дня положение на Кавказе открывало большие возможности для торговли оружием.

Теперь Рустамбек начинал понимать роль подозрительных лиц, ошивающихся в магазине у Имрана. Позже Рустамбек узнал, что в этих операциях участвует и Гулу. Причём он делал всё это предельно умело – раз в неделю звонил по телефону Имрану: «Пришли десять винтовок!» Вот и всё. А через месяц в клинику, где он работал, поступал денежный перевод.

Рустамбек не переставал поражаться проницательности Гулу, который сумел внушить Имрану такой авторитет, что тот беспрекословно выполнял все его поручения.

Рустамбек, готовящий себя для служения народу, не первый раз задумывался над этой метаморфозой. «Масса состоит из таких, как Имран, – рассуждал он, – неграмотных или полуграмотных людей, обманутых лишь внешними факторами. Они не поддаются под авторитет людей, которых часто видят, слышат, знают близко. Их понимание авторитета не вмещается в нормальную логику, так как ясные мотивы и факторы редко действуют на них. Если бы Коран или Библия были написаны на доступном каждому языке, их уважали бы не больше, чем школьные учебники. Книги, именуемые священными, скрывают нищету содержания санскритом, арабским, латинским, древнееврейским, старославянским языками, которых не знает народ...»

На столе он обнаружил письмо. Рустамбек вскрыл конверт, почувствовал тонкий запах духов. В письмо была вложена перехваченная чёрным бантом женская прядь. По полям письма расплылось бурое пятно. Со странным чувством он стал читать письмо.

«Мой дорогой!

Пишу тебе в последний раз. Моё достоинство больше не будет унижено, ибо... Я давно решила сказать всему «прощай!»... Довольно! Чем с отвращением пить из горькой чаши жизни, лучше разбить её. Я хотела наполнить эту чашу шерbetом любви – не удалось. Видно, не предопределено судьбой. Что делать? Смириться? Склонить голову? Нет! Или всё, или ничего! Компромисс чужд моей природе... Не понимаю, зачем я пишу это. Какая Вам разница? Вы – просто путник на дороге любви...

Я просила, чтоб моё письмо переслали Вам. Когда Вы прочтёте мою последнюю весточку, я уже покину этот мир. Пистолет – выход из безвыходных дорог – ждёт меня. Я ухожу. Во мне живёт удивительная радость. Когда гребцы моря неудачников передадут мой дух вечности, я ещё раз вспомню Вас. Прощайте! Холодными, уже безжизненными губами в последний раз я целую Вас, желая счастья. Моё последнее желание – залить это письмо кровью сердца, умолкнуть, быть забытой навсегда.

Прощайте.

Любящая Вас, как дитя, – Муся»

Прочтя письмо, Рустамбек глянул на пятно крови на краю письма. Дрожащими руками взял прядь волос, вдохнул в себя их запах. Ему показалось, что из-за строк письма встаёт юная, страстная, сгорающая от любви Муся. Хотел сказать: «Я хочу, несчастная, сделать счастливой тебя». Комнату захлестнула волна жизни. Она вспыхнула, разлилась, окатив теплом холодное существо Рустамбека, потрясла, взволновала его. Затем вдруг эта радостная волна откатилась, погрузив его в печаль и мрачное одиночество. Всё окружающее исчезло, оставив лишь пустоту. А стрелы горечи и боли продолжали осыпать его.

Рустамбек получил от Халила ещё одно письмо. Оно шло из Баку почти месяц. Халил писал:

«Мой дорогой Рустам!

Письмо твоё получил. Прочитал, что вы создали Национальный комитет. Насколько это верно, говорить пока излишне, ты давно уехал отсюда и мало что знаешь о происходящем. Приедешь, увидишь всё своими глазами, тогда поговорим. Знаю, что сейчас тебя не переубедят никакие факты и доказательства, но всё равно считаю долгом обрисовать здешнее положение.

Наряду с «Мусаватом» на национальном небосклоне возшла новая партия – «Мусульманство в России». Эта партия родилась из злобы, зависти и чинопочитания. Собрались некоторые старые деятели, с самого начала осознавшие, что не смогут играть заметной роли в «Мусавате», и создали «Мусульманство в России». Эта партия, подобно «Мусавату», используя религию, как средство обмана невежественных людей, не имеет никакого авторитета в народе. Я назову имя её лидера, и ты представишь истинное лицо этой партии.

Наверное, тебе известна фамилия Караяров. В своё время в газете «Русское слово» описывались его «деяния». Этот человек, якобы бежавший от царской деспотии, был пригрет в Стамбуле организацией «Единство и прогресс», с политической миссией направлен в Иран, затем, при содействии русского посла в Арзруме, вновь оказался на Кавказе и нынче руководит партией «Мусульманство в России». Надеюсь, вопрос тебе ясен. Царский агент снова выходит на арену, но уже в новой роли.

Один из влиятельных членов «Мусульманства в России» – гочу Шамиль-бек. Этот деятель «славен» сотнями преступлений. Сейчас Шамиль-бек, собрав вокруг себя офицеров «Дикой дивизии», занят формированием воинских частей.

Словом, все драки в национальных организациях только из-за двух факторов – денег и власти. Идеальный кризис охватил всё и вся. Если бы ты мог видеть, что творится здесь, ты восстал бы даже против самого слова «национальный»...

Что сказать, рано или поздно ты разочаруешься и в своём Национальном комитете. В этом я не сомневаюсь, но желаю, чтоб это наступило как можно быстрее. Ну, вот и всё! Целую тебя, Халил».

Рустамбек заснул поздно, до трёх часов ночи читал трактат о государственном устройстве Древней Греции, но проснулся, по обыкновению, рано – в семь часов утра, чувствуя духовную усталость и упадок сил. Казалось, весь мир рухнет, и остановить это крушение невозможно. Он глянул на книги и газеты, сложенные рядом с кроватью, и ему показалась странной та увлечённость, с которой он их читал ночью. Все эти исторические события, тот водоворот, в который он был вовлечён, политическое противоборство различных классов, прослоек, личностей показались ему мелкими и никчемными, и он сказал самому себе: «Какое странное существо человек. Словно на свете нет иного способа приложения сил, все ищут душевного равновесия в борьбе, столкновениях, схватках! Нет, этот путь пагубен, надо вернуться к самому себе, искать личное счастье!..»

Раздвоенность, на какое-то время переставшая терзать его, вновь ожила, он снова ощутил боль одиночества. И, как всегда, из глубин памяти выплыло трагическое и такое желанное лицо Муси.

Чтобы избавиться от тягостной тоски, он принялся просматривать газеты. Все газеты говорили о Брест-Литовском мире. Пробежав эти статьи, он обратился к киевским событиям, украинское правительство арестовало солдат-большевиков, не желающих покинуть Киев...

...Отношения между большевиками и украинским правительством становились всё напряжённей, принимая подчас характер ожесточённого противоборства. Только-только созданный государственный аппарат понемногу распадался, армия таяла. Начался террор, прежде скрытое противостояние приняло откровенный характер: обе стороны взяли за оружие, схватка перенеслась на улицы.

...От беспорядочной стрельбы закладывало уши. Обыватели, собиравшиеся на лестничных площадках домов, разносили самые невероятные слухи:

- Большевики заняли здание правительства.
- Украинцы сожгли школу, где окопалось несколько сот большевиков.
- Объявлено перемирие, чтобы собрать и предать земле погибших. ...

Ближе к вечеру стрельба стихла.

На улицах было тревожно. На некоторых перекрёстках были вырыты окопы. Кто с вёдрами в руках шёл за водой, кто метался в поисках хлеба. Порой встречались арестованные украинскими солдатами рабочие. Окидывая прохожих суровыми и упрямыми взглядами, они шли на расстрел...

Рустамбек глядел на них, и в его душу закрадывались прежние сомнения. Обильно проливаемая людьми кровь вызывала в нём чувство отвращения. «Так ли уж неизбежны эти варварства?» – думал он, и яркая звезда веры в свою правоту, которую он всегда считал путеводной, гасла, словно растворялась во мгле.

...Гремели пушки, время от времени, сотрясая здания, рвались снаряды. Казалось, Рустамбек не слышал этого, несущего смерть, грохота и гула. Несколько дней вынужденного безделья вновь ввергли его в тяжёлый душевный кризис. Чувство одиночества, безверие, сомнения продолжали угнетать его. И он не находил в себе сил, чтобы преодолеть затягивающее его в уныние состояние.

С утра до вечера он бесцельно слонялся по комнате, устав, садился за стол, листая книги, и тут же с ненавистью отбрасывал их, ложился на кровать, пытаясь осмыслить происходящее. Слышал биение собственного сердца, считал пульс. Один и тот же ритм, одно и то же биение рождали в нём удивительные мысли: «И жизнь, и история, и вечность – это постоянное повторение одних и тех же циклов. История – колесо, кружащееся на одной и той же орбите; то, что происходит сегодня, случилось многократно и повторится ещё не раз. А человек, сочтя эти ситуации новыми, увлекаясь, обманываясь ими, убивает и бывает убитым сам. Нет, эти события не новы, просто человек обманывает самого себя...»

Продолжая свои рассуждения, внутренне восстав против алогичности истории человечества, Рустамбек пытался уйти в пустоту забвения. Укутавшись в тогу суфизма, слиться с материнским морем. Нет, ни одна философия его не удовлетворяет. Кризис, снова всё тот же кризис!..

...Он был возле дома Гуламрзы, когда вдруг зазвенели стёкла, осколки рассыпались по тротуару. Рустамбек поднял голову, увидел образовавшуюся в тенте мага-

зина от прямого попадания снаряда большую дыру. Он поднялся по лестнице; обнаружил все двери запертыми. Видимо, жильцы покинули квартиры. Он проверил соседние квартиры. Всюду было одно и то же. Спустился в подвал, увидел в двух маленьких помещениях тесно прижавшихся друг к другу людей. Едва перешагнул порог, его окликнули знакомые голоса.

Гуламрза и Саяд поднялись с мест, бросились к нему.

– Слушайте, разве в такой заварухе стоило выходить из дому? – спросила Саяд. Трогательная улыбка на её губах стёрла все невесёлые черты.

– Скучно стало... И очень беспокоился за вас, – сказал он.

– Хорошо, что с вами ничего не случилось, – радостно сказала Саяд. – Знаете, очень страшно.

Помещение напоминало кочевье: сердитые голоса взрослых сливались с плачем младенцев, кто-то стирал пелёнки, поодаль готовили обед. Часть чумазой детворы спала, другие играли на полу. От устойчивой подвальной сырости мутило.

...Супруги не отпустили Рустамбека, и он провёл в этом подвале, не раздеваясь, две ночи. На третью ночь стрельба прекратилась. Наутро друзей разбудил оживленный шум на улице. Они выбрались из подвала.

– Большевики! Большевики! – слышались голоса, в одних из них ощущался траур, в других – надежда и радость.

– Сейчас не время отсиживаться, – сжав руку Гуламрзы, тихо прошептал Рустамбек. – Следует сжечь все бумаги. Наверное, Гулу уже приступил к провокациям.

Не мешкая ни минуты, они поднялись в комнату Гуламрзы. Окна были разбиты, по комнате гулял ветер. Они выдвинули ящик стола, быстро просмотрели бумаги. Тут же отправили в печь все протоколы комитета, печать и множество удостоверений.

Рустамбек предложил Гуламрзе отправиться в город:

– Что пользы дома сидеть? Пойдём, поглядим, что делается на улицах. Надо взять с собой старые паспорта, по ним не определишь, кто мы такие. Наверное, сейчас прежде всего ищут тех, кто принадлежит к украинскому националистическому движению. Вряд ли большевики станут интересоваться нами.

Оставив Саяд дома, они вышли на улицу.

Город был полон вооружённых людей. На улицы высыпали и горожане, не покидавшие свои жилища несколько дней. Бросалось в глаза, что совершенно исчезли нарядная одежда, меховые шубы, элегантные шляпы. Каждый старался выглядеть победней. Знакомые Рустамбеку офицеры скинули свои погоны. Патрули большевиков останавливали казавшихся им подозрительными людей, просматривали документы. Рустамбека и Гуламрзу проверили несколько раз...

– Гуламрза, отправляйся домой, погляди, что там, а позже приходи в кафе крымского татарина Ахмеда-эфенди. А я на часок загляну к себе.

– Что такое, Рустамбек? – заволновался Гуламрза. – Ты чего-то опасаясь?

– ... Во всяком случае, следует соблюдать осторожность. Пока наше положение официально не определено, ночевать дома не стоит. Гулу может сообщить кому-нибудь наши адреса, в такой заварухе можно погореть ни за что. Сейчас чувство ненависти многим застило глаза.

Вернувшись домой, Рустамбек не нашёл перемен. Только почувствовал встревоженность хозяйки. В первую очередь он просмотрел бумаги, сжёг те, что могли показаться подозрительными. Затем, сменив полотенце, умылся. В это время дверь широко распахнулась, и в комнату вошли вооружённые рабочий и двое солдат.

– Имеется оружие? – спросил рабочий и, получив отрицательный ответ, приказал начать обыск. В действиях солдат ощущалась неопытность.

Едва проводив их, Рустамбек сел за стол, чтобы побриться, и тут в дверях появилась вторая группа.

– Товарищи, а у вас есть мандат? – уже недовольно спросил Рустамбек.

– Вот наш мандат, – грубо ответил один из солдат, указывая на винтовку с открытым штыком.

– Товарищ, – поменял тон Рустамбек, – я пошутил. Можете производить обыск.

И эти солдаты были явно неопытны: прежде всего они искали оружие, не интересуясь ни книгами, ни бумагами. Продолжая бриться, Рустамбек краем глаза наблюдал за ними.

Кое-как обыскав комнату, солдаты направились к выходу.

Рустамбек поспешно оделся, вышел в коридор, запер за собой дверь. Попроцался с хозяйкой.

– Я ухожу, у меня дела. Не беспокойтесь, вероятно, буду отсутствовать несколько дней. Если станут спрашивать, скажите, что меня в городе нет.

Хозяйка хотела ещё о чём-то спросить, но Рустамбек, уйдя от вопроса, покинул квартиру.

Спускаясь по лестнице, он столкнулся с двумя солдатами: они рассматривали номера квартир.

– Товарищ, где тут восемнадцатая квартира? – спросил один из них, увидев Рустамбека.

– Выше этажом.

– Там живёт некий Рустамбек?

– Живёт... – не растерялся Рустамбек. – Это такой, с бородкой?..

– С бородкой или нет, этого мы не знаем, – буркнул солдат и стал медленно подниматься по лестнице.

«Значит, Гулу уже начал действовать», – решил Рустамбек и стремительно выбежал на улицу.

Рустамбек нашёл Гуламрзу в кофейне Ахмеда-эфенди. За отсутствием клиентов татарин сидел за столиком напротив своей русской жены, пил кофе. Ахмед-эфенди не придавал значения приходу Рустамбека. Так, будто в кафе не было посторонних, переговаривался с женой, даже не предложил посетителям кофе.

– Видишь, – отведя Рустамбека в сторону, пожаловался Гуламрза, – как ведёт себя этот сукин сын? Когда мы ему были нужны, он так обхаживал нас. Сколько раз помогали ему вернуть конфискованную муку!

– Всё это уже в прошлом, – огорчённо произнёс Рустамбек. – Недаром говорят: люди изменчивы. Будь, что будет, иного выхода у нас нет. Отправимся к коменданту города, – подумав, сказал Рустамбек.

– Ведь он может арестовать, приказать расстрелять. Сейчас все вокруг какие-то шальные, не в своём уме.

– Ничего. Идём.

– А что мы ему скажем?

– Найдём, что сказать.

Рустамбек направился к выходу. Гуламрза нерешительно последовал за ним.

Приёмная коменданта была полна народу. Входили и выходили какие-то люди в армейской форме, громко переговаривались, отдавали распоряжения. Сбившись в небольшие группы, тихо переговаривались направленные сюда представители различных городских организаций.

Войдя в накуренную приёмную, Рустамбек и Гуламрза постояли в нерешительности, затем, оглядевшись, обратились к сидевшему в углу за столом юноше, по-видимому, секретарю.

– Товарищ, – сказал Рустамбек, – можно увидеть коменданта?

– Коменданта сейчас нет, – вежливо ответил юноша. – И неизвестно, когда будет... Лучше вам прийти завтра.

Доброжелательный голос секретаря несколько успокоил Рустамбека. Он шёл сюда с опаской...

Приятели вышли на улицу. Остановились, не зная, что предпринять.

– Где же нам переночевать? – сказал Рустамбек. – У Имрана тоже небезопасно. Было морозно. В задумчивости они продолжали идти, как вдруг Гуламрза улыбнулся:

– Нашёл! Мы отправимся к Таптыгу.

– Кто такой Таптыг?

– Ого! В Киеве только один Таптыг. Поразительный человек. Здесь уже несколько лет. Профессия – мошенник. Три месяца назад затащил меня в гости. Живёт на Подоле.

– Дорогой, с какой стати? Не скажет, с чего вдруг?

– Ей-богу, не такой он человек, – сказал Гуламрза, беря Рустамбека под руку. – Ты увидишь, как он будет рад...

Таптыг жил, наверное, на самой неприглядной, грязной улице Подола. На стук в дверь вышел длиннородый еврей в каком-то балахоне, провёл их в затхлый коридор. Слева отворилась обитая войлоком дверь.

– Входите, входите, – сказал Таптыг, смуглый, большеносый человек, проводя их в свою крохотную, тёмную, пахнущую сыростью комнатёнку.

Неряшливо одетый, давно небритый Таптыг при этом весь излучал приветливость.

– Уж извините меня. Так вы осчастливили меня своим приходом, – приговаривал он, усаживая гостей на грязную постель.

Присев, Рустамбек обвёл взглядом комнату. На полочке, висящей на стене, стояли запylённые искусственные цветы, здесь же фотографии полуобнажённых женщин и портрет Саттархана¹. Занавеска на крохотном оконце была в коричневых подтёках.

Увидев, что Рустамбек разглядывает комнату, Таптыг сказал:

– Гуламрза, ты-то меня немного знаешь, а вот ... перед твоим приятелем мне совестно. Извините, так вот я здесь живу, словно дервиш. Мой отец – человек на Кавказе известный. Не скажу, что очень богат, но кое-что у него есть. Пишет, чтобы я возвращался, а я не еду... Такой уж я шлёпнутый.

Сказав это, он виновато улыбнулся.

– Ничего страшного, – сказал Рустамбек, – каждый из нас по-своему «шлепнутый».

¹Руководитель национально-освободительного движения в Южном Азербайджане в 1905–1906 г.г.

– Всё это от молодости... Живу, о будущем не задумываясь... Да и жизни нам отпущено – всего ничего. Живи, где тебе живётся хорошо.

– Таптыг, – сказал Гуламрза, – прошу тебя, расскажи, как ты продавал крысиный яд. – Но, видя, что Таптыг, застеснявшись, опустил голову, рассмеялся, стал рассказывать сам: – Однажды у Таптыга кончились деньги. Долго думал, что предпринять, но ничего путного не придумал. Наконец вернулся домой, взял мякину хлеба, скатал из него шарики, отправился на рынок, стал зазывать: «Крысиный яд», «Крысиный яд!» А Подол – это такой район, где люди не знают, куда деваться от крыс и мышей. Каждый шарик он загонял за двугривенный.

Пока Гуламрза рассказывал, Таптыг вышел в коридор.

Воспользовавшись отсутствием хозяина, Гуламрза рассказал и о других его «приключениях».

– Друг мой, – пошутил Рустамбек, – куда ты меня привёл? Ночью такой встанет, придушит нас.

– Конечно, он обведёт вокруг пальца любого. Но гость для него – святое. У этих прощелыг удивительные черты: если делил с кем-то хлеб-соль – никогда не предаст. Видишь, как уважительно он нас принял. Пошли на смерть – пойдёт, не задумываясь.

Рустамбек ещё раз удивлённо оглядел комнату.

– Хотя и мошенник, но, видать, человек идеи, имеет определённые убеждения. Видишь фотографию Саттархана? Неслучайно повесил фото не царя, а Саттархана.

... Обедали в хозяйской столовой: Таптыг мяса не достал, на столе были только колбаса и копчёная рыба.

– Извините, – сказал он, – мне так совестно перед вами. Не могу принять вас, как следует. Что делать, вы пришли не в лучшее время. В прошлом году мне подвернулись два татарина, они направлялись в Мекку. Как мне тогда жилось! Эх, какие это были времена! Студенты совершили революцию, перевернули всё вверх дном...

После обеда они вернулись в комнату Таптыга. Гуламрза был рассеян.

– Таптыг, – сказал он, – я очень тревожусь за Саяд. Ты мог бы пойти, узнать что-нибудь.

– Сейчас же пойду, – ответил Таптыг, приложив в знак готовности руку ко лбу. – Лучше напиши ей записку. – Он вытащил из-под тахты деревянный сундучок. – Бумага найдётся... Вы уж не считайте меня совсем недотёпой.

Он выбрал из кипы каких-то бумаг и книг грязный, мятый листок, передал Гуламрзе.

– Извини, у меня нет конверта. Я не люблю писать письма. Берите, ещё я дам вам книги. Почитаете, иначе заскучаете. В прошлом году, когда мне подфартило, по вечерам я читал эти книги... Эх, какие это были времена!.. – снова повторил он.

Таптыг вздохнул, вытащил из того же сундучка пару книг из серии о Пинкертоне.

– Прекрасные рассказы, у меня этих книг было много. Давал почитать хозяйке, а она, в свою очередь, знакомым. Книги были хорошие, конечно, их замотали... Что делать, приходится молчать, язык у меня короток, иногда не плачу за квартиру месяцами. Ведь мне везёт не всегда. Отец денег не оставил, а профессии никакой...

Таптыг уже привык к Рустамбеку и говорил, осмелев. Гуламрза написал записку, передал Таптыгу.

– Таптыг, – попросил Рустамбек, – ты мог бы зайти и ко мне?

– Обязательно! – с солдатской готовностью откликнулся Таптыг. – Пойду... Только дай адрес.

Получив нужную информацию, он напялил на голову облезлую меховую папаху, накинул на плечи красноватую епанчу:

– Знаете, сколько винтовок я пронёс под этой епанчой Имрану. В арсенале служил офицер, он загнал мне почти сто винтовок. Однажды я притащил целый чемодан наганов. Пока нёс, чуть не отдал Богу душу... Тяжеленный был чемодан... Словом, Бог помогает... Поглядим, что можно будет урвать у нынешних товарищей.

... Таптыг вернулся только через несколько часов. Трамваи не работали, весь этот долгий путь ему пришлось тащиться пешком.

– Никому вы не нужны, – сказал он, скидывая епанчу. – Всё спокойно. Я принёс каждому письма.

Быстро пробежав письма от Саяд и, соответственно, от хозяйки, Рустамбек и Гуламрза успокоились. Обысков больше не было. Лишь какой-то солдат спрашивал Рустамбека.

– А теперь, товарищи, – иронизируя над самим собой, сказал Таптыг, – наступил вечер. Давайте снова поедим рыбы с хлебом, вы ложитесь спать, а я отправлюсь на дежурство. Председатель нашего домового комитета – человек строгий, если не пойдёшь на дежурство, три шкуры сдерёт.

– А сколько часов будешь дежурить? – спросил Гуламрза.

– До самого утра. Хожу туда-сюда перед домом... – вдруг до того весёлый, ироничный Таптыг заметно расстроился: – Ей-богу, мне неловко перед Рустамбеком. Так принимать вас. Да разве брат станет угощать братьев копчёной рыбой? Не так я должен был вас принимать... – удручённо качал он головой.

Гости, говоря, что всем довольны, благодарили Таптыга.

...Не скрывая огорчения, Таптыг всё же пригласил их к столу.

Ужинали они вместе со стариком-евреем и его женой. Клеёнка на столе была выцветшей, посуда вся в сколах, вилки и ножи искривлены. Ужин состоял из всё той же очищенной копчёной рыбы, только на сей раз на столе рядом с чёрным хлебом лежали две белые булки. В углу комнаты шумел самовар.

– Таптыг Макарыч очень опечален, – говорила хозяйка. – Он обожает гостей, а вот не смог сегодня достать мяса. Я говорю: Таптыг Макарыч, не беда, товарищ Ленин совершил революцию, объявил равенство. Теперь все равны. Все станут работать на государство, и дела пойдут на лад. Вы знаете, как было тяжело жить в царское время? Евреи из предместий не имели права жить в городе. Однажды к врачу привезли больного еврея. Три дня скрывался у нас. Но полиция пронюхала и оштрафовала на сто рублей. Больной еврей умер в пути. Так мы исстрадались! Теперь товарищ Ленин вернул евреям человеческие права.

– Евреи не имели права даже держать лавки, – поддержал хозяйку Таптыг. – Кстати, одна еврейская лавка была записана на моё имя. – Таптыг, обращаясь к Рустамбеку, перешёл на родной язык: – Все ругают евреев. А я не видел от них ничего плохого: и сами зарабатывают, и другим дают. Они не завидуют, не ставят палки в колеса, как наши братья-мусульмане. Знаешь, как они поддерживают своих! А наш сукин сын – мусульманин – так и норовит придушить ближнего. Ей-богу, потому я и не хочу возвращаться на родину...

Раздался громкий стук в дверь. Старик приподнялся.

– Выходите на дежурство! – прокричал кто-то за дверью.

– Выхожу! Сейчас выйду! – крикнул с места Таптыг.

Хозяйка налила Таптыгу чаю, придвинула к нему сахарницу:

– Таптыг Макарыч, пейте, на улице холодно.

Таптыг налил чай в блюдце, выпил, затем, взяв прислоненную к углу винтовку, стал одеваться.

– Таптыг Макарыч, повяжите на шею башлык, холодно, замёрзнете, – крикнула вслед ему хозяйка и продолжила разговор.

И на следующий день им не удалось застать коменданта. Они прождали в приёмной больше часа и уже потеряли надежду, как вдруг кто-то крикнул:

– Рустамбек!

– Ваня, вы-то что здесь подельваете? – шагнул навстречу бросившемуся к нему военному Рустамбек. Бывшие сослуживцы расцеловались.

Ваня и оказался тем самым комендантом Киева. Он провёл Рустамбека и Гуламрзу в свой кабинет.

– Послушайте, какими судьбами? А мне говорили, что вы на Кавказе.

– Дороги перерезаны, выехать невозможно.

– Скоро станут безопасными, – серьёзно и уверенно сказал Ваня. – Бассейн Дона в наших руках, беспокойно только на Северном Кавказе, но и там вскоре мы наведём порядок.

Дверь кабинета часто отворялась, входили какие-то люди, приносили на подпись бумаги, просто и чётко рапортовали о деле. Ваня с естественной ему доброжелательностью принимал каждого посетителя и, одновременно беседуя с Рустамбеком, шутил, вспоминая фронтовую жизнь.

Наконец Рустамбек заговорил о своём деле:

– Мы, кавказцы, опасаемся, что во время нынешнего ожесточённого противостояния можем попасть в передрагу. Солдаты, с боями взявшие город, ожесточены, произошло множество серьёзных инцидентов, они происходят и сейчас...

– Во время военных действий подобные происшествия естественны, – прервал его Ваня. – Разве враг жалел нас? Мы обнаружили более ста тайных захоронений. Всё это, в основном, захоронения рабочих, как говорится, от станков, все они были зверски убиты... А разве мало нас погибло в окружении?.. Мы тоже безжалостны к классовым врагам. Если оставить их в живых, они, при возможности, своего не упустят...

Всегда добродушное лицо Вани посуровело, глаза извергали ненависть. Рустамбек слушал его спокойно, Гуламрза же был напуган, явно жалея, что явился сюда.

Ваня, подписав ещё несколько бумаг, успокоился. Рустамбек снова напомнил о цели своего визита.

– Никто не посмеет тронуть вас! – решительно сказал Ваня. – Я сейчас распоряжусь.

Он вызвал своего секретаря, поручил подготовить мандат. Рустамбек и Гуламрза облегчённо улыбнулись.

– Если у вас возникнут ещё проблемы, приходите, – сказал Ваня.

– Большое спасибо, – поблагодарил Рустамбек, поднялся и вышел.

...Национальный комитет был распущен, его члены, в погоне за куском хлеба, устроились кто куда, не находя времени даже для коротких встреч друг с другом.

Лишённый активной деятельности Рустамбек снова впал в депрессию. Он анализировал свою жизнь за эти несколько лет, раздражался, сознавая её несообразность. Все предпринятые им прежде шаги казались ошибкой. Критикуя себя, он пришёл к убеждению, что разум не способен приносить счастье, и чувство действительной рассудка. «Разум, – рассуждал он, – это сила, направленная на определение будущего. При отсутствии воли разум всегда барахтается во мраке и чаще всего заводит человека в тупик. Чувство же – течение естественное. Это – сила, отражающая зов природы, оно дарит душе спокойствие, судьбе – равновесие...»

После подобных рассуждений он страдал, ощущая в себе пустоту и горечь. В такие минуты вокруг него кружила тень несчастной Муси, нарушая внутреннее равновесие, принося страдания и муки. Чтобы забыться, Рустамбек уходил из дому, часами до изнеможения бродил по улицам. И лишь угасшая, истощенная энергия приносила ему подобие успокоения.

...Однажды с утра он снова ушёл из дома и, добравшись до окраин города, оказался возле кладбища. День был снежный, но чистый, безветренный. Ветви белых ив гнулись под тяжестью снега. Всё вокруг было полно тишины и печали. Он прошёл через кладбищенские ворота, направился вперёд по широкой аллее, к которой по обе стороны подступали одинокие могилы.

Рустамбек свернул направо. Шагах в сорока от него, над свежей могилой, усеянной цветами, плакала, опустившись на колени, девушка в простеньком полушубке.

Рустамбек придержал шаг. Голос девушки оторвал его от раздумий.

– Олеся! Это вы? – не веря поначалу своим глазам, воскликнул он, несмело шагнув к ней. – Кто покойный?

– Мать! – сказала девушка и вновь зарыдала.

И ему на какое-то мгновение показалось, что по ту сторону могилы, рядом с Олесею, ожил печальный лик Муси. Из сердца юной девушки, лежащей на ложе смерти, лилась чёрная кровь.

Рустамбек опустил на колени, закрыл руками глаза. Хлынувшие вдруг слёзы принесли облегчение, словно смыли вину, которую он ощущал.

– Рустамбек, я вас давно не видела, где вы были всё это время? – спросила Олеся, когда они вышли за кладбищенскую ограду. Она, конечно же, хотела понять и причину его слёз.

– Здесь, в Киеве.

Какое-то время Олеся молчала. Затем, вспомнив фронтовые дни, спросила:

– Рустамбек, не забыли вы фронт? Ах, как мы были тогда беззаботны! Куда делась Муся? Вы что-нибудь знаете о ней?

Рустамбек опустил голову, вытер застывшие на ресницах слёзы:

– Конец Муси оказался трагичным. Она покончила жизнь самоубийством!

– Что вы говорите! – воскликнула Олеся. – Мы переписывались, затем на время я уехала в Москву, и связь прервалась... Бедняжка! – Олеся жалостливо заплакала. – Наверное, эта любовная история... Она любила вас...

– Я никогда не думал, – огорчённо сказал Рустамбек, – что она серьёзно... окажется столь сильно в плену чувств.

Рустамбек подробно рассказал о происшедшем, добавил, какие муки совести испытывает.

– Олеся, – сказал он, – после того горестного события я полностью растерял душевное равновесие... Я не нахожу себе оправдания ... Я обрету утешение, лишь посетив ее могилу.

– Вы сейчас приняли это решение?

– Да, я считаю это своим долгом.

Они снова помолчали. Олеся вновь окинула Рустамбека взглядом, на его побледневшем лице запечатлелись следы глубоких страданий.

Перед отъездом Рустамбек направился к Имрану, чтобы забрать оставленные у него деньги.

С приходом большевиков Имран на всякий случай вывез из магазина всё более-менее ценное, опорожнил полки.

– Имран, – разглядывая пустые полки и не понимая, что могло случиться, спросил Рустамбек. – Твой магазин производит странное впечатление.

– Да накажет Аллах негодяев, – сказал Имран, – всё, что произошло, ударило в первую очередь по тебе и по мне.

– Что случилось? – всё ещё ничего не понимая, спросил Рустамбек.

– Ты ещё спрашиваешь! Вчера пришли и конфисковали весь товар. К тем дням, что ты у меня оставил, я доложил сумму вдвое больше, закупил шоколад, бисквиты. И всё это уплыло... Лучше бы ты не оставлял у меня этих денег. Они принесли мне несчастье!

Рустамбек огорчённо разглядывал Имрана, не смея даже заговорить о цели своего визита.

В это время отворилась дверь магазина, вошёл Гасаноглу. Он кивнул Рустамбеку как малознакомому человеку и тут же скрылся в подсобке...

...Впервые осознав всю глубину пропасти между собой и этими людьми, Рустамбек в задумчивости покинул магазин.

Он шёл, равнодушный ко всему, не зная, куда и зачем идёт. К переживаниям, связанным с Мусей, прибавилось и горькое осознание неумения разбираться в людях, когда любой проходимец мог обмануть, обвести его вокруг пальца. Теперь и Имран, и Гасаноглу предстали перед ним в их истинном обличье – торгоши, двуличные, лживые, присваивающие плоды чужого труда люди. И это рождало в нём ненависть.

Видимо, Имран проявлял уважение не к Рустамбеку, а к занимаемому им тогда положению, той выгоде, которую мог извлечь, поддерживая с ним дружбу... Рустамбек вспомнил, как Гасаноглу продавал «сахарин». Углубляясь в прошлое, Рустамбек «открывал» для себя то, о чём раньше не догадывался, не мог даже помыслить. И Национальный комитет, вероятно, был для них просто ширмой, и кто знает, какие ещё махинации творились рf этой ширмой!.. Просто ширма... И целью её была выгода – коммерция, торговля! Неважно, чем торговать – «сахарином», пистолетами, винтовками, а при случае – честью и добрым именем народа!

Он шёл, размышляя обо всем этом, и яд сомнений и собственной, даже не наивности, а, скорее, слепоты переполнял его и тяжелым грузом давил на душу. А потом, вдруг всё это отстранилось, ушло, и перед его глазами встало полное милосердия, сострадания и горечи лицо Муси.

Она укоризненно улыбнулась и исчезла, окончательно доведя его до полного отчаяния.

Рустамбек съёжился от внутреннего холода, остановился. Теперь ему не хотелось больше думать о подлости Имрана, он лишь хотел броситься на могилу Муси, смыть свою вольную или невольную вину...

После полутора суток пути поезд, наконец, остановился на станции небольшого городка. Он не передал чемодан носильщику, а понёс его сам. На привокзальной площади, в ожидании прибывших, стояли сани. «Пожалуйста! Пожалуйста!» – зазывали извозчики. Он сел в одни из них, автоматически назвал адрес... Едва сани остановились перед небольшим одноэтажным зданием, как приоткрылась занавеска, и в окне мелькнуло любимое, удивлённо-счастливое лицо.

– Муся! – крикнул он.

– Рустамбек! – раздалось в ответ.

Дверь стремительно распахнулась, и давно тоскующие друг по другу молодые люди, слившись в объятиях, заплакали.

Радости Муси не было границ. Радовался и Рустамбек, но к этой радости приешивалась озабоченность. Он ехал сюда, узнав о смерти Муси, отдать последний долг, поклониться памяти... Теперь же на него ложилась ответственность...

Муся провела Рустамбека в небольшую, аккуратно прибранную комнату.

– Вы поверили в мою смерть? – смеясь, сказала она. – Видите, какими психологами бывают женщины. Я знала, что вы колеблетесь. Всякое колебание приносит, в конце концов, огорчение, печаль. Я хотела, чтобы огорчение наступило как можно раньше. Опасность потери рождает решимость... Я не права? – спрашивала Муся и снова смеялась.

Рустамбек глядел на эту красавицу, напоминающую нежную пену, рождённую из родника жизни, и радовался. В то же время к этой радости примешивалась и червоточина огорчения.

– Как вы доехали? – продолжала осыпать его вопросами Муся, не помышляя о его новых сомнениях.

– Пришлось всю дорогу стоять на ногах... Люди в вагонах – как сельди в бочках. Сидеть, где попало, не хотелось: опасался тифа.

– Сейчас дороги очень опасны, – чуть подумав, искренне предупредила Муся. – Вы больше не уезжайте, работа здесь найдётся... И жить будете у нас.

– Сейчас трудно что-нибудь сказать... Поглядим.

– Снова «поглядим»? – доверительно спросила Муся. – Вы теперь должны слушаться меня. Я знаю жизнь лучше, чем вы.

– ?!

– Счастье состоит из случайностей. Мы должны превратить случайность в вечную, звёздную, весёлую реальность. Я посвящу вам всю мою жизнь, свои радости...

Её голос задрожал, оборвался. Чтобы скрыть слёзы, Муся прижалась к груди Рустамбека.

Несмелыми губами Рустамбек целовал её каштановые волосы, вдыхая их родной запах, и вместе с наслаждением ощущал тягость ответственности...

...Через три дня Рустамбек собрался в дорогу. Несмотря на всю настойчивость Муси, он не сказал ей ничего обнадеживающего.

Муся и её родные проводили его на вокзал. И по пути на вокзал, и на перроне все молчали. И это тягостное молчание длилось, пока не тронулся поезд.

– Счастливого пути!.. Будет время, напишите, – крикнула она несмелым голосом.

– Напишу, – ответил Рустамбек, с трудом подавляя в себе волнение.

Поезд тронулся. Рустамбек с огорчённым выражением на лице кивнул провожающим и обрадовался расставанию...

Баку, 1931–1934.

Э п и л о г

С тех пор прошло двадцать лет – двадцать лет опытов и испытаний. В течение этих двадцати лет герои этой книги стали свидетелями многих политических событий, некоторые оставались лишь безучастными их наблюдателями, а кто-то, став сопричастным к этим событиям, продолжил борьбу. С теми, кто избрал политическую стезю, мы, естественно, встретимся ещё не раз, но о судьбе некоторых, просто «свидетелей», хочется сказать сейчас, так как больше не будет возможным встретиться с ними. С горечью могу сказать, что Али ещё студентом повесился, покончил жизнь самоубийством.

Остальные живут каждый своей жизнью, у каждого свои интересы, своя среда, при этом они не ощущают нужды хотя бы изредка встречаться друг с другом.

Фарамаз женился, но продолжает, как прежде, ухлёстывать за женщинами. Девушка, которую родила Тося, время от времени наезжает погостить к нему из Киева, предпочитая, однако, жить постоянно с матерью. Парвиз – крупный советский работник в сфере хлопководства, проводит большую часть времени в уездах. Наезжая в город и случайно попав в компанию прежних товарищей, с тоской вспоминает Киев и по-прежнему поёт свою любимую песню: «Я счастлив был, мою свободу отняла...»

Искендер поседел, и в нём не осталось ни следа от прежней «божественности». После того, как национализировали родовое поместье Ниязи, он перебрался в Баку и работает библиотекарем. Где пребывают Меджид и Гасан, неизвестно. Вартан служит в Советской Армении, а Каспар, примкнув к дашнакам, уехал за рубеж. Сказывают, что Оджагверди по-прежнему остаётся истово верующим. Бахрам – врач. Работает в нескольких клиниках, поэтому вечно по горло занят. Даже приходя домой, он не знает покоя, помогает жене перебирать рис, готовить обед. Джафар и Джалал живут в уездных городах.

Баку – 1935.

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

***На открытие памятнику
Альфреду Нобелю в Баку***

Пожилой господин присел на скамейку в саду,
В том же самом саду, что в далеком году
Братья Нобели в нефтяном посадили Баку,
Что в пыли задышался и в мазутном чаду.
Господина прославит не то, что открыл динамит,
А награда, которая на весь мир прогремит,
Не оружие смерти, а идея Добра –
Бескорыстный заслон и надежнейший щит
От неправой хулы недалекой толпы,
От ударов слепой и капризной судьбы.
Нобелиантов растет и растет череда,
Хоть и выбор не точен, не беспорен всегда,
Но великих умов, гениальных идей
Не иссякнет поток на планете людей.
Пожилой господин знал: найдется ответ
На помехи, прогрессу заслонявшие свет.

Так себя обессмертил Нобель Альфред.

В этом номере у нас дебютирует Айдан. Об Айдан мы мало что знаем, ну разве то, что закончила институт, пишет стихи и прозу: сказки, басни, притчи, и что под произведениями своими, как живописец под полотнами, ставит подпись – Автор Айдан. И еще мы знаем, как Айдан обрадовалась, дозвонившись до нас. Она была рада, что вещи можно присылать в журнал, их прочтут, и было даже не важно, напечатают или нет, они соприкоснутся с литературой.

Таковыми «пламенными страстями» горят многие молодые авторы, впервые представившие свои работы в редакцию. И я, когда в свое время, будучи еще студентом, впервые принес свой рассказ в журнал, пережил те же чувства и получил признание от Мансура Векилова, тогда ответственного секретаря журнала: «...до печати еще далеко!..». Я был рад тому, что она возможна. Рассказ я оставил, к нему уже больше не возвращался. Он уже получил свою оценку, говоря по-современному, лайк. Лайк от Мансура Векилова.

У Айдан публикация состоится уже сейчас. Конечно, до признания читателями подписи – Автор Айдан, «еще далеко». Мы все же решили, мало что меняя, не приукрашивая, опубликовать Айдан, оставив автора таким, какой он есть. Притчи Айдан понравились, они такие, каким положено быть притчам, с подтекстом. Затрагивают актуальные в наше время темы. Словом, мы даем свой лайк притчам Айдан. А соберет ли она их в достаточном количестве, чтобы они определяли ее, как Автора, покажет время.

Н. Агасиев

ПРИТЧИ ОТ АЙДАН

Голубоглазый кларнетист

Жил в одном городе Кларнетист, и случились у него именины, впрочем, как это случается и у всех людей на свете. И премилая крестница подарила ему восхитительный подарок – статуэтку: две золотые ладони, держащие рубиновое сердце, где было выгравировано: «Самому доброму человеку». У Кларнетиста и вправду было очень мягкое, словно белый хлебный мякиш, доброе, отзывчивое сердце. И одна удивительная особенность: стоило ему слегка заволноваться, как его глаза мгновенно менялись из светло-серых в дивно-голубые, как ярко-голубые гортензии, которые Кларнетист с особенным трепетом выращивал в своем саду. Поэтому люди вокруг так и прозвали его – Голубоглазый Кларнетист.

Ну так вот, в доме у этого самого Голубоглазого Кларнетиста и произошла эта изумительная история. А началась она с того, что вместе с подарком крестницы в доме у него поселился чудесный, размером с булавочную иглолку, эльф, который жил в этом ярко-пурпурном рубиновом сердце. Хотя если эльфу вдруг почему-то становились не по душе хозяева дома, он мог улететь от них навсегда. Но добродушный Кларнетист и его жена так приглянулись эльфу, что он, не раздумывая, принял у них жить да поживать.

По утрам эльф играл в салочки с майскими жуками, бабочками, божьими коровками, днём купался в цветочной пыльце, а после, прыгая с лепестка на лепесток, оставлял на них крохотненькие жёлтые слезочки от пыльцы, походившие на самые

малюсенькие солнечные пятнышки. Эта забава так нравилась эльфу, что он от удовольствия заливался звонким, радужным смехом и хлопал своими прозрачными, крохотными крылышками. А вечером удобно устраивался на макушке Голубоглазого Кларнетиста и любовался вместе с ним удивительным садом из голубых гортензий, которые, словно поле небесно-голубых бабочек, трепетали под летним ветром своими шелковыми лепестками. После Кларнетист предавался сладостным мечтам и воспоминаниям прошлого, а эльф, слушая его славные мысли, как убаюкивающие сказки, улетал в своё ярко-пурпурное царство, где умиротворённо засыпал. Так прошли месяцы безмятежных деньков. Но однажды Кларнетист пришёл домой полный такой тоски и боли, что эльфу стало как-то не по себе, он даже продрог от холода, исходящего от него, хотя на дворе стояла макушка лета. Голубоглазый Кларнетист был похож на мрачную, серую, осеннюю тучу. Тяжело вздыхая, он подошёл к комоду, сердце его стучало, как тысячи колоколов, и в глазах его от глубокой тревоги вспыхнули голубые гортензии. Он выдвинул ящик комода, достал оттуда кожаный футляр для парных кларнетов и, посмотрев на свои славные инструменты, с горькой жалостью проговорил: «Ну, всё, братцы, прощайте. Ах вы мои бедняжки, лежать вам в тёмных дубовых ящиках комода, когда мне ещё придётся на вас играть?!». Едва сдерживая слёзы, он рассказал своей милой жёнушке, что некоторое время назад в их город приехало варьете, которое в мгновение ока стало для всех его жителей сладостным увлечением. А их достославный симфонический оркестр ушёл в небытие и распускается за ненадобностью.

– Весь город, от мала до велика, словно обезумел. Он превратился в ненасытную плоть и упивается бездонной пустотой, – говорил он с горечью. – А бесценную музыку великих творцов, выкорчёвывая с корнем, выбрасывают, как какую-то поганку или сорняк.

Он запнулся, и слёзы невольно хлынули из его теперь уже иссиня-голубых глаз. Эльф всё это время сидел на рубиновом сердце и чистил свои прозрачные крылышки от цветочной пыльцы. От услышанного у него пребольно защемило сердце. Он подлетел и сел на темя Голубоглазому Кларнетисту, поглаживая его своими маленькими крылышками. Жена у кларнетиста была женщиной умной.

– Злую печаль гони доброю мыслью, – посоветовала она. – И не стоит так сильно огорчать свое сердце, и опережать события, может, всё и изменится к лучшему?!

Кларнетист только растерянно развёл руками и открыл окна в сад. Луна в эту ночь светила на удивление ярче обычного, и мягкий лунный свет легко просочился в комнату, осветив комод, на котором стояла статуэтка, подаренная Кларнетисту его крестницей. А рядом с ней лежала старая, исписанная от корки до корки тетрадь его покойной матушки. Он подошёл и, взяв её в руки, открыл наугад. Неожиданно лицо его восторженно просияло, и он, улыбнувшись всем своим тревогам и печалям, успокоился сердцем и с лёгкой душой лёг спать. А лунный свет продолжал ярко освещать комод, на котором лежала тетрадь, оставленная раскрытой, где беглым почерком его драгоценной матушки было написано: «Предай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся».

Когда в доме пробило три часа ночи, эльф подлетел к комоду, проскользнул сквозь щель к кларнетам, помахал над ними своими прозрачными крылышками, и из них дождём посыпались золотистые блёстки и звёздочки, которые покрыли инструменты изумительно сияющим флёром. А через несколько дней под открытым небом

состоялся прощальный концерт самого лучшего симфонического оркестра, где с юных лет играл и наш герой – Голубоглазый Кларнетист. Вот тут-то и случилось это чудесное перевоплощение, которое навсегда перевернуло жизнь тихого, ничем не примечательного провинциального города. словно по чьей-то непререкаемой воле на этом концерте собрались все жители до единого – от мала до велика, от простых и бедных до самых именитых и богатых людей. Даже мэр вместе со своей семьёй оказал честь и прибыл. Горожане удобно расположились в предназначенных им местах. Дирижёр, со слезами на глазах в последний раз окинув взором зрителей, взмахнул своей дирижёрской палочкой, и оркестр заиграл. У всех музыкантов в этот день громко колотилось сердце, а тело пробирала дрожь – вы думаете от волнения? – отнюдь нет, это было от тоски и безысходности, которыми был пропитан воздух вокруг них в этот день. Только Голубоглазый Кларнетист сидел умиротворённо с неистовой верой во что-то очень доброе и светлое. Оркестр сыграл увертюру и медленно затих – кларнет божественно запел своё последнее соло. Но что это?! У всех перехватило дыхание, зрители замерли в оцепенении. Им показалось, что сам ангел-хранитель музыки спустился с небес на землю и заиграл. Звуки, упоительно журча, взлетели вверх переливающимися блёстками и обернулись в невидимые человеческим взором две большие золотые ладони, словно это были ладони самого Бога, на которых ослепительным огнём вспыхнуло огромное огненное сердце. Свет, исходивший от него, был животворным, он проникал в самую суть человеческих сердец, превращаясь там в маленькие, сияющие звёздочки. Но если повнимательней приглядеться, можно было бы увидеть, что это вовсе не звёздочки, а крошечные блистающие эльфы, посланные Богом, дабы очистить от смердящего себялюбия и черствого равнодушия сердца людей. К самому финалу концерта усердные эльфы все же успели отмыть сердца жителей города до солнечного блеска. Суета сует, ржою проевшая их жизни, улетучилась дымкой под порывом истины и божьей благодати. И люди, словно радужные бабочки, вылетели из тысячепудовых свинцовых коконов эгоизма на свет божий, высвободив свой бессмертный, великий Дух из плена сиюминутных страстей и наслаждений. Мир открылся им в своём истинном смысле: жить во благо другим, когда каждый человек для тебя не чужой и далёкий, а неотъемлемая, родная частица тебя самого. Это и есть единственный путь к счастью. Ну что ж, музыка исполнила свою священную миссию, наполнив людские души особым светом – божественной мудростью.

После концерта мэр объявил симфонический оркестр достоянием их города и вписал имена всех его исполнителей золотыми буквами в книгу самых почетных и уважаемых граждан.

А варьете в тот же день покинуло город, и никто больше их не видел и никогда не вспоминал о них.

Вечером Голубоглазый Кларнетист блаженно сидел в своём излюбленном кресле и смотрел в сад с голубыми гортензиями, и они, как в зеркальной глади, отражались в его глазах. Эльф крепко поцеловал его прямо в маковку, и Кларнетист закрыл глаза от необъяснимого удовольствия: на мгновение ему привиделось, что благодатные руки его добрейшей матушки погладили его изрядно поседевшую голову. Исцеляющие руки матери – словно руки самого Бога. Он понял это сейчас, и слёзы прозрачными бусинками скатились по его морщинистым щекам. А может, это ему и не привиделось, а случилось на самом деле, откуда нам знать. На свете так много всего, неподвластного человеческому разуму и скрытого от людских взоров.

Волшебная сила искусства

Жила-была девушка. Стоило ей проснуться и, свесив ноги с кровати, коснуться пола, как она тут же взлетала. Жителей города эта ее способность крайне раздражала. Одна часть горожан ее осуждала: «Вон, опять вспорхнула наша пташка, летает!..», другая – смеялась над ней: «Вот чудачка!..Куда летит?..» Всерьез ее не воспринимали и не хотели иметь с ней никакого дела. Не было у этой девушки во всем городе ни единой родственной души. Но она не могла ничего поделаться с собой, не могла измениться – летать было ее врожденной потребностью.

Однажды девушка задумчиво летела по небу, да так углубилась в собственные мысли, что и не заметила, как очутилась в картинной галерее некоего города N. Перелетая из одного зала в другой, она оказалась перед картинами Марка Шагала. Девушка загадочно улыбнулась, годами не разрешавшаяся проблема в один миг разрешилась сама собою.

Девушка скупила все буклеты и репродукции картин Шагала, забрала их с собою в свой город, чтобы раздать жителям. Горожане, увидев картины, взмахнули руками и взлетели...

Оказалось, что все, кто родился в этом городе, умели летать. Это было их естеством. Но одна часть жителей боялась этой своей способности, а другая – стыдилась. Но и те, и другие сходились на одной мысли, что летать – это сверхопасно и сверхлегкомысленно. Однако картины великого художника, где почти все его герои летали, как дышали, свободно и естественно, раздвинули границы сознания горожан, сокрушили надуманные предрассудки, которые не одно поколение держали в своих стальных тисках.

Чудак

Жил-был Чудак. И была у Чудака мечта чудесная, да чудаковатая. Хотел он придумать такое слово, которое могло бы объединить всех людей и сделать их счастливыми. Долго он думал, много слов перебрал, но ничего придумать не смог. Тогда решил Чудак: «Природа всё же мудрее человека. Пойду-ка я и поучусь у неё». Сказано – сделано. Вышел он из дому и пошёл, куда ноги его повели. Увидел он сидящего на ветке воробья. Воробей чирикнул: чик-чирик, и все птицы с соседних деревьев слетелись к нему. Встретил собаку, она залаяла: гав-гав, сбежались к ней все окрестные псы. Проходил чудак мимо пастбища и попала ему на глаза корова, та замычала протяжно: му-у-у-у, и большое стадо коров издали послушно двинулось в её сторону. Тогда встал Чудак посреди городской площади и позвал: «Люди!», но никто не отозвался. Затем крикнул: «Спасите!», но никто не пришёл на помощь. Он ещё раз попробовал: «Любовь!». Но и на этот раз его зов остался безответным. Не теряя надежды, Чудак прокричал во весь голос: «Бог!», и вновь тишина и безмолвие вокруг. Он ещё и ещё, до хрипоты, голосил: «Люди! Спасите! Любовь! Бог!».

Но это был – глас вопиющего в пустыне. Ничего не оставалось ему, как уйти ни с чем с городской площади. Просто так, напоследок, он бросил: «Деньги! Власть! Слава!». И уже через несколько минут на площади негде было яблоку упасть. Люди валом валили и толпились, как на базаре. Они наперебой говорили друг другу:

– Вы случайно не видали торговца?! Очевидцы говорят, что он лишился ума и за бесценнок распродаёт редкостные несметные сокровища.

– Он уже битый час как торгует, а мы его только сейчас услышали...

– Верно, мы опоздали, и он ушёл в соседний город?!

– Айда за ним в погоню!

И тут вышел из толпы ушлый делец и так объяснил всё произошедшее:

– Не было никакого торговца. По нашему городу прошёл пророк. Я был рядом с ним, когда он провозгласил: «Люди! Спасение ваше, и любовь, и бог – деньги, власть, слава!»

Народ, толпящийся на площади, дико закричал от радости и завыл от удовольствия.

– Это истинный пророк!

– Его слова калёным железом выжжены в наших сердцах. И ничем их оттуда не вывести. Да здравствует неведомый пророк!

– И раз пророк ушёл, и неизвестно, когда вернётся обратно, ты будешь нашим светочем, ты поведешь нас к счастью! – обратилась толпа к ушедшему дельцу.

– Идите за мной, я поведу вас к свету! – завопил он в исступлении.

Вот и пошли люди за ним. И до сих пор идут безумной толпой. Но как не было между людьми взаимопонимания, как были они несчастными, утопая в беспросветной тьме невежества, такими остались и до сей поры.

О чем мечтает Смерть

Было ли это, не было ли, но как-то раз Смерть обратилась к Богу с весьма странной просьбой:

– Бог, ты всемогущ, переделать созданное тобой никто не в силах, кроме тебя самого. Прошу, измени моё имя!

– А чем тебя не устраивает твоё нынешнее имя? – спросил Бог.

– Есть у меня заветная мечта! И если назовёшь ты меня как-то по-другому, – более светлым и жизнерадостным именем, – изменюсь я, и мечта моя воплотится!

– О чём же ты мечтаешь, Смерть?!

– Мечта моя – познать, что такое радость, всем своим существом испытать её, залиться звонким, весёлым, светлым смехом. Ведь я никогда не знала, что такое радость, смех. Каждый день, испокон веков, выполняя свою работу, я не задумывалась: то, что я делаю – хорошо или плохо?! Я была уверена, что занимаюсь тем, для чего предназначена.

– А что поколебало твою веру и заставило думать иначе? – спросил Бог.

– Люди! Они с самого своего рождения и до конца дней своих враждуют со мной. Они избегают и проклинают меня, неистово умоляя тебя продлить им годы земной жизни, дабы отсрочить встречу со Смертью. Ибо я для них – олицетворение всего самого злого и ужасного. А что может быть хуже этого?!

– Назови тебя я хоть благополучием, хоть радостью, даже самым счастьем, ничего в тебе не изменится. Имя – всего лишь оболочка, эфир. Без наполняющей её сути, она пуста и никчёмна. Тебе, Смерть, надо изменить свое естество. А твоя суть такова, что ты никогда ни к кому и ни к чему не привязывалась, ничем не делилась, ничего никому не отдавала. Твоим извечным делом всегда было отбирать без спросу, навсегда и безвозвратно, не испытывая при этом ни радости, ни горя. Такова твоя сущность. А мыслимое ли дело – пойти против своей природы?!

– Я этого очень хочу! Я никогда не была другой, и мысли у меня не было такой – измениться. Но сейчас я жажду обновления, какого-то нового, неизведанного, яркого, отрадного чувства! А ты, Бог, мне в этом помоги. Ведь только тебе одному до конца всё ведомо и подвластно!

– Дерзай! – ответил Бог.

И Смерть ушла на край земли, где у неё был вроде бы как сад. Только из-за отсутствия надлежащего ухода он превратился в унылую каменистую долину. Смерть, засучив рукава, принялась за работу. Через неделю серая каменистая долина обернулась цветущей идиллией. Смерть оказалась виртуозной садовницей. Вы, наверное, по меньшей мере удивлены и воскликнули, дорогой мой читатель: «Невероятно! Где Смерть, и где благоуханный, цветущий сад?!» Но пути Господни неисповедимы – то ли ещё будет! В саду у Смерти выросло множество разных растений: от вычурных цветов до экзотических деревьев. Но лучше всего ей удались – тыквы и грушевые деревья. Груши свисали с веток большие, сочные, лоснящиеся, словно жёлтые светящиеся люстры, с тонким душистым ароматом и с послевкусием цветочного мёда. А обворожительно-оранжевые тыквы, сладкие, как шоколадная патока, были похожи на сказочные янтарные кареты. Смерть переделалась обычной селянкой и каждую неделю привозила на базар свой самый отборный товар. За очень короткое время у неё появилась целая армия покупателей. Они каждое воскресенье – это был большой базарный день – с нетерпением, а самое главное – с радостью ожидали её приезда. Смерть и подумать не могла, что встреча с ней может доставлять людям такое искреннее удовольствие. Однажды Смерть и вовсе была огорошена. Один маленькиймышлёный мальчуган смастерил кораблик из дубового дерева, с настоящими тряпичными парусами из материи в жёлтый горох. И в один из воскресных дней подарил его селянке. Получить подарок от людей в знак благодарности?! Ну, этого Смерть никак не ожидала! Она даже с какой-то не присущей ей ранее нежностью поблагодарила мальчугана. А тот, раскрасневшись от смущения, ответил ей искренним, радостным смехом. Его чудесный хрустальный голосок, словно благоуханный цветочный аромат, проник в Смерть, и она вслед за ним разразилась весёлым, неудержимым хохотом. Жёлтые горошины на парусах засветились и забегали по её лицу солнечными зайчиками, ей стало ещё светлее, ещё радостнее, и она засмеялась ещё звонче и разительнее. «Какой восторг! – подумала Смерть. – Каждый воскресный день я привозила людям фрукты и овощи, которые выращивала в своем саду, а взамен получила нечто большее – радость и любовь!» Испытав от этого нового, неизведанного чувства – подлинное счастье, Смерть вновь оказалась пред Богом.

– Ну что, Смерть, ты довольна? Сбылась твоя мечта?!

– Сбылась! – улыбнулась она. – Я и не знала, что могу так искренне и восторженно смеяться. А где был ты, Бог, в это время? – спросила Смерть.

– Я был тем звонким детским смехом, – тихо ответил Бог.

И Смерть еще раз убедилась в величии и непостижимости того, кто создал её.

30-ЛЕТИЮ ВЫВОДА СОВЕТСКИХ ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА

СЕРГЕЙ ШАУЛОВ

ВОСТОЧНАЯ БЫЛЬ

1

Шьют знамёна пулями...
Как штыки к стволам,
К батракам примкнули
Мускулы дехкан.

Упразднён двуглавый
Царственный орёл,
Перья его палые
Мёртвый ветер мёл.

И закаты хлещут
Кровью колдуна,
И лежит вся в алом
Божия земля.

2

Русь в декретах пламенных.
В путь большевики
За кордон направили
Первые шаги.

За горами долгими
Скрыт Афганистан,
Минареты звонкие,
Зной, лазурь, дурман.

Миссию к эмиру
Поддержал Кабул,
И по странам мира
Покатился гул.

Договор подписан.
Мраморный дворец
Молодой покинул
Миссии боец.

В этот час – к удаче ль –
Пробегал Гермес,
Место обозначив,
Громыхнул с небес:

– На базар гортанный,
В перезвон монет
Заходи, желанный,
И живи сто лет!

Матушке приглядывай
Шёлк или шитьё,
А сестрёнке ласковой
Серьги и кольцо.

Солнце дарит щедрые
Сочные лучи,
Сладкие восточные
Славятся харчи.

Шёл боец, расхаживал
В лавках, по рядам...
Пухлые духанщики
В дрёме знают срам.

Рядом, перед лавками,
На пыльном пяточке
Продают завёрнутых
Девушек в парче.

У бойца убийственно
Сердце разошлось...
Для одной-единственной
Платья не нашлось.

С полонянкой дикою
Встретились глаза,
Взгляд её пронзительный
Многое сказал.

Кольца, серьги – в сторону,
Кончен разговор.
На свои законные
Вышел чуб в разор.

Вырвал у насилия,
Выкупил судьбу,
Стройная смугляночка
Больно по нутру!

Полтора десятка
Минуло с тех пор,
На полу посапывал
Смуглый чистый хор.

Да беда нагринула –
Мечена вдова:
У бойца сердечного
Снята голова.

Точку не поставить –
Ниспошли мне сил...
Рок моё Отечество
Свастикой чертил.

В стороне немецкой
Сын вдовы зарыт.
Сердце материнское
По ночам болит.

Годы. Раны. Линии...
 Вновь Афганистан.
 Батальоны вывели,
 Правнук сгинул там.

Там-м-м, наверно, маки
 Кроет злая пыль.
 Лепестком восточная
 Облетает былль.

Шьют знамёна пулями...

«Двоечник»

Школа стонет, школа скачет,
 Переменка, пирожки...
 Подзатыльнички означат
 Окончанье беготни.

Вот урок, а вот задача:
 Нерадивый у доски.
 Он и радость, он и диво,
 Он изнанка у тоски.

Он готов ворочать горы,
 Рот разинули дружки:
 – Теорема Пифагора?
 Енто вам не пирожки.

«А» в квадрате, «В» в квадрате,
 «С» в квадрате, нечет-чёт...
 А в итоге, в результате:
 – Эх, «квадратик» в дневничок.

Зоология: лягушки, черви,
 Черти, нечет-чёт...
 А в итоге, в результате:
 – У-у-у, «гусыня» в дневничок.

Кончен бал, погасли свечи.
 Непутёвый загрустил...
 Будет вечер, будет встреча,
 Оправдаться нету сил.

– Ну, сынок! Какие вести,
 Чем отмечен школьный день?
 А в итоге, в результате:
 Свищет кожаный ремень.

Нерадивый, непутёвый...
 Служба. Долг. Афганистан.
 А в итоге, в результате:
 – Мальчик мой!..
 – Не старься, мам...

По убиенным зажигаю свечи!!!

**В звоннице заревом зреет закат,
В звоннице умер звонарь-музыкант.
На святой Руси колокольная тишь.
Колокол! Колокол! Что ты молчишь?**

**В зеркале зарево – блещет восход,
К вере качнулся заблудший народ.
Тихие дождички катятся с крыш...
Русь колокольная! Что ты молчишь?**

АВТОБИОГРАФИЯ ПО СЛУЧАЮ ВСТУПЛЕНИЯ В СП

Я, Шаулов Сергей Абрамович, родился при гарцующем свете двух керосиновых ламп 28 декабря 1950 года в селении Тумаслы Шарурского района Нахчыванской Автономной Республики, недалеко от ворчливой реки Арпачай, упоминаемой в «Путешествии в Арзрум» самим Пушкиным. Можно сказать, мы дышали с Александром Сергеевичем одним воздухом. По ноздреватым, как снег, фиалковым вёснам в родимый край прилетают большекрылые аисты, выводят птенцов, помечая их одинаковыми метками.

В 1955 году наша семья переехала в город Баку. Столица поразила громадой домов, оглушила какофонией звуков, смутила сумятицей улиц, очаровала морем и гирляндами вечерних огней. Сладкий дурман олеандра вперемешку с запахом нефти – вот уникальный коктейль богов и фланирующих по бульвару бакинцев.

В 1958 году с нетерпением пошел в первый класс школы №232. Вступая в ряды октябрят, слюнявил красный карандаш и окрашивал пятиконечную вырезку, чтобы ярче горела моя картонная звездочка.

В третьем классе из-за переезда в милую моему сердцу «хрущёбу» – первое в жизни трёхблочное, но своё-своё-своё однокомнатное гнездышко – перевёлся в ставшую тоже родной школу №154, которую радостно окончил в 1968 году. Ура!

В 1975 году защитил «синий диплом» Киевского института инженеров гражданской авиации. В памяти до сих пор расцветают каштаны, слышатся напевы украинской мовы и позывные радиостанции «Проминь».

Молодым специалистом в бакинском аэропорту Бина обслуживал легендарные «Ил-18».

Не моргнув глазом, накатили девяностые. Грянул великий Распад. Вслед за булгаковским генералом Чарнотой вопила душа: «Господа клошары! За деньги можно купить любовь женщины, виллы, яхты, чего угодно, но нельзя выклянчить, упрятать в шляпу Страну. Особенно такую, как моя, первой рванувшую в космос!»

С 2000-го года в журнале «Литературный Азербайджан», альманахе «Содружество», ежемесячнике «Мир литературы» публикуются мои стихи и рассказы. Именно сквозь туман первых, довольно поздних (в 29 лет) стихотворений открылся кремнистый, полный ухабов и безмолвия путь к СЛОВУ.

НИДЖАТ МАМЕДОВ

СУБЪЕКТИВНЫЕ ЗАМЕТКИ ЛЮБИТЕЛЯ HORROR

Мы не ошибемся, если возьмемся утверждать, что страх – первая и главная эмоция, испытанная человеком. Вся мифология и религия тому свидетельство. Если главным страхом первобытного человека был страх перед силами природы и дикими зверьми, то вторым и более ужасным был страх сна, когда эти силы и звери могли беспрепятственно добраться до беззащитного тела. Кстати, существует предположение, что ночной храп достался нам в наследство от пещерного человека, который, издавая во сне устрашающие звуки, тем самым отпугивал непрошенных гостей. С развитием цивилизации внешние страхи перекочевали вовнутрь, а жанр horror стал активно эксплуатировать первобытный страх перед сном, как, например, в знаменитом «Кошмаре на улице Вязов».

Между сном и смертью, как известно, часто проводят параллель. Сон называют малой смертью, а смерть – вечным сном. И, держа в голове эту аналогию, можно попытаться понять суеверный страх человека перед ожившими мертвецами: раз человек просыпается после сна, то что мешает ему восстать из мертвых? Анестезирующая функция религии, кроме всего прочего, направлена на обещание того, что умерший воскреснет за чертой смерти, где и получит воздаяние или наказание по своим заслугам. А похоронные ритуалы, увенчивающиеся тяжелым надгробным камнем и обильными поминками (достойными проводами), кажется, бессознательно направлены на то, чтобы факт смерти оказался окончательным и бесповоротным, и тело, покинутое духом, не вернулось в среду покуда живых.

Именно эти беспокойные и полубессознательные соображения породили в литературе и кинематографе фигуру зомби. Уже в 1930-е годы появился один из первых фильмов на эту тему – «Белый зомби». (Справедливости ради отметим в скобках, что нечто, напоминающее зомби, встречается и в европейской культуре. Это – Голем, глиняный истукан, оживляемый с помощью заклинаний каббалы. В 1914 году под названием «Голем» вышел роман Густава Майринка, один из значительных памятников литературы экспрессионизма). Но в культуре массовой зомби получили настоящую популярность благодаря фильму Джорджа Ромеро «Ночь живых мертвецов» (1968). Критики отмечают, что фильмы Ромеро остросоциальны: в «Ночи живых мертвецов» поставлена проблема расизма, а в «Рассвете мертвецов» проблема общества потребления и современного капитализма.

Если Ромеро использовал зомби в качестве фона для своих идей, связанных с марксизмом, мультикультурализмом, расизмом, то Славой Жижек утверждает, что живые мертвецы отсылают к проблемам «забытых» жертв Холокоста и ГУЛАГа, и пока мы не интегрируем эту травму в нашу историческую память, говорит Жижек, «мертвецы» не перестанут нас беспокоить снова и снова.

Хотя на сегодняшний день возможен и другой взгляд: зомби – это все мы, неспособные оторваться от экранов смартфонов, тупящие часами в соцсетях, мы, лишенные памяти и притупившие восприятие, которого хватает лишь на трехминутные

ролики youtube. Известно, что зомби питаются человечинной, в основном, человеческим мозгом. *Wəlkə də ɒnə ɡɔrə ki, zɒmbilərin ɔzləri beɪɪnsɪz peɪɪndɪrlər.* Так и спросшийся с телефоном современный безмозглый человек – удобрение, из которого родится в скором будущем киборг.

Жак Деррида всегда предостерегал от выстраивания бинарных оппозиций как универсального инструмента понимания мира – считал, что это тоталитарная ловушка, упрощение. Однако иногда без этих оппозиций не обойтись. И мы опять же не ошибемся, если в качестве оппозиции зомби противопоставим фигуру вампира. В отличие от тупых, отталкивающих зомби, вампиры умны, вечно молоды и (гомо)сексуальны. Авторы, пишущие о вампирах, сходятся в одном: вампиры – это метафора исключенных из общества маргиналов, гомосексуалистов, евреев, женщин, детей, безумных и т.д. Мишель Фуко в своей «Истории безумия в классическую эпоху» доказывал, что в Новое время безумными, кроме всех прочих, считали и многих маргиналов – проституток, извращенцев, гомосексуалистов. И, видимо, те, кто в массовом сознании при жизни считался безумным, после смерти становился вампиром. Американская исследовательница Стэйси Эббот считает, что вампиры являются метафорой модернизации, т.е. именно данная разновидность монстров модернизируется вместе с западным обществом. Поэтому неудивительно, что в последнее время мы столкнулись с постмодернистским вампирским кинематографом. В качестве примера можно назвать «Выживут только любовники» Джима Джармуша: Адам и Ева – любовники. Он – музыкант-виртуоз, коллекционер гитар и прочих струнных инструментов. Она – бледная красавица и запойная читательница поэзии. Оба бессмертны. И обоим, по канонам жанра, для вечной жизни надо пить человеческую кровь и беречься от солнечных лучей. Адам и Ева живут порознь. Он обосновался в мрачном, заброшенном Детройте, где записывает аналоговым методом свои музыкальные сочинения и считается андеграундным гением, что, впрочем, не добавляет ему жизнелюбия. Адам испытывает *taedium vitae* и просит приятеля раздобыть особую деревянную пулю, чтобы покончить с собой. На помощь ему спешит Ева. Пара воссоединяется и преодолевает трудности сообща. Постмодернистский травестийный мессидж ленты заключается в том, что, да, Адам и Ева пьют человеческую кровь, но энергетическими вампирами не являются; наоборот, по ходу действия выясняется, что многие гении искусства и науки были такими же, как Адам с Евой, и подарили толпе много больше, чем взяли.

Анализ всех подвидов монстров жанра тянет на объемное академическое исследование, подкрепленное фундаментом новейших теорий. В рамках этих кратких заметок мы просто хотели попытаться настроить фокус зрения и показать, что horror может вызывать наслаждение, как сам по себе, своей зрелищностью и саспенсом, так и служить первоисточником для многочисленных интерпретаций, развертывающихся в поиске истины, или, что точнее, конструирующих эти истины.

Если на сегодняшний день Sci-Fi – наиболее реалистичный жанр, так как мы уже давно живем в наступившем будущем, где возможно генное редактирование, и камеры наблюдения вычитывают и прибавляют баллы к социальному рейтингу граждан, превращая их в прозрачных субъектов технототалитаризма, то horror – жанр наиболее честный, ибо работает с первичными эмоциями, психохимией мозга, которые, несмотря на тысячелетия эволюции, остались неизменными и обуславливают каждый миг нашей повседневной жизни: от клаустрофобии в лифтах и метро большого города и до страха перед всем новым. Дофаминовая и опиоидная системы нашего

мозга – своеобразный триггер любопытства, толкающий нас на познание нового. В порно это познание свершается через наслаждение. А в horror – через страх. В horror любопытство через страх приводит нас к познанию Истины, которая либо лечит искателя, либо оказывается настолько нечеловечески ужасной, что сводит его с ума (как, к примеру, у Лавкрафта).

Horror как полноценный жанр оформился и начал обретать заинтересованную публику в эпоху модернити. Стивен Кинг в книге «Пляска смерти», посвященной размышлениям о проблемах своего жанра, выделяет три архетипических текста, которые дали жизнь всему многообразию horror культуры. Это «Франкенштейн» (1818) Мэри Шелли, «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886) Р.Л. Стивенсона и «Дракула» (1897) Брэма Стокера. Интересно, что неклассическая философия – еще одно дитя модернити – тоже стоит на трех китах: Ницше, Фрейд, Маркс. Но удивительно то, что ключевые открытия-концепты Ницше, Фрейда и Маркса поразительным образом «рифмуются» с тремя архетипическими текстами, о которых говорит Кинг. Так, ницшеанская «смерть бога» напрямую соотносится с канвой романа Шелли, в котором гениальный и безумный ученый создает из фрагментов мертвой плоти ожившее чудовище, или, точнее, сверхчеловека, обладающего недюжиной силой и способностью к самообучению. Открытие Фрейдом темного подсознания под тонкой коркой дневного сознания также напрямую соотносится с канвой повести Стивенсона, в которой спокойный и интеллигентный доктор Джекил изобретает зелье, высвобождающее его потаенную злую сторону – мистера Хайда, посредством коего можно безнаказанно убивать, выпивать, прелюбодействовать. А марксово прозрение о том, что капитализм высасывает кровь пролетариата, оставляя его в живых для восстановления сил и, следовательно, непрерывной эксплуатации, отзеркаливается в «Дракуле» Стокера.

Эту аналогию при желании можно продолжить. Например, золотой век (1978 – 1984) жанра слэшер, для которого характерно наличие убийцы-психопата, преследующего и кроваво убивающего серию жертв за один день, совпал с расцветом радикального феминизма. В большинстве слэшеров последней жертвой остается девушка, которая встречается с убийцей лицом к лицу, борется с ним и побеждает. Такое вот прямое свержение фаллоцентризма.

Желающим глубже изучить связь современной философии с Horror я советую обратиться к сочинениям спекулятивных реалистов, к книгам Юджина Такера, Бена Вударда, Реза Негарестани, Марка Фишера.

А в заключении хочу сказать, что страшнее всех монстров, зомби и вампиров, психопатов, гоняющихся с бензопилой за подростками, являются люди, поклоняющиеся Норме с большой буквы. Еще Фуко говорил, что задача интеллектуала – ставить под вопрос застывшие ценности и представления, т.е. превращать вещество в энергию. Интересно, как бы он себя повел, оказавшись лицом к лицу с имеющим университетский диплом человеком, который всем своим существом верит, что Бог – это бородатый дедушка, восседающий на облаке? Каким образом великий философ защитился бы от этого агента Нормы, готового защитить свою точку зрения волосатыми кулаками? Если все так считают и говорят, разве это не нормально?
